

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1913.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Опытъ характеристикни проловѣдническаго творчества приснопамятнаго Архіепископа Харьковского Амвросія и нынѣ здравствующаго Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія въ зависимости отъ индивидуальныхъ дарованій ихъ. **Свящ. Н. Григоревича**. . . . . 721—731
- Историческій моментъ изданія Миланскаго эдикта и его значеніе. **Вл. Пархоменко**. . . . . 732—737
- Абсолютное въ текстическомъ пониманіи. (Оконч.). **И. П.** 738—754
- О времени рожденія Іисуса Христа. **В. А. Мелихова** . 755—757
- Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Р.** . . . . . 758—789
- Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію. **П. С. Гдѣшинскаго** . . . . . 790—818

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

- I. Приемъ у Архіепископа Арсенія.—Епархіальныя извѣщенія.—
II. Слово на день Рождества Пресвятыя Богородицы. *Свящ. Николая Загородскаго*.—„Сектанты и церковная политика“. *Архимандрита Арсенія*.—Планы для миссіонерскихъ бесѣдъ. (Продолж.). *Мис.-свящ. Ѳ. Сулимы*.—Епархіальная хроника.—Иносепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 819—856).

ХАРЬКОВЪ.

«Епархіальная Типографія», Каплуновская ул., д. № 2.

1913.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостино. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1912 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

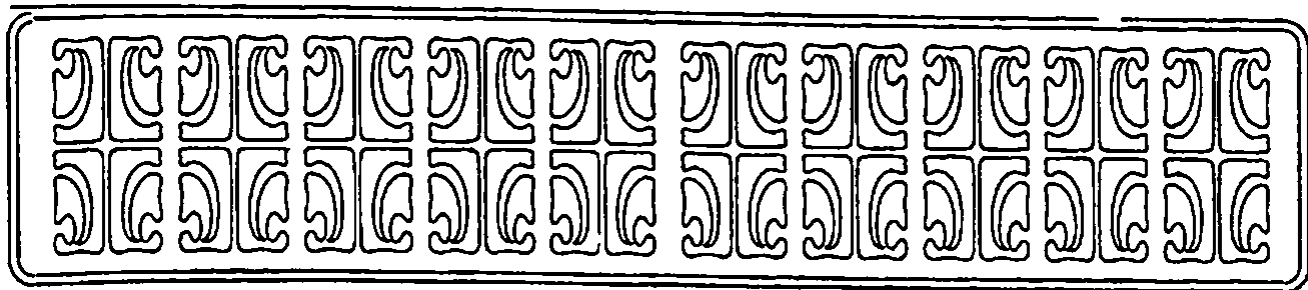
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 30 Сентября 1913 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Томинъ.

Опытъ характеристики проповѣдническаго творчества приснопамятнаго Архіепископа Харьковскаго Амвросія и нынѣ здравствующаго Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія въ зависимости отъ индивидуальныхъ дарованій ихъ.

Приступая къ посильному изслѣдованію нашей темы, мы, прежде всего, склоняемся предъ величіемъ Тѣхъ, кто будитъ мысль и воодушевляетъ къ благородному размышленію о нихъ.

Если теперь намъ оставлена „вѣчная память“ о жизни, дѣлахъ и златострунной проповѣди приснопамятнѣйшаго Владыки Амвросія, наполняющая сердце скорбью по невозвратно отошедшемъ въ потусторонній міръ Божественной славы, то эта скорбь смягчается тою благодатною радостью, которая подается чадамъ Харьковской церкви черезъ сознаніе того, что она оберегается ея Ангеломъ Хранителемъ—нынѣ здравствующимъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, укрѣпляется жизнью и подвигомъ его святительскаго служенія и просвѣщается великимъ въ своей простотѣ животворнымъ словомъ его.

Этими двумя Архипастырями такъ много сдѣлано на пользу святой православной Церкви вообще и, въ частности, для Харьковской епархіи во всѣхъ отношеніяхъ ея религиозной жизни, что примѣръ ихъ высокой дѣятельности давно вышелъ за предѣлы исключительно епархіальной жизни и съ несомнѣнной очевидностію сдѣлался достояніемъ церковной исторіи нашего отечества; мы же, изъ всего того матеріала, питаемаго разнообразнѣйшей и плодотворной дѣятельностію ихъ, давашаго и имѣющаго дать содержаніе

для многихъ размышленій о нихъ, остановимся на одной изъ частныхъ проповѣднической дѣятельности Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ, а именно—на характеристической особенностяхъ ихъ проповѣдническаго творчества, ибо ни откуда, какъ изъ параллелизма не станетъ яснымъ тотъ духъ, та сущность, которая и дѣлаетъ проповѣдь Владыкъ отличительною одну отъ другой со всѣми особенностями ихъ строго выраженныхъ индивидуальныхъ дарованій. Побужденіемъ-же къ постановкѣ и выясненію обозначеннаго вопроса является слѣдующее: въ періодъ (1882—1902 г.) святительскаго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія въ Харьковѣ паства его и вѣрные сыны Церкви православной находились подъ обаяніемъ его проповѣди, въ которой приснопамятнѣйшій Владыка, являя глубину своего богословствующаго ума и затрогивая разнообразнѣйшіе вопросы изъ церковной и общественной жизни, разсѣвалъ мракъ невѣрія и модныхъ вредныхъ теченій и окружающей лжи и порока. И дѣйствительно, сила вліянія этой проповѣди, полной глубокаго ума и обоснованности, была поразительна. Съ 1903-го года и по сіи дни тотъ же Харьковъ, тѣ же чада церкви Христовой, ввѣренныя святительскому водительству Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, слышатъ замѣчательную по глубинѣ чувства и христіанской настроенности своей проповѣдь его и растроганные, часто со слезой на глазахъ, внемлютъ ей. Какъ и приснопамятный Владыка Амвросій, и Высокопреосвященнѣйшій Арсеній затрогиваетъ и отвѣчаетъ на всѣ явленія жизни, но въ отличіе отъ перваго, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній съ ему только свойственной рѣдкой умѣлостію, а вѣрнѣе дарованіемъ, всякое явленіе жизни невидимыми нитями вѣры связываетъ съ тѣмъ, какъ должно быть и жить передъ Богомъ и разрѣшаетъ трогательнымъ Архипастырскимъ наставленіемъ и руководствомъ, и сила его проповѣди бываетъ неотразима. И вотъ, такимъ образомъ, естественно, какъ-бы самъ собою не только напрашивается, а и на самомъ дѣлѣ поднимается вопросъ если не о сравнительной оцѣнкѣ проповѣдническаго творчества Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ, такъ какъ, исходя изъ разныхъ дарованій, оно не однородно, то о сопоставленіи ихъ внутреннихъ достоинствъ, силы и красоты; но въ виду того, что точкой отправленія въ сужденіяхъ являются иног-

да основанія, не отвѣчающія сути дѣла, то намъ и хотѣлось-бы по мѣрѣ силъ и пониманія изложить свой взглядъ и убѣжденіе на этотъ предметъ.

Въ своемъ трудѣ, посвященномъ Высокопреосвященнѣйшему Арсенію къ тридцатилѣтію его святительства, о. прот. Томинъ, останавливаясь и углубляясь вниманіемъ въ предуказанія Божественнаго Промысла, находитъ служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на Харьковской святительской кафедрѣ не только естественнымъ, отвѣчающимъ знаменію времени и религіознымъ нуждамъ Харьковской паствы, но и какъ-бы необходимо исторически мыслимымъ и предусмотрѣннымъ блаженной памяти Владыкою Амвросіемъ. „Знаменательно, пишетъ онъ, что въ одинъ изъ визитовъ Архіепископа Арсенія изъ Риги въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшій Амвросій сказалъ ему при своихъ гостяхъ: „я не пророкъ, но предсказываю Вамъ, что будете моимъ преемникомъ на Харьковской кафедрѣ, и какъ-бы я желалъ этого“... (Жур. В. и Р. № 7 за 1912-й г. стр. 14). И эти непророческія слова, послѣ небольшого періода святительскаго служенія на Харьковской кафедрѣ Архіепископа Флавіана, исполнились къ радости и величію Харьковской Епархіи, въ точности.

Господу Богу угодно было, чтобы въ лицѣ Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, прибывшаго въ г. Харьковъ 15-го марта 1903-го года, Харьковская церковь нашла-бы для себя неустаннаго, ревностнаго хранителя Его Св. Церкви, мудраго руководителя во всѣхъ путяхъ ея религіозной жизни и глубоко убѣжденнаго наставника и проповѣдника Его святой истины. И дѣйствительно, принявъ епархію въ свое мудрое управленіе, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній многое начатое приснопамятнымъ Владыкою Амвросіемъ продолжилъ, окончилъ и приукрасилъ; святое желаніе Владыки Амвросія исполнилось; духъ его радуется, видя дѣла своего благостнѣйшаго замѣстителя... Но все-ли это?! Нѣтъ! Исполнилось и нѣчто другое, совершилось и нѣчто большее! Возвышеннѣйшая по содержанию истинно философская проповѣдь Владыки Амвросія завершилась глубокой по вѣрѣ животворною проповѣдію Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія. Такимъ образомъ, тотъ святой афоризмъ-текстъ, который, заключааясь въ словахъ „пітєтє

νοῦθηεν“, являетъ и содержитъ въ себѣ основную идею и направление журнала „Вѣра и Разумъ“, этого любимѣйшаго дѣтища Владыки Амвросія и не менѣе близкаго, хотя нѣсколько и реформированнаго и приноровленнаго къ нуждамъ и потребностямъ времени, сердцу Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, никогда не имѣлъ для себя болѣе типичнаго примѣненія и живого обнаруженія, какъ въ этихъ двухъ родахъ проповѣдническаго творчества со всѣми индивидуальными особенностями ихъ высокихъ личностей. Итакъ, принявъ въ наслѣдіе высокое духовное богатство отъ всей предшествовавшей идейной работы Владыки Амвросія, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній не только продолжилъ, но и восполнилъ его присущимъ ему проповѣдническимъ дарованіемъ и до того рельефно, что въ тезисѣ „вѣрою разумѣваемъ“ какъ-бы объединились двѣ проповѣди, два дарованія Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ, съ характерною особенностію другъ отъ друга проникающихъ въ смыслъ Божественной воли и жизни въ Богѣ, открытой избраннымъ Его. И трудно найти выраженіе болѣе гармоничнаго сочетанія высокаго разума, зиждущагося на глубокой и святой вѣрѣ, съ самой разумной вѣрой, покрывшей и какъ-бы впитавшей въ себя и самый разумъ, и выраженіе этого удивительнаго единенія разума и вѣры съ характернымъ обнаруженіемъ того или другой, и чувствуется и сознается при сопоставленіи проповѣдническаго творчества Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ. Поэтому-то, и при самомъ сопоставленіи ихъ, мы не можемъ допускать какого-либо сравненія въ смыслѣ критической оцѣнки, не можемъ устанавливать точекъ отправленія преимущественнаго достоинства той или другой проповѣди, а можемъ только, назидаясь, улавливать слѣды Божественнаго Духа, проявляющагося и обнаруживающагося въ различныхъ и преобладающихъ дарованіяхъ духа человѣческаго (1. Кор. 12,28), но не нарушающихъ единой сущности его духовной организациі, ибо, какъ и говоритъ маститый нашъ Архипастырь: „разумъ и вѣра не только не противорѣчатъ другъ другу, а напротивъ составляютъ единое цѣлое, удовлетворяющее умъ познающій и сердце вѣрующее“. (Собр. словъ и рѣчей Высокопр. Арсенія Т. 1 стр. 14). Имѣя въ этихъ золотыхъ словахъ указаніе основанія къ примиренію вѣковѣчнаго

спора между собою родныхъ сестеръ—религіи и науки, вѣры и знанія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣемъ и ключъ къ пониманію того, почему глубокая вѣра и истинный разумъ въ конечныхъ результатахъ своихъ изысканій приводятъ къ Одному Святѣйшему Объекту и Источнику всякой истины и правды ¹⁾; повидимому, различные пути познанія, но въ сущности проистекающіе изъ одного родника духа человѣческаго, они въ свою очередь сходятся и преломляются въ Томъ, отъ Кого почерпаютъ свой смыслъ и содержаніе. И если вѣра и знаніе (какъ продуктъ дѣятельности разума), по словамъ проф. Глаголева, вполне родственны и могутъ сближаться (Ж. В. и Р. за 1912-й годъ № 9 стр. 311, 312), то вполне естественно, что и въ проповѣдническомъ творествѣ Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ, въ этомъ служеніи и выясненіи Божественной истины и правды, могли отобразиться и отобразились преобладающимъ образомъ вѣра и разумъ въ зависимости отъ индивидуальныхъ дарованій ихъ.

Конечно, было-бы въ высшей степени страннымъ быть понятымъ въ томъ смыслѣ, что будто-бы въ проповѣдническомъ творествѣ Владыки Амвросія отобразился его высокій разумъ и только разумъ, а въ проповѣди Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія одна только глубокая вѣра, ибо не хотѣлось-бы быть похожимъ на того слѣпца, который, не видя яснаго солнечнаго свѣта, утверждалъ-бы, что оно, красное, не свѣтитъ, а только грѣетъ, или уподобится застывшей сѣверной ледяной горѣ, отображающей яркій свѣтъ солнца и блестящей миллиардами льдинокъ и снѣжинокъ, но не имѣющей представленія о благодатномъ оживляющемъ теплѣ его. Наоборотъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ проповѣдническомъ творествѣ, вѣра и разумъ связаны тончайшими нитями, какъ-бы артеріями, взаимно питающими другъ друга, и такъ органически, что самый глубокій анализъ не отдѣлитъ, гдѣ начинается первая и кончается второй, но только съ той разницей, что проповѣдь Владыки Амвросія заставляетъ безповоротно понять и уяснить себѣ религіозную истину и Божественный законъ, проповѣдь же Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія неотразимо заставляетъ

¹⁾ Ibid Т. 1 стр. 11.

какъ-бы почувствовать Божественную правду и проникнуться ею; словомъ, проповѣдь первая свѣтитъ и грѣтъ, вторая же, грѣя, свѣтитъ.

Какимъ образомъ это достигается, какъ совершается тайна такого вліянія проповѣди Высокопреосвященнѣйшихъ Владыкъ и соотвѣтствующее воздѣйствіе на умъ и сердце, это едва-ли можетъ поддаться описанію, ибо относится къ области внутреннихъ переживаній и опыта, внутренней стороны и жизни человѣческаго духа. Но въ общемъ, находя подтвержденіе нашего основного взгляда на сущность упомянутаго проповѣдническаго творчества въ томъ соотвѣтствующемъ вліяніи, какое оказываетъ на вѣрующихъ то и другое, мы въ отношеніи проповѣди Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія должны сказать, что такое вліяніе съ трогательною очевидностію становится яснымъ, когда онъ силою своей сознанный въ себѣ Архипастырской благодати и власти (Тамъ-же Т. II стр. 104), завладѣвъ вниманіемъ молящихся, а потомъ и настроеніемъ ихъ, объединяющій всѣхъ въ одно неразрывно цѣлое, въ одну душу и сердце, самъ глубоко вѣрующій маститый и трогательный, отдающій и себя всецѣло въ дѣло общей молитвы, любви и вѣры, восклицаетъ: „какъ отрадно и легко, какъ радостно въ эти минуты молиться съ народомъ у благодатной иконы Царицы Небесной!“ (Жур. В. и Р. за 1911-й годъ № 21 стр. IV). Или же, касаясь мысленно идеальнѣйшаго порядка вещей, устройства жизни по вѣрѣ въ Бога и искупительнымъ заслугамъ Господа нашего Іисуса Христа въ однихъ проповѣдяхъ, напр. (Т. II, кн. I стр. 7), или въ другихъ съ отеческою нѣжностію зоветъ къ добру и увлекаетъ описаніемъ счастливыхъ перспективъ его съ предвкушеніемъ духовной радости, проистекающей отсюда. „Какъ хорошо, говоритъ Владыка, когда въ училищѣ среди наукъ,—наука о Богѣ и Его законѣ поставлена на первомъ мѣстѣ не по формѣ, но по сущности самага дѣла... Какъ хорошо, напри- мѣръ, когда историкъ въ судьбахъ народа видитъ исполненіе судебъ Божіихъ... Какъ хорошо, наконецъ, когда заботясь въ училищѣ о воспитаніи юношей, о приготовленіи ихъ полезными членами государства, общества и семейства, главнѣе всего стараются о томъ, чтобы приготовить въ нихъ истинныхъ христіанъ; потому что въ такомъ только

случаѣ челоуѣкъ можетъ быть истинно-полезенъ людямъ и Богу угоденъ“. (Т. I. стр. 10—11. Сравн. Ж. В. и Р. 1911 г. № 17 стр. V; Т. 1 стр. 111; Т. II, кн. 1 стр. 51 и т. п.). Не говорить-ли вамъ, любезный читатель, эта форма словеснаго выраженія о глубокой искренности вѣры, не напоминаетъ-ли вамъ эта вдохновенная настроенность радостную восторженность учениковъ Господнихъ—Петра, Іакова и Іоанна, воскликнувшихъ при видѣ славы преобразившагося Господа: „хорошо намъ здѣсь!“ (Мат. гл. 17, 4).—Мы далеки отъ мысли исчерпать все богатство разнообразныхъ мѣстъ и духовныхъ достоинствъ проповѣдническаго творчества Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, ибо, оставивъ основную мысль, уклонились-бы въ сторону общей характеристики его, но и изъ этой послѣдней, сдѣланной о. прот. Ѳоминымъ, приведемъ слѣдующія слова: „въ своихъ проповѣдяхъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній просто, наглядно, *воодушевленно* изображаетъ красоту христіанскихъ добродѣтелей и величіе евангельскихъ заповѣдей, въ *живыхъ* чертахъ и подробно онъ отмѣчаетъ нравы и порядки современной нашей жизни... Тонъ каждаго его слова *согрѣтъ* глубокимъ *чувствомъ* и искренностію убѣжденій, нерѣдко въ немъ прорывается вспыхнувшее чувство *умиленія* и *молитвенные* возгласы. Проповѣдникъ *глубоко переживаетъ въ сердцѣ своемъ* то, о чемъ говорить, и самое слово его, поэтому, чрезвычайно *живо, проникновенно* и всегда находитъ живой *откликъ* въ сердцахъ слушателей“. Отмѣчая живость и впечатлительность проповѣди Владыки Арсенія, о. Протоіерей называетъ ее „*живой школой живого слова* для кандидатовъ священства и для всѣхъ пастырей“ (В. и Р. 1912-й г. № 8, стр. 180—181).

И если, такимъ образомъ, несомнѣнно то, что живость, впечатлительность и трогательность являются характерными свойствами проповѣдническаго творчества Владыки Арсенія, то несомнѣнно и то, что мы не все сказали-бы о сущности его, если-бы не подчеркнули-бы, что эти качества лишь говорятъ о характерѣ дарованія, порождающемъ ихъ, что они сами являются лишь слѣдствіемъ той высокой религіозной настроенности, которая, какъ-бы покончивъ счеты съ земнымъ, вѣрою переносится въ высшія и найотраднѣйшія переживанія жизни въ Богѣ—источникѣ крѣпости, силы и

радованія (В. и Р. № 7 за 1912-й годъ стр. 6), что только лишь при всепроникающей вѣрѣ, открывающей духовныя очи человѣка, можно такъ говорить, какъ говоритъ наприим. Владыка Арсеній: „теперь остается провозгласить одну благу вѣсть, остается поднять край той священной завѣсы, изъ-за которой ясно виденъ наступающій день Рождества Христова и святая Церковь сію священную завѣсу поднимаетъ намъ, провозглашая о воплощеніи Господа Іисуса Христа въ евангельскомъ чтеніи въ навечеріи самаго праздника“.

И въ этой преобладающей основной чертѣ говорящей вѣры—сущность проповѣдническаго творчества Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія и секретъ вліянія на душу и сердце преданной ему паствы его.

И думается, что этому послѣднему обстоятельству и соотвѣтствующему взгляду на проповѣдь Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія способствовала провиденціально предшествовавшая проповѣдь Владыки Амвросія.

Если безъ проповѣди Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія проповѣдь Владыки Амвросія могла-бы показаться если не неполной со стороны внутренней своей сущности, питаемой двумя факторами религіознаго вѣдѣнія человѣка—его познающаго разума и проникающей и опытной въ себѣ вѣры,—дающей основанія предполагать о преобладающемъ значеніи услугъ разума въ области раскрытія духовной христіанской жизни и обоснованности ея смысла и содержанія,—то безъ проповѣди Владыки Амвросія и проповѣдь Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія была-бы недостаточно глубоко прочувствована и вѣрно оцѣнена, ибо не такъ ярко засвѣтило-бы солнце вѣры, если-бы не такъ всесторонне былъ разсѣянъ туманъ лжи и человѣческаго суемудрія, стремящагося создать и устроить жизнь не по непреложнымъ законамъ Божественной правды и истины, а по неустойчивымъ теоріямъ и ложнымъ философскимъ доктринамъ, видящимъ все счастье человѣка въ его земномъ благополучіи.

И что это сдѣлано приснопамятнымъ Владыкою Амвросіемъ и достигнуто его великою философскою проповѣдію, не оставляющей для желающихъ видѣть и слышать и тѣни сомнѣнія въ непреложности истины Христовой и устройства жизни по вѣковѣчнымъ заповѣдямъ Его, объ

этомъ судить не намъ: судъ этотъ сдѣланъ исторіей; для насъ же важно это общее сужденіе отгнать и этимъ подтвердить уже высказанный взглядъ на проповѣдническое творчество Владыки Амвросія.

Сообразно своему основному взгляду на религію христіанскую, по которому она, имѣя двѣ стороны, есть не только дѣло вѣры, но и высочайшее рациональное ученіе, объемлющее всѣ области человѣческаго знанія и мышленія и проникающее всѣ отношенія и проявленія нашей жизни (Собр. проп. Владыки Амвросія Т. V. 204), приснопамятный Владыка Амвросій весь геній своего ума, всю силу своего рѣдкаго таланта и всесторонней философской эрудиціи употребилъ на то, чтобы отгнать, выяснить и утвердить соотвѣтствіе и разумность только того нравственнаго порядка вещей, явленій жизни и взаимныхъ отношеній, которыя находятъ для себя оправданіе въ ученіи христіанскомъ, нормальность и жизнеспособность только той природы прогресса, который гармонируетъ и отвѣчаетъ духу и природѣ Евангельскаго ученія и водительство православной Церкви, хранящей его.

И такъ какъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ государственнаго, общественнаго и семейнаго отношеній есть отображеніе „идейныхъ теченій“, подъ вліяніемъ которыхъ она и принимаетъ ту или иную форму, то или иное направленіе, то и проповѣдникъ поставилъ себѣ въ обязанность „изучать“ именно реальную жизнь человѣческую и, непременно, въ процессѣ ея рожденія изъ идейныхъ теченій для того, чтобы дать по силамъ своимъ судъ слова Божія объ наукѣ, вѣрѣ и жизни своего времени (Пропов. стр. 184; 1—131; IV, 321; 1,—48).

Конечно, чтобы выполнить это, проповѣдникъ долженъ обладать не только глубокимъ знаніемъ слова Божія, но и знаніемъ наукъ и преимущественно историческихъ и философскихъ; не только знаніемъ законовъ жизни, но и „силою мысли“, комбинирующею и анализирующею эти самые законы. (Пропов. 109, 192, 169, 168).

Вотъ, такимъ образомъ, въ такой сжатой формѣ тѣ требованія, которыя поставилъ себѣ замѣчательный Витія въ дѣлѣ своего церковнаго проповѣдничества, та задача, предъ ко-

торой смутился-бы другой не менѣе образованный умъ и которую не только выполнилъ, но и блестяще оправдалъ Владыка Амвросій, такъ что въ его словахъ и рѣчахъ, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Иннокентія, заключается цѣнный и дорогой матеріалъ для пополненія науки нравственнаго богословія въ развитіи и рѣшеніи ея тѣхъ вопросовъ, которые предъявляетъ къ христіанской нравственности жизнь въ различныхъ ея видоизмѣненіяхъ. (Вѣнокъ на могилу—стр. 59).

Итакъ, если нужно удивляться той научно-богослово-философской систематичности и характеру, которымъ отличается проповѣдническое творчество Владыки Амвросія, глубокому знакомству съ древними философскими системами Платона и другихъ и съ цѣлымъ спискомъ новыхъ—Ренана, Маркса, Ницше, Гоббеса, Шеллинга и т. д., и нашихъ отечественныхъ Вл. Соловьева, Трубецкого, Муравьева, Самарина, Л. Толстого и пр., то болѣе того нужно удивляться той „силѣ ума“ съ исключительнымъ дарованіемъ анализа и синтеза, которая, выбирая самое нужное изъ всѣхъ отраслей знанія для освященія жизни въ ея проявленіяхъ, а также и для врачеванія „духа времени“ (V—310, 311), не уклонилась въ стороннія изысканія, а, сохранивъ чувство мѣры и характеръ церковной проповѣди, всесторонне освѣтила, оправдала и укрѣпила дѣло вѣры Христовой; по природѣ замѣчательный умъ Владыки Амвросія, основанный на глубокой вѣрѣ его, долженъ быть признанъ великимъ, какъ и сама проповѣдь, отобразившая его.

И если, въ заключеніе замѣтимъ мы, знанія еще можно приобрѣсть, то за то ужъ „силы ума“ у природы не выразишь, равнымъ образомъ какъ не купишь и „вѣры“, ибо много христіанъ, но мало вдохновленно вѣрующихъ какъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, очень много ученыхъ людей, но... истинно разумныхъ какъ приснопамятнѣйшій Владыка Амвросій много меньше.

Итакъ, резюмируя все сказанное, мы сравнимъ приснопамятнаго Владыку Амвросія съ пахаремъ, всколыхнувшимъ и вспахавшимъ разумомъ, какъ плугомъ, поле жизни, а проповѣдь Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія съ благодатнымъ дождемъ, теплотою вѣры полившимъ его; и если

приснопамятный Владыка Амвросій есть „стражъ міра христіанскаго“ (Проп. 337), то Высокопреосвященнѣйшій Арсеній) есть любящій отецъ и печальникъ паствы своей (Проп. Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія Т. 2, стр. 104), и счастлива Харьковская епархія, имѣвшая перваго своимъ Архипастыремъ и руководимая нынѣ ея Ангеломъ-Хранителемъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ.

Свящ. Н. Григоревичъ.

Историческій моментъ изданія Миланскаго эдикта и его значеніе.

То знаменательное событіе, съ момента котораго 14 сентября прошло 1600 лѣтъ и которое торжественно отпраздновалъ весь христіанскій міръ—безъ различія конфессіональныхъ особенностей,—невольно переноситъ мысль нашу въ далекую эпоху, когда древній міръ колебался, доживая свои послѣдніе дни и когда въ связи съ этимъ шла рѣшительная борьба двухъ религіозныхъ міросозерцаній—одряхлѣвшаго античнаго политеизма и недавно явившагося въ міръ христіанства. Хотя интеллигентное общество того времени переросло уже мифологію и культъ греко-римской религіи, тѣмъ не менѣе въ началѣ своего существованія христіанство, по мѣткому выраженію апостола Павла, показалось эллинамъ безуміемъ, а для іудеевъ явилось соблазномъ.

Господствовавшій тогда эллино-римскій міръ въ массѣ своей отнесся къ христіанской религіи и христіанамъ крайне отрицательно; и власти, и интеллигенція, и чернь объединенной грозной силой ополчились противъ христіанства,—христіанамъ пришлось выдержать рядъ жестокихъ гоненій. Но грубой силѣ враговъ христіанства суждено было въ концѣ концовъ констатировать фактъ чуда въ исторіи—моральной побѣды христіанства, вооруженнаго лишь мощью высокихъ, святыхъ идей, надъ всѣмъ запасомъ мѣръ физическаго воздѣйствія со стороны могущественнаго язычества. Въ изобиліи проливавшаяся тогда кровь христіанъ становилась тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго постепенно выросло и выросло громадное, многовѣтвистое дерево—сильная въ мірѣ Церковь Христова.

Сразу—же враждебно къ христіанамъ, какъ людямъ особеннымъ, непохожимъ на простыхъ смертныхъ по укладу своей жизни, отнеслась въ массѣ престонародная чернь, но въ III уже вѣкѣ, узнавъ лучше христіанъ, она отвратила отъ нихъ свою злобу и стала все большими и большими группами принимать христіанство, звавшее къ себѣ прежде всего трудящихся и угнетенныхъ. Тогдашняя интеллигенція, презрительно—враждебно взглянувшая на христіанъ, какъ на сумасбродныхъ мечтателей и суевѣровъ, и выставившая изъ своей среды такихъ враговъ христіанства, какъ Маркъ Аврелій, Цельсъ, Порфирій и многіе иные видные представители знанія того времени, уже со второй половины II вѣка стала также выдѣлять изъ себя лицъ, понявшихъ всю красоту и силу новой религіи,—таковы извѣстные философы—писатели: Іустинъ мученикъ, Климентъ Александрійскій и другіе. Римская власть, въ III вѣкѣ особенно рьяно возставшая противъ христіанъ, какъ враговъ государства, и старавшаяся совсѣмъ уничтожить эту новую религію и ея адептовъ (Декій, Траянъ, Валеріанъ), въ томъ же III вѣкѣ въ ряду своихъ представителей имѣла и такихъ, которые усвоили себѣ толерантно-внимательное отношеніе къ христіанству, какъ императоры—Александръ Северъ, Филиппъ Аравитянинъ, наконецъ, Констанцій Хлоръ—въ концѣ III и началѣ IV вѣка. Вслѣдъ за симъ наступила пора, когда въ семьѣ одного изъ императоровъ—именно послѣдняго изъ упомянутыхъ—воспитался тотъ великій человекъ, который, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ царскую власть надъ всей могущественной Римской имперіей, понялъ идейную силу и жизненность христіанства и рѣшилъ христіанской религіи дать значеніе религіи государственной.

Константинъ Великій является безусловно яркой, выдающейся личностью въ исторіи. Уже наружность выдѣляла его изъ среды другихъ: это былъ человекъ высокаго роста, съ величественной осанкой, съ большими глазами, съ орлинымъ носомъ. Что касается его душевныхъ свойствъ и государственныхъ талантовъ, то ихъ признавали и тѣ изъ его современниковъ, которые его недолюбливали за измѣну язычеству и симпатіи къ христіанству.

Какъ видно изъ сопоставленія отзывовъ о Константинѣ разныхъ современниковъ, онъ являлъ собою государя умна-

го, энергичнаго, любившаго умственный трудъ, искуснаго въ военномъ дѣлѣ, обладавшаго даромъ слова, доступнаго, щедрого, отличавшагося умѣреннымъ образомъ жизни.

Отъ своихъ родителей—Констанція и Елены—Константинъ получилъ трезвый взглядъ на христіанъ, позволившій ему увидѣть всѣ положительныя стороны христіанской религіи и христіанскаго общества. При дворѣ императора Діоклетіана Константинъ имѣлъ полную возможность убѣдиться въ могуществѣ и несокрушимой силѣ преслѣдовавшагося тогда христіанства и въ безнадежности для государственной языческой религіи. вдохнуть жизнь въ одряхлѣвшій организмъ Римскаго государства. Неудачная попытка въ этомъ смыслѣ выдающагося императора Діоклетіана убѣдила Константина въ необходимости при воссозданіи внутренней мощи имперіи найти для нея новый религіозный скрѣпляющій цементъ, новую „душу живу“—и онъ естественно обратился къ религіи христіанской, въ трехвѣковой кровавой борьбѣ за свое существованіе доказавшей свою жизненную силу и внутреннюю крѣпость.

Рѣшительное значеніе для полнаго религіознаго перелома въ душѣ Константина и для укрѣпленія въ немъ рѣшимости совершить задуманный государственно-религіозный переворотъ имѣло особое видѣніе, бывшее ему въ октябрѣ 312 г. предъ рѣшительной битвой съ его политическимъ соперникомъ Максенціемъ. Объ этомъ видѣніи говорятъ и языческіе и христіанскіе писатели, не вполнѣ, впрочемъ, соглашаясь между собою. По свидѣтельству христіанскаго писателя—Руфина Аквилейскаго, жившаго вскорѣ послѣ Константина (умеръ въ 410 г.), Константинъ въ это время увидѣлъ во снѣ пылающій на востокѣ крестъ и, проснувшись въ испугѣ, почувствовалъ возлѣ себя ангела, сказавшаго ему—„симъ побѣждай!“

Другой, болѣе ранній, писатель, современникъ Константина и его хорошій знакомый, знаменитый Евсеій Кесарійскій нѣсколько иначе описываетъ это видѣніе—со словъ самого Константина. „Однажды въ полуденные часы дня, когда солнце начинало уже склоняться къ западу“, рассказываетъ Евсеій, царь увидѣлъ „собственными очами составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: „симъ побѣждай“. Это зрѣлище объяло ужа-

сомъ какъ его самого, такъ и всѣхъ сопровождавшихъ его. Константинъ находился однако въ недоумѣніи и говорилъ самъ себѣ: что бы значило такое явленіе? Но между тѣмъ какъ онъ думалъ и долго размышлялъ о немъ, наступила ночь. Тогда во снѣ явился ему Христосъ съ видѣннымъ на небѣ знаменіемъ и повелѣлъ, сдѣлавъ знамя, подобно этому видѣнному на небѣ, употреблять его для защиты отъ нападенія враговъ.“

Какъ бы то ни было, военные успѣхи этого времени, видимо, убѣдили Константина въ томъ, что ему покровительствуетъ христіанскій Богъ, относительно вѣры въ Котораго задумывался тогда Константинъ по мотивамъ и лично психологическаго и государственнаго характера. Сломивъ Максентія и сдѣлавшись государемъ Запада, Константинъ сразу-же постарался склонить своего родственника—государя Востока Ликинія, лично весьма мало расположеннаго къ христіанству, къ тому, чтобы совмѣстно въ 313 году издать въ городѣ Миланѣ знаменитый эдиктъ, касающійся разрѣшенія религіознаго вопроса въ Римскомъ государствѣ.

Въ силу этого указа христіане впервые получили, наравнѣ съ послѣдователями всѣхъ другихъ религіозныхъ воззрѣній, ничѣмъ не стѣсняемое и безусловное право исповѣдывать свою религію, и имъ были возвращены всѣ мѣста богослуженія и земли, которыя у нихъ были ранѣе конфискованы. Во всякомъ случаѣ видно, что это былъ лишь указъ о религіозной терпимости, еще не устанавливавшій за христіанствомъ значенія государственной религіи. Однако рядъ дальнѣйшихъ вслѣдъ засимъ мѣропріятій Константина, черезъ 10 лѣтъ ставшаго единовластителемъ въ Римской имперіи, шагъ за шагомъ возвелъ христіанство на положеніе господствующей въ Римской имперіи религіи, при чемъ христіанской церкви впервые были дарованы юридическія права въ государствѣ. Эти мѣропріятія начались сразу по изданіи Миланскаго эдикта, шли съ постепенностью и потому съ этого именно момента изданія Миланскаго эдикта слѣдуетъ считать начало возвышенія государственнаго значенія христіанства въ Римскомъ государствѣ.

Поэтому изданіе Миланскаго эдикта считается однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи какъ церкви, такъ

и Римской имперіи и вообще въ исторіи взаимоотношеній церкви и государства въ мірѣ.

Со времени Миланскаго эдикта начинается новая эпоха въ исторіи христіанской церкви, эпоха блестящая, давшая въ IV и V вѣкахъ рядъ великихъ отцовъ и учителей церкви, оставившихъ намъ не только замѣчательныя богословскія сочиненія, которыми доселѣ питается богословская мысль всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, но и создавшихъ вселенскіе соборы, на которыхъ раскрыто, формулировано и утверждено было догматическое ученіе церкви.

Но какъ указывалось уже, значеніе Миланскаго эдикта— не только въ исторіи церковной, но и за предѣлами ея. Онъ сдѣлалъ христіанство впервые политической силой, ввелъ церковь въ сферу государственныхъ отношеній, открылъ для христіанства возможность проникать въ область государственнаго права. Христіанство, съ момента Миланскаго эдикта явившееся опредѣленной политической величиной, стало теперь вводить въ государственное право понятія о цѣнности и святости человѣческой личности, о неестественности рабства и національной исключительности, разбило вѣру въ зоологическое отличіе варвара отъ эллина и. т. п. Правда, христіанскія понятія довольно медленно проникали въ юридическія нормы государства, но не вина христіанства въ томъ, что ему вскорѣ пришлось имѣть дѣло съ новыми— варварскими народами Европы, находившимися тогда на низкой степени культуры. Но по отношенію къ этимъ именно народамъ христіанство исполнило миссію чрезвычайной важности: великіе европейскіе народы, гордые нынѣ своей высокой культурностью, христіанству именно обязаны тѣмъ, что они гораздо скорѣе и удачнѣе прошли свой путь перехода отъ прежняго полудикаго почти сстоянія къ нынѣшней высокой степени своего культурнаго развитія. Миланскій эдиктъ въ данномъ случаѣ сыгралъ именно свою роль тѣмъ, что, во-первыхъ, далъ христіанству свободу распространенія и, во-вторыхъ, положилъ начало возведенію христіанства на положеніе господствующей религіи въ Римской имперіи и этимъ поспособствовалъ передачѣ христіанской религіи, какъ государственной именно, отъ прежней государственной власти—Римской—къ новымъ, постепенно смѣнившимъ ее. Необходимость же и полезность этой передачи христіанства но-

вымъ народамъ путемъ именно, такъ сказать, государственнымъ—отъ власти къ власти прежде всего—обусловливалась тогдашнимъ культурнымъ состояніемъ новыхъ европейскихъ народовъ, усвоеніе которыми христіанства путемъ обычной миссіонерской проповѣди затянулось—бы, надо полагать, на нѣсколько лишнихъ столѣтій.

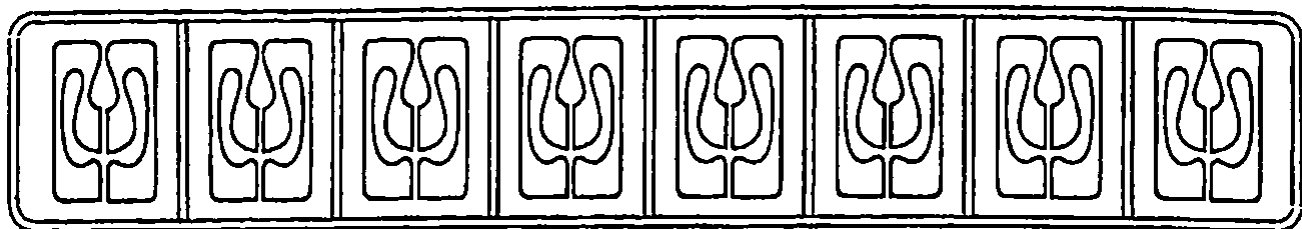
И наша Русь воспользовалась плодами дѣятельности Константина Великаго, издавшаго Миланскій эдиктъ и тѣмъ начавшаго новую религіозную политику въ Римскомъ государствѣ. Отъ преемниковъ Константина Великаго, Византійскихъ императоровъ, наши князья—и прежде всего Владиміръ Святой,—власть новая отъ власти старой, культурной,—получили христіанство и затѣмъ приняли мѣры къ распространенію его въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ приобщенію Руси къ семьѣ культурныхъ народовъ.

Столь богатъ былъ своими послѣдствіями Миланскій эдиктъ и такъ великъ въ исторіи инициаторъ его—Римскій императоръ Константинъ, этимъ актомъ смѣло разорвавшій связь государства съ языческой религіей и первый положившій начало союза государствъ съ церковью христіанскою ¹⁾.

Вл. Пархоменко.

¹⁾ Литература: „Грековосточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ“ Ф. А. и С. А. Терновскихъ, Кіевъ. 1883 г., „Церковно историческія сочиненія“ А. П. Лебедева, томъ I—о гоненіяхъ, и его же статья о Константинѣ Великомъ въ „Христіанскомъ Читеніи“ за 1912 г., „Паденіе античнаго міросозерцанія“ М. С. Корелина, Спб. 1901 г., 2 части „Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи“ Э. Гиббона (перев.—Москва, 1883 г.)—и др.

Абсолютное въ теистическомъ пониманіи.

(Окончаніе *).

Человѣкъ, какъ и всякое конечное существо, зависитъ несомнѣнно отъ пространственныхъ условій; наряду съ нимъ въ мірѣ существуетъ множество другихъ существъ, которыя, будучи равны или сильнѣе его, ограничиваютъ его. Пространственныя условія создаютъ для человѣка большія или меньшія границы, до которыхъ только и можетъ доходить его существоваемость, равно какъ и прочихъ конечныхъ, ограниченныхъ существъ и дальше которыхъ оно простирается не можетъ. Эта пространственная ограниченность создаетъ то, что конечныя существа образуютъ собою, какъ бы нѣкоторые замкнутые круги бытія, вытѣсняющіе собою все, внѣ ихъ находящееся, равно какъ и сами ими же вытѣсняемые, а потому представляющіе собою особую определенную сферу бытія, одно определенное пространство или мѣсто. И вотъ, между прочимъ, замѣчается между этими кругами одинъ замѣчательный фактъ, фактъ градацій зависимости ихъ въ своемъ бытіи отъ пространственныхъ условій, наблюдаемый въ формѣ прогресса въ эмансипаціи отъ пространственныхъ ограниченій пропорціональной способности къ собственному внутреннему и самостоятельному существованію. Другими словами: чѣмъ болѣе замѣчается зависимости по бытію отъ внѣшнихъ условій, чѣмъ менѣе самопроизвольность у существа, меньше способности къ собственному внутреннему существованію, тѣмъ больше зависимости его отъ условій пространства и наоборотъ, чѣмъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1913 г.

большей способностью къ внутреннему самостоятельному существованію обладаетъ существо, тѣмъ меньше его зависимости отъ условій пространства. Словомъ пространство или зависимость отъ пространства и внутренняя самодѣятельность существа, его совершенство стоять въ обратно пропорціональномъ отношеніи. Но если съ совершенствомъ бытія связывается, именно въ указанномъ отношеніи, независимость отъ пространства, то что же нужно сказать относительно Абсолютнаго? Отвѣтъ ясный—разъ Оно абсолютно—совершенно, то вмѣстѣ съ этимъ Оно абсолютно—свободно отъ пространства, для Него пространства не существуетъ, Оно есть Существо, стоящее выше всякой пространственности и измѣримой протяженности,—Существо необъятное, неограниченное, неизмѣряемое; Оно не можетъ быть стѣсняемо или ограждаемо, включаемо, или исключаемо другими существами. Поэтому Абсолютное вездѣ. Мы не можемъ и не имѣемъ права сказать, что такой то предметъ существуетъ подлѣ или внѣ Абсолюта, не можемъ сказать, что Оно имѣетъ высоту, широту глубину, ибо Оно не подлежитъ измѣреніямъ пространства, но находится весь вездѣ. Это не значитъ то, какъ думаютъ пантеисты, что Оно разлито по міровой вселенной подобно воздуху или свѣту, что Оно субстанціально присутствуетъ вездѣ, какъ міровая субстанція, неотдѣлимая отъ міра, ибо такое возрѣніе на независимость Абсолютнаго отъ пространства противорѣчитъ какъ свойствамъ мірового бытія, такъ и истинному понятію объ Абсолютномъ. Міръ есть совокупность существъ множественныхъ, условныхъ и ограниченныхъ; спрашивается, какимъ же образомъ міръ, какъ таковой, можетъ быть модификаціей Существа Абсолютнаго, Которое составляетъ въ своей сущности прямую противоположность бытію конечному, измѣнчивому и ограниченному? Если бы міръ былъ раскрытіемъ Абсолютнаго, то несомнѣнно онъ имѣлъ бы всѣ свойства Его природы, былъ бы вѣчнымъ, неизмѣннымъ, всесовершеннымъ. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Таковы ли свойства наблюдаемаго нами міра? Далекъ нѣтъ. Значитъ, міръ нельзя признать раскрытіемъ Божества. Мы окончательно убѣдимся въ этомъ, если увидимъ, что кромѣ несовершенствъ міра онтологическихъ, вытекающихъ изъ его несамобытности, есть несовершенства, составляющія прямую противоположность

идеямъ разумности и блага. Мы встрѣчаемся въ мірѣ съ зломъ, заблужденіями, съ беспорядками, нестроеніями, страданіями и пр. Неужели же все это зло, страданіе и прочія несовершенства въ этомъ родѣ проявленія Абсолютнаго? Но если это такъ, то что же, вѣдь мы вводимъ въ понятіе объ Абсолютномъ не только свойства ограниченности міра, но и самые его недостатки, неразумность и зло. Но это идетъ въ разрѣзъ со всякимъ здравымъ разсужденіемъ и смысломъ, идетъ въ разрѣзъ съ понятіемъ Абсолюта, и разрушаетъ такимъ образомъ идею объ Абсолютномъ. Слѣдовательно, пантеизмъ несостоятеленъ. А вмѣстѣ съ паденіемъ его системы, падаетъ и объясненіе имъ вездѣприсутствія Абсолюта. Невозможно также склониться къ противоположному міровоззрѣнію—деистическому въ его пониманіи вездѣприсутствія. Деизмъ прямо, хотя, быть можетъ, несознательно, допускаетъ значительность для Абсолюта пространственности. Достаточно вспомнить мотивъ возникновенія деизма, чтобы видѣть справедливость этого. Деистическая система возникла подъ вліяніемъ представленія о необъятности міровой вселенной, о безчисленныхъ мириадахъ солнечныхъ системъ. Деизму казалось трудно представимымъ, что Богъ, создавъ вселенную, особое попеченіе удѣлилъ землѣ, этой каплѣ въ міровомъ океанѣ и полагалъ, что присутствіе Божіе въ мірѣ ограничилось актомъ творенія его,—выражается въ данныхъ ему неизмѣнныхъ законахъ и силахъ. Самъ же Богъ, создавъ міръ и давъ ему опредѣленные законы его существованія, удалился куда-то отъ міра, замкнулся въ Себѣ. Онъ забылъ, что для Абсолютнаго все равно, что земля, эта незначительная пылинка, предъ Нимъ такъ же велика, какъ и вся міровая вселенная, и послѣдняя предъ Нимъ такъ же мала, какъ земля. Значитъ здѣсь, т. е. по отношенію къ Абсолютному, не могутъ быть прилагаемы термины больше, меньше и пр. Предъ безконечностью все равно, одинаковы, какъ многомилліонный періодъ времени, такъ и одна тысячная секунды, какъ безконечная (по нашей неточной терминологіи) вселенная, такъ и одна мельчайшая пылинка, путешествующая по воздуху. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о пространственныхъ отношеніяхъ, ибо Абсолютъ всегда, весь и вездѣ. Итакъ, Абсолютное обладаетъ бытіемъ безусловнымъ (самосущимъ), неизмѣннымъ, безграничнымъ, вѣчнымъ. Та-

кое бытіе можетъ принадлежать только одному существу и именно существу абсолютному. Допустить, что такое бытіе присуще еще какому либо существу, это значить допустить *contradictio in adiecto*, ибо въ такомъ случаѣ ни одно, ни другое не было бы абсолютнымъ, такъ какъ они ограничивали бы другъ друга. Абсолютность требуетъ полной отрѣшенности, полновластія и могущества надъ всѣмъ, что не есть Оно. Но при допущеніи двухъ существъ, обладающихъ одинаковыми свойствами, ни одно, ни другое не будетъ простираетъ своей власти другъ на друга, а въ такомъ случаѣ они будутъ оба ограничены. Слѣдовательно, существо, обладающее указанными свойствами, можетъ быть только одно, и единство должно быть усвоено Ему сообразно съ Его Высочайшей природой — единство совершенное. — Дѣло въ томъ, что единство въ самой дѣйствительности имѣетъ разные виды и степени. Уже механическая связь частей есть такое единство, для котораго мы предполагаемъ основаніе въ дѣйствительности (сила сцѣпленія); гораздо въ большей степени приписываемъ единство организму, это уже дѣйствительное Существо, а не простой образъ, какъ бы подобіе единства, какова связь механическая. Что касается человѣка, какъ субъекта, то среди міровыхъ существъ и предметовъ, онъ въ своемъ существѣ представляетъ собою въ мірѣ высшій и превосходнѣйшій образъ бытія, — единства, не приходящаго совнѣ, а истекающаго изъ глубины его же самого, единства, опредѣляемаго внутренно объединяющею силой самосознанія, самоопредѣленія. Но это единство далеко не полное и не совершенное, ибо оно не имѣетъ всей полноты бытія и тѣмъ, что имѣетъ, вслѣдствіе своей ограниченности и условности, человѣкъ, никогда не въ состояніи вполне овладѣть и чрезъ это возвести его себѣ къ полному объединенію. Очевидно, чѣмъ выше существо стоитъ въ міровой лѣстницѣ бытія, чѣмъ развитѣе и совершеннѣе оно, тѣмъ совершеннѣе принадлежащее ему единство. Теперь, если мы взойдемъ къ Существо Абсолютному, къ совершенному бытію, то здѣсь уже потребуется совершенное единство. Но спрашивается: въ чемъ же должно состоять совершенство единства, которое принадлежитъ Абсолюту? — Единствомъ совершеннымъ, вполне абсолютнымъ можетъ быть признано только такое, которое не переходитъ во мно-

жественность, а, слѣдовательно, неизмѣнно пребываетъ. Единство несовершенно, когда оно имѣетъ связь со множествомъ, ибо чрезъ эту связь оно получаетъ характеръ условности. Но эта связь единства съ множествомъ существуетъ тамъ, гдѣ или единство переходитъ во множество, или, наоборотъ, множество переходитъ въ единство. Поэтому абсолютное единство должно исключать эту связь со множествомъ, какъ условливающую его. Но такъ какъ единство переходитъ во множество чрезъ свое повтореніе, чрезъ переходъ въ свою противоположность, то значить, абсолютное единство повторяемо быть не можетъ, иначе оно потеряло бы свою абсолютность. Не много Абсолютныхъ, но только одно. Но единство бываетъ условно чрезъ свою связь со множествомъ, не только тогда, когда оно переходитъ въ свою противоположность, но и тогда, когда оно можетъ быть раздѣлено на части, заключенныя въ немъ же самомъ и составляющія его въ своемъ взаимномъ восполненіи. Такъ какъ это единство, чрезъ раздѣленіе составляющихъ его частей, теряетъ его, переходя во множество, то оно условно, и какъ таковое, не можетъ быть абсолютнымъ и совершеннымъ. Совершенное единство исключаетъ раздѣленіе на части, оно не есть сложное, но простое. Конечно, эта простота единства не есть простота и единство атома. Правда, говорятъ, что атомъ такая единица, которая не можетъ быть раздѣлена на дальнѣйшіе, составляющіе его элементы. Но это единство, недѣлимость атома, есть только лишь реальное, фактическое, но не идеальное. Атомъ не дѣлимъ только потому, что техника не изобрѣла такихъ средствъ до сихъ поръ, при помощи которыхъ можно было бы раздѣлить его, но представляя атомъ все же какъ единицу протяженную, мы не можемъ допустить его недѣлимости, по крайней мѣрѣ, мысленно. Слѣдовательно, единство атома несовершенно. Кромѣ того, единство атома несовершенно уже потому, что оно есть повторяющееся, а совершенное единство повторяемо быть не можетъ. Совершенное единство есть не фактическое, а идеальное, но такимъ единствомъ можетъ быть только качественное, единство существа, слѣдовательно, существенное, не случайное, а не количественное, какъ атома и всѣхъ предметовъ міра, а также всей міровой вселенной. Количественное единство есть не необходимое, а случайное. Оно не

есть необходимое потому, что само по себѣ, чрезъ свое повтореніе, разрѣшается въ противоположность, единство повторяющееся, а случайное—потому, что все единое въ количественномъ смыслѣ можетъ быть рассматриваемо какъ множество и наоборотъ, все множественное въ количественномъ смыслѣ можетъ быть рассматриваемо, какъ единство: единство, когда повторяется во множествѣ и какъ бы теряется въ немъ; множество, когда объединяется, получаетъ характеръ единства и, слѣдовательно, какъ бы перестаетъ быть множествомъ. Это значитъ—количественное единство всегда относительно и, какъ таковое, должно быть чуждо Абсолютному. По этому послѣднему нужно усвоить единство качественное, не допускающее для себя математическаго выраженія. Такое качественное единство есть единство духа, ибо только такое единство удовлетворяетъ требованіямъ совершенства.

Но какъ понимать простоту безусловнаго единства, принадлежащую Абсолюту? Мы говоримъ, что единство абсолютное не заключаетъ въ себѣ частей, значитъ ли это, что абсолютное единство духа нужно понимать какъ безусловное тождество самому себѣ, исключаящее всякое различіе? Значитъ ли это, что Абсолютное должно быть безразличнымъ единствомъ? Отнюдь нѣтъ. Главная ошибка, создавшая у нѣкоторыхъ философовъ подобный взглядъ на абсолютное единство, заключается въ смѣшеніи единства со множествомъ: думали, что различіе, какъ и множество, понятіе количественное и потому несвойственное Абсолютному единству, или представляли различіе, какъ нѣкоторыя части, изъ которыхъ слагается единство, а потому—отрицали по отношенію къ единству Абсолюта. Но это напрасно. Какъ единство усвоилось Абсолюту качественное, а не количественное, такъ и различіе Ему принадлежитъ тоже качественное, а слѣдовательно, понимаемое не въ смыслѣ слагаемыхъ частей, а не поддающихся математическому выраженію качественныхъ свойствъ. И какъ относительно единства мы пришли къ необходимости мыслить его духовнымъ, такъ и относительно различія теперь скажемъ, что его нужно мыслить различіемъ духовнымъ, ибо качественными различіями могутъ быть различія духовныя; кромѣ того они удовлетворяютъ другимъ требованіямъ Абсолютнаго единства, а именно эти свойства таковы, что они не вводятъ множественности въ безусловное

единство; это не суть части цѣлаго, могущія существовать раздѣльно одинъ подлѣ или внѣ другого, нѣтъ, они какъ бы содержатся, существуютъ одно въ другомъ, такъ что всѣ они образуютъ безусловное единство. Это объясняется тѣмъ, что духъ не по частямъ, но всецѣло открываетъ себя въ каждомъ изъ нихъ.—Итакъ, Абсолютное Существо есть единое и духовное, обладающее при своемъ единствѣ духовными различіями. Но каковы должны быть эти различія? У Абсолютно—Совершеннаго Существа и различія свойствъ должны быть совершенны. При единствѣ существа Его, различіе свойствъ можетъ быть изъяснено 1) изъ различій отношеній Абсолюта къ другимъ существамъ. Но этого допустить нельзя, ибо мы въ такомъ случаѣ Абсолютное поставили бы въ зависимое отношеніе отъ другихъ существъ; 2) изъ того, что различныя свойства выражаютъ различныя, измѣнчивыя состоянія Абсолютнаго, которыя потому, что смѣняются одно другимъ, не нарушаютъ Его единства. Но и этого нельзя допустить, потому что Абсолютное неизмѣняемо. Различіе должно быть полнымъ, независимымъ и безотносительнымъ. Этимъ требованіямъ удовлетворяютъ свойства личныя. Будучи ни отъ чего независимыми, они приличнѣе всего подходятъ Существо Абсолютному, какъ высочайшему и самобытному. Кромѣ того, различіе личныхъ свойствъ есть самое совершенное, которое мы можемъ гдѣ либо видѣть или встрѣтить. Поэтому нужно признать, что образъ бытія личнаго наиболѣе подходящъ Абсолютному. Такъ въ Абсолютномъ, какъ Духовномъ, съ личнымъ существомъ совершеннѣйшее единство совмѣщается съ совершеннымъ, наиболѣе полнымъ, различіемъ. Единство существа Абсолютнаго не исключаетъ различія, равно какъ и наоборотъ, совершеннѣйшее различіе не исключаетъ единства. Свойства личныя могутъ принадлежать только духу, а Абсолютное есть Духъ. Эта духовность, понимаемая въ совокупности всѣхъ свойствъ личности, составляетъ столь необходимую принадлежность Абсолютнаго, что безъ него уничтожилось бы самое понятіе совершенства. Самыя первыя свойства, которыя вторгаются въ наше сознание всякій разъ, какъ мы произносимъ слово „абсолютное“ это суть; личность и самобытность. И если мы остановимся на однихъ только свойствахъ онтологическихъ, то у насъ не получается полнаго опредѣленія Абсолютнаго, ибо для пре-

дикатовъ: вѣчности, неизмѣняемости и другихъ можетъ быть подысканъ другой носитель, кромѣ Абсолюта. Поэтому то я считаю должнымъ указать на принадлежность Абсолютному высочайшей личности, ибо безъ этого указанія считаю Абсолютное неопредѣленнымъ. Мы говорили, что Абсолютному принадлежитъ чистое и истинное бытіе. Это вѣрно, такъ какъ Оно есть „causa sui“,—но вѣрно только при предпосылкѣ, что Абсолютному принадлежитъ личность. Истинное бытіе можетъ быть и абстрактно и конкретно. Значитъ, Абсолютному бытію нужно быть и абстрактнымъ и конкретнымъ, абстрактнымъ, такъ какъ оно есть всеединая сущность, и конкретнымъ, такъ какъ оно должно имѣть положительное содержаніе своей сущности. Абстрактное къ конкретному относится какъ форма къ содержанію, раздѣленіе ихъ можетъ быть только мыслимое. Такое раздѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ единство абстрактнаго и конкретнаго, представляетъ намъ только личная форма бытія, ибо личность есть самосознаніе. Бытіе безсознательное есть только конкретное бытіе и дѣлается абстрактнымъ въ рефлексіи самосознающаго духа, а потому оно никогда не можетъ получить предикатъ абсолютнаго истиннаго бытія. Итакъ, чтобы быть истиннымъ бытіемъ въ полномъ смыслѣ слова, необходимо быть Абсолютному личностью; но такъ какъ такого истиннаго бытія требуетъ идея совершенства Абсолютнаго, то несомнѣнно отсюда, что личность принадлежитъ Абсолютному. Далѣе, только при условіи личнаго бытія Абсолюта возможно предположеніе, что Онъ есть „causa sui“. Только личность есть истинная самопричинность: она сама творитъ свою сущность. Подобно тому, какъ человѣческая личность совершаетъ актъ самосотворенія, точно такъ же совершаетъ этотъ актъ и личность безусловная; только между ними существенное различіе: человѣческая личность совершаетъ актъ самосотворенія условнымъ образомъ, абсолютная же безусловнымъ, что есть отрѣшенно, вполне независимо отъ всякаго другого, даннаго внѣ ея бытія. Только личность есть самосотвореніе, такъ какъ она творитъ свою сущность по внутреннимъ, имманентнымъ ей, законамъ, а не беретъ ее цѣликомъ изъ внѣ даннаго бытія. А если такъ, если личность есть истинная самопричинность, то она должна прежде всего принадлежать Абсолютному. Только въ личной формѣ, далѣе, возможна имманентность

Абсолютнаго міру, Его вездѣсущее соприсутствіе міру, ибо въ томъ случаѣ Онъ можетъ быть трансцедентнымъ по отношенію къ нему и не сливается съ послѣднимъ (міромъ). Слѣдовательно, и отсюда приходимъ къ необходимости признанія личной формы бытія Абсолютнаго (Прав. Обзор. 1886 г.).

Къ признанію же Абсолютнаго личнымъ Существомъ мы приходимъ и дедуктивно, путемъ умозаключеній отъ дѣйствій къ причинѣ. Во внѣшней дѣйствительности высшее проявленіе бытія составляютъ существа, обладающія разумомъ и сознаниемъ, обладающія личностью. А такъ какъ въ причинѣ не можетъ быть больше, чѣмъ въ слѣдствіи, то мы и заключаемъ, что причина міра, а таковая есть Абсолютное, не можетъ быть безличною. Значитъ фактъ существованія сознанія въ конечныхъ высшихъ существахъ дѣлаетъ непреложной истину сознательность творческаго принципа. „Положительно невозможно, говоритъ Ульрици, представить, чтобы отъ силы, дѣйствующей безъ нормы и принципа, безъ намѣренія и цѣли, могла произойти сила души, дѣйствующая по своей морфологической дѣятельности, сообразно опредѣленной нормѣ и съ опредѣленной цѣлью,—это было бы внутреннимъ противорѣчіемъ. Такимъ противорѣчіемъ было бы и то, что отъ силы дѣйствующей безсознательно, безъ плана и намѣренія, могло произойти существо, дѣйствующее съ сознаниемъ и планомъ. Норма, положенная Первосилою, для дѣятельности, исходящей изъ нея, другой силы, необходимо есть норма и для дѣятельности самой, дѣйствующей Первосилою, потому что созданная ею другая сила только тогда и настолько можетъ дѣйствовать сообразно этой нормѣ, если и настолько же она сама, какъ сила, опредѣлена сообразно этой нормѣ“ (Богъ и природа, т. II-й, стр. 97). Отсюда, если мы, вопреки этому заключенію, признаемъ Существо Высочайшее безличнымъ, то мы признаемъ Его не только несовершеннымъ вообще, но даже менѣе совершеннымъ, чѣмъ нѣкоторыя происшедшія отъ Него, ограниченныя существа. Абсолютное будетъ въ такомъ случаѣ стоять ниже человѣка, какъ обладающаго большимъ духовнымъ совершенствомъ, чѣмъ Абсолютное. Признавать, далѣе, Первопричину міровой жизни безличною, это значитъ совсѣмъ опускать изъ вниманія личность человѣка, не выяснять ея существованія. А между тѣмъ цѣль всѣхъ богословскихъ и

философскихъ построений должна заключаться въ объясненіи внутренняго смысла и значенія личной жизни. Этотъ истинно философскій путь былъ указанъ еще Сократомъ: „Познай самого себя!“ Вотъ исходный пунктъ для выясненія міровой жизни. Изслѣдуй свою личность, анализируй себя! Но самоанализъ приводитъ насъ къ признанію, что причину міровой жизни нужно искать въ безусловной и совершенной личности. Человѣкъ идеальной природой своей личности прямо фактически раскрываетъ истинную природу совершенной и безусловной личности. И только въ идеѣ Абсолютной личности, онъ находитъ идеаль для развитія своей личности. Такъ самая природа личности человѣка указываетъ на дѣйствительное существованіе Личнаго Абсолюта.

Однако, несмотря на столь очевидную необходимость признать Абсолютное Существо личнымъ, нерѣдко слышатся возраженія противъ приписанія Абсолютному личности. Возраженія эти выходятъ главнымъ образомъ изъ лагеря пантеистовъ. Они говорятъ, что личность нельзя приписать Абсолютному потому, что она дѣлаетъ Его опредѣленной сущностью, а это противорѣчитъ Его безконечности и Абсолютности, такъ какъ „*omnis determinatio est negatio*“. Но мы уже имѣли случай видѣть несостоятельность этого пантеистическаго тезиса, такъ что онъ теперь не имѣетъ для насъ силы, а слѣдовательно, не отрицаетъ личной формы бытія. Другое возраженіе пантеистовъ состоитъ въ томъ, что для возникновенія сознанія, по ихъ мнѣнію, необходимо требуется инобытіе—не я, но такое инобытіе ограничивало бы Абсолютное, ибо оно предполагало бы нѣчто существующее независимо отъ Него. Эта мысль точнѣе формулирована у Штрауса такимъ образомъ: „какъ лица, говоритъ онъ, мы чувствуемъ себя и знаемъ только въ отличіе отъ другихъ, однородныхъ намъ лицъ, отъ которыхъ себя мы отличаемъ, какъ „я“. Слѣдовательно, существо, которое не имѣетъ равнаго внѣ себя, не можетъ быть и лицомъ; личность есть замкнутая въ себѣ самость въ противоположность иному и отдѣляющая тѣмъ себя отъ другого; абсолютность, напротивъ, есть всеобъемлемость, неограниченность; абсолютная личность есть „*contradictio in adiecto*“ (Вѣроуч. 523). Это возраженіе, какъ видится, покоится на неправильной предпосылкѣ: „*omnis determinatio est negatio*“, такъ какъ изъ

приведеннаго мѣста видно, что авторъ не хочетъ признавать Абсолютное за опредѣленную сущность. Это — во первыхъ. Во — вторыхъ, онъ говоритъ, что существованіе личности возможно только лишь при существованіи „не я“, но здѣсь нужно различать между теоретическою мыслимостью и реальною возможностью. „Можно, говоритъ Перлейдереръ, допустить то, что для нашего сознанія „я“ становится мыслимымъ, т. е. предметомъ знанія только чрезъ противоположеніе „не-я“, т. е. внѣшнему міру и міру другихъ личностей. Но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ по отношенію къ Абсолюту, потому что этотъ фактъ есть только слѣдствіе общей условности нашего мышленія, которое всегда требуетъ возбужденія отвнѣ, отъ „не-я“, для того чтобы изъ простой потенціальности выступить къ актуальности; но какъ слѣдствіе ограниченности и условности нашего мышленія, фактъ этотъ, очевидно, ровно не имѣетъ никакого приложенія къ Богу, Которому, какъ самобытному, мысль и сознаніе принадлежатъ изначала и безусловно. А во-вторыхъ изъ того, что наше „я“, какъ объектъ мышленія, обусловливается дѣйствіемъ на него „не-я“, вовсе не слѣдуетъ еще, что имъ же, этимъ внѣшнимъ не я, обусловливается наше „я“ какъ бытіе. Прежде чѣмъ наше „я“ станетъ объектомъ мышленія, оно уже должно быть субъектомъ, мыслящимъ существомъ и вообще существомъ, какъ субъектъ, т. е. какъ реальность специфически отличная отъ всякаго просто условнаго существованія. Итакъ, „я“ прежде чѣмъ быть мыслимымъ, и для того, чтобы могло быть мыслимымъ, должно жить въ непосредственности реального самочувства, которое возникаетъ вовсе не изъ рефлексіи о внѣшнемъ мірѣ, но, напротивъ, само есть первооснова всякой рефлексіи. Если бы это было не такъ, еслибы наше „я“ уже прежде всякаго мышленія о „я“ и „не-я“, не было положительнымъ въ непосредственномъ самочувствѣ пережитый фактъ, но откуда бы тогда мысль о „я“ получила опредѣленное содержаніе? Невидно, чтобы изъ „не-я“, ибо въ немъ мыслится противоположность „я“, Но вѣдь гдѣ-нибудь долженъ бы быть данъ для мышленія *das joub pod sich*, и это можетъ быть только въ предшествующей всякому мышленію реальности „я“ (Pfeilerer, die Religion). Итакъ, Абсолютное обладаетъ самосознаніемъ. Но Его самосознаніе далеко не тождественно чело-

вѣческому,—оно совершеннѣе и возвышеннѣе послѣдняго настолько, насколько самое Существо Абсолютнаго возвышеннѣе человѣческаго. Это совершенство его (самосознанія) открывается изъ сравненія съ самосознаніемъ человѣка, какъ ограниченнымъ. Процессъ самообъективированія послѣдняго совершается не самъ собою, но подъ вліяніемъ дѣйствія на него конечнаго міра. Человѣческій духъ поставленъ въ неразрывную связь и соотношеніе къ конечному, объективному міру, есть часть цѣлаго конечнаго бытія, которое онъ имѣетъ даннымъ для себя и противостоящимъ бытіемъ, и которое служитъ побужденіемъ для него къ раскрытію его сущности. Процессъ же самообъективированія Абсолютнаго совершается Имъ Самимъ, безъ всякаго внѣшняго побужденія, ибо Оно не имѣетъ даннымъ внѣ себя никакого бытія, кромѣ Себя. Аналогію такой, независящей отъ внѣшнихъ побужденій силы дѣйственности личности представляеть намъ развившійся духъ человѣка, когда онъ живетъ прежде добытымъ содержаніемъ. Даже актъ саморазличенія конечной личности обусловливается дискурсивнымъ процессомъ развитія. Даже изъ того, что нами пережито въ продолженіи жизни, мы сознаемъ только ничтожную долю и то не сразу, а постепенно. У Абсолютнаго такой дискурсивности быть не можетъ. Оно въ каждый данный моментъ сознаетъ сразу все, что Оно переживало и даже будетъ переживать. Таково совершенство самосознанія Абсолютнаго.

Существенными принадлежностями всякой вообще личности является разумъ и свобода. Эти же свойства, только въ совершенной степени, должны принадлежать и личности Абсолютной. Абсолютное обладаетъ совершеннѣйшимъ разумомъ, совершеннѣйшей свободой. Чтобы видѣть, въ чемъ состоитъ совершенство абсолютныхъ свойствъ личности, ихъ нужно сравнить со свойствами личности конечной. Человѣкъ познаетъ окружающій міръ. Но его познанія никогда не могутъ быть совершенны, никогда не могутъ быть адекватны познаваемымъ предметамъ. Всякій предметъ, прежде чѣмъ быть познаннымъ, преломляется всегда чрезъ призму нашихъ познавательныхъ способностей и нашему „я“ уже приходитъ въ въ измѣненномъ видѣ. Отсюда, мы никогда не знаемъ, какъ предметъ существуетъ внѣ сознающаго нашего „я“, въ себѣ. Въ этомъ заключается ограниченность нашего ума, не

могущаго проникнуть въ субстратъ познаваемой вещи. Даже изъ того, что мы познали, мы не въ состояніи мыслить въ одномъ актѣ мышленія, что объясняется дискурсивностью его. Мы отрываемъ, выхватываемъ предметъ изъ цѣлаго и силимся рассмотреть часть, какъ цѣлое. „Мышленіе обсуждаетъ вопросъ о цвѣтѣ яблока, забывая, что этого цвѣта не существуетъ безъ свѣта“ (Мысл. Абс. Раз.). Чтобы познать извѣстный предметъ, намъ нуженъ толчекъ извнѣ, нужны средства, при помощи которыхъ мы можемъ только познавать, нужны мѣры вѣса, длины и пр., ибо мы не можемъ сами собою, безъ посредства этихъ мѣръ, узнать нужное въ предметѣ. Совсѣмъ другое представляетъ собою мышленіе Абсолютнаго. У Него нѣтъ призмъ преломляющихъ и измѣняющихъ дѣйствительность, Ему не нужны средства познанія, ибо Онъ все знаетъ Самъ Собою непосредственно. По этому же самому Абсолютъ не нуждается и во внѣшнихъ побужденіяхъ и толчкахъ со стороны предметовъ. Да это невысказано само собою въ силу того уже, что дѣйствіе предметъ можетъ оказать только на другой предметъ или существо, необладающее самобытностью. Абсолютное же самобытно, слѣд., внѣшнія дѣйствія на Него невысказаны. Равно также дискурсивность чужда абсолютному мышленію. Онъ (Абс.) мыслить въ одно мгновеніе все существующее, не вырывая изъ него части, подобно уму конечному. И не только существующее въ данный моментъ, но и все существовавшее прежде и имѣющее существовать въ будущемъ. Поэтому то для Абсолютнаго разума представляется все совмѣстно: прошедшее, настоящее, будущее для Него нераздѣльны. Познаніе Абсолютнаго всегда адекватно предмету познаваемому, мыслимому. Мы противопоставляемъ мысль реальному бытію. На какомъ основаніи мы это дѣлаемъ? Самое первое, что мы можемъ сказать на этотъ вопросъ, это то, что мысль и бытіе не одно и то же, иначе, еслибы мысль о предметѣ равнялась ему, мы не имѣли бы никакого основанія противопоставлять и даже различать одного отъ другого, такъ какъ мысль была бы уже самымъ бытіемъ. Мысль о предметѣ всегда меньше его. Но не таково мышленіе Абсолютнаго. Здѣсь между предметомъ и мыслию стоитъ знакъ равенства, потому что мысль всегда адекватна предмету познаваемому и, какъ таковая, она уже сама, какъ не имѣющая отличія

отъ предмета, является самимъ этимъ предметомъ, самой реальностью. Поэтому Божественный разумъ есть разумъ единственно продуктивный; человѣкъ, въ лучшихъ случаяхъ, находитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ то, что дано уже; разумъ же Божественный несущее дѣлаетъ сущимъ.

Абсолютное обладаетъ совершеннѣйшей свободой. Человѣкъ обладаетъ свободой, но эта послѣдняя у него ограничена внѣшними условіями и обстоятельствами. Свобода наша прежде всего ограничена въ выборѣ, ибо мы не знаемъ всѣхъ возможныхъ цѣлей и средствъ къ осуществленію ихъ. Разумъ нашъ ограниченъ, а между тѣмъ „*ignoti nulla curatio*“. Свобода, слѣд., можетъ простираться только на то, что намъ извѣстно, на то, что разумъ представляетъ волю, какъ благо, къ которому она обязана стремиться или какъ зло, котораго она должна избѣгать. Разумъ опредѣляетъ также степень достижимости извѣстной цѣли, равно какъ и средства къ ея достиженію, а это несомнѣнно вліяетъ на свободу рѣшеній человѣка. Далѣе, свобода человѣка зависитъ отъ его чувственно-эгоистической природы, отъ нажитыхъ склонностей, страстей. Наконецъ, она зависитъ отъ характера. Но не только въ исполненіи желаемаго, но и въ характерѣ своихъ рѣшеній, воля человѣка зависитъ отъ вліянія на наше душевное развитіе внѣшнихъ условій, среды, насъ окружающей, воспитанія, общества... Но чѣмъ болѣе человѣкъ развивается, чѣмъ болѣе онъ совершенствуется, тѣмъ менѣе и менѣе становится замѣтнымъ вліяніе внѣшнихъ условій, тѣмъ болѣе становится свободнымъ человѣкъ, опредѣляясь изъ самого себя. Представимъ теперь себѣ, что человѣкъ достигъ абсолютнаго совершенства; какова, спрашивается, должна быть его свобода? Отвѣтъ очевидный—абсолютно независима ни отъ чего внѣшняго и сторонняго. Такая именно совершенная воля и принадлежитъ Существу Абсолютному. Для Него не можетъ быть никакихъ ограниченій ни со стороны какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій, ибо таковыя по отношенію къ Нему немислимы, ни со стороны Его собственнаго естества. Разумъ Его абсолютно-совершенный, значитъ, онъ знаетъ всѣ возможные цѣли, дѣйствія и средства къ осуществленію этихъ цѣлей,—ограниченій съ этой стороны быть не можетъ. Никакихъ страстей или влеченій, вліяющихъ на свободу воли

Его, быть не можетъ, ибо природа Его совершенна и въ ней не можетъ быть внутренняго раздвоенія, бываемаго у чело-вѣка вслѣдствіе двойственности его природы. Если Абсолютное и дѣйствуетъ по закону или „необходимости“, то этотъ законъ и эту необходимость Онъ Самъ Себѣ предопредѣляетъ, ибо нѣтъ иной высшей силы, которая бы имѣла власть надъ духомъ безконечнымъ,—и опредѣляла Его дѣятельность. Поэтому, хотя безконечный духъ дѣйствуетъ по закону или необходимости, однако и этотъ законъ и эта необходимость должны быть совершенно отличны отъ законовъ природы и необходимости натуральной, ибо могутъ только истекать изъ самоопредѣленій духа.

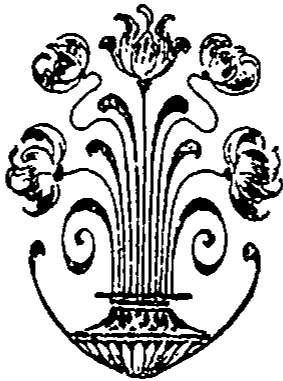
Но если воля Абсолютнаго Существа сама по себѣ безусловно свободна, ни отъ чего внѣшняго независима, то спрашивается: чѣмъ она руководится въ своихъ намѣреніяхъ и хотѣніяхъ, что составляетъ предметъ ея стремленій?—Конечно, Абсолютному, какъ Существу Всесовершенному, мы должны приписать соотвѣтствующія и цѣли, а таковыя цѣли—благія. Самъ онъ руководится въ Своей дѣятельности исключительно идеей блага или добра. Это у него одна цѣль, одинъ мотивъ, разумѣется мотивъ Его собственный, не навязанный извнѣ, ибо это немыслимо въ отношеніи къ Абсолюту. Но вотъ здѣсь то, въ этомъ единствѣ мотива дѣятельности Абсолютнаго, кроется источникъ нѣкоторыхъ возраженій противъ высочайшей свободы. Говорятъ, что если Абсолютное въ своей дѣятельности руководится исключительно одними нравственными цѣлями, то повидимому Ему представляется въ Его дѣятельности одна только дорога къ добру, а слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть никакой свободы, ибо она существуетъ только тамъ, гдѣ существо волящее можетъ поступать такъ или иначе. Однако, возраженіе это неосновательно. Оно смѣшиваетъ свободу съ произволомъ. Но свобода въ дѣйствительности, истинная свобода, не есть произволь, а законотѣрная дѣятельность по свободно избранному, намѣченному цѣлямъ, дѣятельность сообразно съ природой дѣйствующаго субъекта. Поэтому, если извѣстное существо поставило себѣ опредѣленные цѣли и неуклонно стремится къ нимъ, то оно этимъ только доказываетъ свою свободу, ибо не подчиняется временнымъ и случайнымъ требованіямъ своего чувственно-эгоистическаго „я“. То же

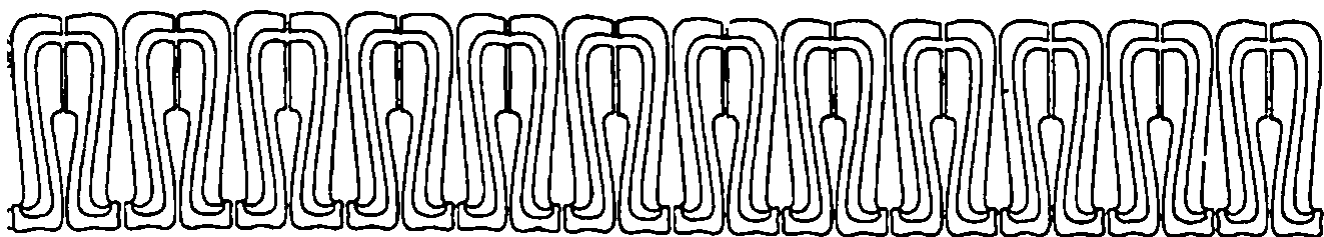
нужно сказать и относительно Абсолюта. Слѣдованіе съ безусловной неуклонностью однимъ только благимъ цѣлямъ только доказываетъ высочайшую свободу Абсолюта. Пожалуй, можно было бы въ недоумѣніи остановиться на этомъ возраженіи только въ томъ случаѣ, если бы въ основѣ стремленій Абсолюта не лежало ясныхъ и разумныхъ представленій о добрѣ, какъ существенно совершеннѣйшемъ законѣ дѣятельности; но Оно, напротивъ, всегда руководится этими представленіями о добрѣ съ нимъ нераздѣльными, а потому всегда дѣйствуетъ не слѣпо и безотчетно, а сознательно и разумно, не по насилію или принужденію, а по истиннѣйшей и совершеннѣйшей свободѣ.

Изложенное ученіе объ Абсолютномъ представляетъ собою точный логическій выводъ изъ самаго понятія о Немъ, какъ Существѣ отрѣшенномъ и свободномъ отъ всего. Всѣ указанные свойства Его съ логической необходимостью вытекаютъ изъ понятія о Немъ, какъ абсолютно-совершенномъ Существѣ. Всѣ они имѣютъ такую тѣсную и неразрывную связь, что ни одно изъ нихъ не можетъ существовать въ отдѣльности. Гдѣ есть абсолютный разумъ, тамъ и самобытность, и вѣчность и всѣ прочія свойства. Вотъ почему ни одно свойство въ своей абсолютной формѣ не можетъ быть приписано какому-либо изъ существъ конечныхъ, ибо вмѣстѣ съ этимъ свойствомъ переходятъ къ нему и другія, а такимъ образомъ становятся существующими двое абсолютныхъ, что быть не можетъ. Таково же и христіанско-теистическое понятіе объ Абсолютномъ, основанное на свидѣтельствахъ откровенія. Откровеніемъ приписываются Богу свойства какъ онтологическія: самобытность, неизмѣняемость, вѣчность, вездѣприсутствіе, такъ равно и духовныя: разумъ, самосознаніе и воля. Слѣдовательно, теистическое пониманіе Абсолютнаго находится въ полномъ согласіи съ разумомъ, а также понятіемъ абсолютности. Оно отвергаетъ какъ пантеистическое такъ и деистическое понятіе объ Абсолютномъ, считая ихъ несогласными, какъ съ здравымъ смысломъ человѣка, такъ и съ понятіями о Богѣ и мірѣ. Не допускаетъ оно и дуализма, какъ міровоззрѣнія, противорѣчащаго абсолютности. Оно учитъ, что Абсолютное должно быть въ одно и то же время какъ имманентно міру, такъ и трансцендентно; имманентно—поскольку оно вездѣ, всегда и всецѣло прису-

ществуетъ, трансцедентно, поскольку находясь вездѣ и всецѣло, Онъ не сливается съ конечнымъ міромъ, а живетъ Своей внутренней, независимой жизнью. Теизмъ, такимъ образомъ, избѣгаетъ крайностей деизма и пантеизма, а вмѣстѣ съ этимъ—связанныхъ съ ними ошибокъ. Что христіанско-теистическое пониманіе объ Абсолютномъ есть самое истинное, объ этомъ говоритъ то, что пониманіе это съ логической необходимостью вытекаетъ изъ самаго понятія объ Абсолютномъ.

И. П.

О времени рожденія Ісуса Христа.

(По поводу книги: Глубоковскій Н. Н., О Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ. (Кіевъ 1913. Стр. 59).)

Вопросъ о согласованіи Евангельскихъ событій съ данными языческихъ писателей издавна служилъ предметомъ оживленныхъ толковъ въ научномъ мірѣ. Въ виду чрезвычайно скудныхъ упоминаній въ Евангеліяхъ объ историческихъ событіяхъ, засвидѣтельствованныхъ іудейскими и языческими памятниками, отрицательная критика прошлаго вѣка всячески старалась умалить или вовсе свести на нѣтъ писанія Евангелистовъ. Но мало-по-малу добросовѣстное отношеніе къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанства беретъ верхъ, и тщательныя изысканія богослововъ и историковъ Церкви все болѣе подтверждаютъ истинность и подлинность Евангелій.

Въ русской богословской наукѣ вполне заслуженной славой въ дѣлѣ изученія книгъ Новаго Завѣта пользуется профессоръ Спб. Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскій. Его обширное изслѣдованіе „Благовѣстіе св. апостола Павла“ составляетъ цѣлое событіе въ богословскомъ мірѣ. Недавно вышла въ свѣтъ новая работа почтеннаго профессора „О Квириніевой переписи“, гдѣ авторъ пробуетъ разрѣшить этотъ спорный вопросъ, доселѣ признававшійся хронологической загадкой, которую не удастся разрѣшить, пожалуй, до скончанія вѣка ¹⁾).

Въ самомъ началѣ изслѣдованія проф. Н. Н. Глубоковскій заявляетъ, что бесплодно и безнадежно добиваться успѣха въ разрѣшеніи теоремы, гдѣ нѣтъ самыхъ необходимыхъ данныхъ; можно лишь выяснитъ ея допустимость или

¹⁾ *Septimus Buss*, Roman Law and History in the New Testament London 1901, стр. 18, 21.

невозможность (стр. 2). Изучая нашъ вопросъ, нѣкоторые ученые предполагаютъ, что свое упоминаніе о Квириніевой переписи св. Лука заимствовалъ у Іосифа Флавія; а такъ какъ, по Флавію, эта перепись была значительно позже Рождества Христова, то св. Евангелистъ спуталъ-де дѣло и допустилъ ошибку. Такое предположеніе проф. Н. Н. Глубоковскій рѣшительно осуждаетъ: св. Лука знаетъ хорошо объ переписи и строго различаетъ ихъ.

Далѣе авторъ подвергаетъ разбору возраженія, будто перепись „по всей вселенной“ при Августѣ неизвѣстна, а при Иродѣ невозможна. Эти возраженія нельзя признать убѣдительными: если исторія пока не знаетъ Августова повелѣнія сдѣлать перепись по всей землѣ (Ев. Луки 2, 1) то заключеніе отъ невѣдѣнія къ небытію всегда бываетъ произвольно и неубѣдительно. Перепись при Августѣ вполне возможна, но велась она не одновременно; что же касается до „всей вселенной“, то это есть лишь римская имперія—*orbis Romanus*. Эта перепись коснулась и Іудеи, такъ какъ она считалась римской областью, и „царь“ Иродъ не былъ полновластнымъ хозяиномъ своей страны.

Рѣшеніе вопроса о первой Квириніевой переписи осложняется тѣмъ, что Іосифъ Флавій о ней совершенно умалчиваетъ. Проф. Н. Н. Глубоковскій видитъ здѣсь предвзятость, направленную къ тому, чтобы „не освѣдомлять и не сохранить памяти о томъ, кто былъ для іудеевъ слишкомъ ясенъ по обличительно-сокрушительной дѣйствительности своего бытія и дальнѣйшаго подвига“. Впрочемъ, и восхваляемая освѣдомленность Іосифа Флавія не такъ ужъ велика: если онъ обладалъ самыми подробными свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ правленія Ирода, то исключительно въ области семейныхъ дразгъ въ фамиліи Иродовой; здѣсь онъ дѣйствительно мелочень и точень до неспосности.

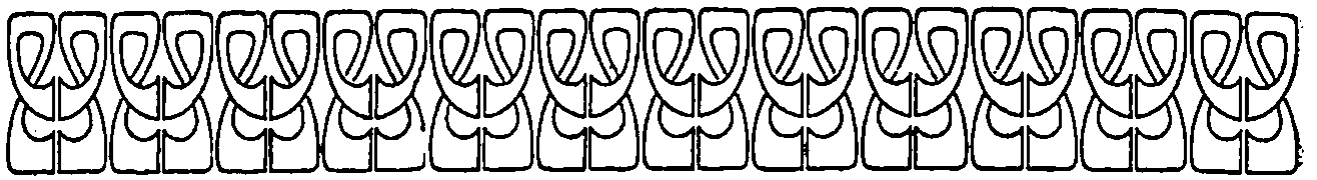
Изъ Евангелія извѣстно, что для переписи каждый долженъ былъ явиться въ свой родной городъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ перепись происходила по способу, примѣнявшемуся и въ другихъ странахъ, на примѣръ, въ Египтѣ. Отсюда нельзя заключать, что мѣра Августа вызвала всеобщее переселеніе по Іудеѣ: являться къ мѣсту происхожденія рода долженъ былъ только тотъ, кто еще не порвалъ съ нимъ связи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Н. Н. Глубоковскій пробуетъ разрѣшить наиболѣе трудный вопросъ-о связи имени Квиринія съ упоминаемой у св. Луки переписью. Всѣ недоумѣнія падаютъ сами собою, если предположить двукратное легатство этого сановника въ Сиріи, причемъ въ первый разъ Квириній могъ быть военнымъ намѣстникомъ, а во второй-гражданскимъ. Вообще, замѣтка у св. Луки о правленіи Квиринія допускаетъ достаточное историческое истолкованіе и не нуждается ни въ праздныхъ догадкахъ, ни въ произвольныхъ исправленіяхъ евангельскаго текста, къ которымъ и доселѣ еще прибѣгаютъ авторы.

Въ заключеніе проф. Н. Н. Глубоковскій заявляетъ, что, хотя евангельскія слова о Квириніи не могутъ и не должны служить опорой для вычисленія года Рождества Христова, однако, они имѣютъ серьезное значеніе и не встрѣчаютъ противорѣчія въ другихъ историческихъ данныхъ. Поэтому нѣтъ основаній безотчетно довѣряться іудейскому лѣтописцу и пристрастно судить о новозавѣтномъ историкѣ. Замѣтка о Квириніи не только не подрываетъ авторитета св. Луки и не набрасываетъ на него тѣни, но прекрасно подтверждаетъ высокое историческое достоинство и достовѣрность всего священнаго повѣствованія третьяго Евангелія.

Таково содержаніе интереснаго изслѣдованія проф. Н. Н. Глубоковскаго. Къ своей работѣ онъ присоединяетъ мастерскій разборъ западной литературы по затронутому вопросу, что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность произведенной работы. Жаль только, что авторъ безъ особой надобности употребляетъ иностранныя слова, совершенно свободно переводимыя на русскій языкъ: „категоричнѣе“, вм. „рѣшительнѣе“ (стр. 1), „абсурдность“ вм. „нелѣпость“ (стр. 2), „пунктъ“ вм. „мѣсто“ (стр. 3), и мн. др. Мѣстами попадаются нѣсколько странные и необычные обороты, напр.—„исторія не терпитъ напрасныхъ дублетовъ“ (стр. 4), или „ограниченіе сферы горизонтомъ предмета рѣчи“ (стр. 11) и др. Впрочемъ, подобные недостатки находятъ себѣ оправданіе въ той массѣ работы, которую выполняетъ почтенный ученый, постоянно обогащающій нашу скудную богословскую литературу своими цѣнными изысканіями. Пожелаемъ же ему еще много потрудиться на этомъ почетномъ поприщѣ.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ

въ религіозно-этическихъ и соціально-общественныхъ
возврѣніяхъ своихъ произведеній.

По поводу истекшаго столѣтія со дня его рожденія. (1812—1912).

Родившійся 6-го Іюня 1812 г. и скончавшійся 15-го Сентября 1891 г., Иванъ Александровичъ Гончаровъ принадлежитъ къ славной плеядѣ русскихъ писателей—художниковъ мысли и жизни, на произведеніяхъ которыхъ воспитывались и воспитываются и русское юношество и русское общество. Живыя, сильныя и высоко-художественныя произведенія И. А. и въ настоящее время читаются съ захватывающимъ интересомъ и одушевленіемъ. И въ настоящее время во многомъ онѣ поучительны и не потеряли своего глубокаго значенія для русской жизни, все еще дышащей обломовщиной, все еще полной своеобразныхъ обрывовъ. „Обыкновенныя исторіи“, „обломовщина“ и „обрывы“,—можно ли сказать, что все это отошло въ область прошлаго? Все это, какъ духовное наслѣдіе прошлаго, перешло и къ нашему времени и прочно и надолго засѣло въ русской жизни, въ русскомъ духѣ, даже въ русской крови. Коллективные образы, символическія параллели и обобщенія произведеній И. А. еще можетъ быть, цѣлыми столѣтіями будутъ воспроизводить русскую жизнь.

Дѣло въ томъ, что и личность и произведенія И. А. Гончарова, ихъ глубокой смыслъ, ихъ чарующій и вмѣстѣ неуловимый синтезъ еще очень мало изучены и обслѣдованы въ русской литературѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что юбилейныя поминки И. А. весьма много должны посодѣйствовать наилучшему и наибольшему изученію И. А. въ его несрав-

ненныхъ и глубоко символическихъ произведеніяхъ. Это изученіе съ несомнѣнностью покажетъ, что И. А. не былъ только холодный обозрѣватель русской жизни въ художественныхъ образахъ ея прошлаго, но что въ немъ всегда билось нѣжное и теплое сердце идеалиста, всегда жило желаніе прогресса и лучшей культуры для своего отечества. Горячо мечталъ идеалистъ Гончаровъ о русской жизни, но вмѣстѣ онъ такъ хорошо и вѣрно зналъ ее, что не могъ не видѣть и не чувствовать, что на пути къ этому своему новому счастью она можетъ идти только постепенно и возрождаться можетъ только постепенно. Эта необходимая и неизбѣжная закономерность развитія и движенія впередъ русской культуры въ связи съ прошлымъ русской жизни— вотъ что особенно цѣнное и поучительное въ міросозерцаніи спокойнаго и уравновѣшеннаго идеалиста Гончарова для нашего неспокойнаго и неустойчиваго времени. Это особенно бросается въ глаза, но это не все.

Въ міросозерцаніи И. А. Г. весьма цѣнно и глубоко интересно и многое другое. Но изъ всего міросозерцанія И. Г., мы рѣшили остановиться на его религіозно-этическихъ и социальномъ общественномъ воззрѣніяхъ. Мы задались вопросомъ о томъ, что можно найти для религіозно-этическаго и социальномъ общественнаго воспитанія нашего юношества или юнаго русскаго общества въ міросозерцаніи И. Г., и сообразно съ этимъ остановились на его вышеуказанныхъ воззрѣніяхъ. Но онѣ цѣнны и глубоко интересны и сами по себѣ. Сами по себѣ онѣ заслуживаютъ изученія ихъ. Въ своей малейшой статьѣ мы всетаки вполнѣ не можемъ ихъ изучить. Но если мы и отчасти изучимъ, даже если коснемся ихъ только, то это намъ кажется все же будетъ хорошо и полезно во многомъ отношеніи.

Иванъ Александровичъ былъ глубоко-религіозный человекъ и съ глубокой вѣрой перешелъ въ иную жизнь,—съ той вѣрой, которую онъ такъ горячо изображалъ въ своихъ художественныхъ типахъ. Кони, близкій другъ И. А., такъ говоритъ объ его послѣднихъ дняхъ.

„Глубокая вѣра въ иную жизнь сопровождала его до конца. Я посѣтилъ его за два дня до смерти, и на выраженіе мною надежды, что онъ еще поправится, онъ посмотрѣлъ на меня уцѣлѣвшимъ глазомъ, въ которомъ еще мерцала и

вспыхивала жизнь, и твердо сказалъ: „Нѣтъ, я умру! Сегодня, ночью, я видѣлъ Христа... и Онъ меня простилъ“¹⁾...

Не знакомая ли это картина? Какъ близка и родна она вѣрѣ „Бабушки“ и „Вѣры“ изъ „Обрыва“!.. И какъ невольно хочется подольше остановиться на этой глубокой вѣрѣ, пораздумать надъ ней, поучиться ей!..

Религіозныя воззрѣнія И. А. Гончарова.

„Боже!.. Когда теплота вѣры не грѣетъ сердца, развѣ можно быть счастливымъ“? ²⁾

Иванъ Александровичъ Гончаровъ причисляется къ людямъ, которые специально о религіи ничего не писали, богословскими вопросами не задавались и не думали надъ ними, но которые при всемъ этомъ въ существѣ своемъ, въ глубинѣ своей души всегда бывали очень религіозны. Въ этомъ смыслѣ И. А. былъ всегда, отъ дней дѣтства и до конца жизни своей, глубоко религіознымъ христианиномъ; скромный во всемъ, избѣгавшій славы и популярности, едва ли не болѣе всѣхъ нашихъ писателей, И. А. менѣе всего былъ расположенъ удивлять кого либо своей религіозностью. Но онъ носилъ въ себѣ удивительный родникъ религіозности, который во всѣхъ его произведеніяхъ временами брызжетъ особенною теплотою вѣры. Религіозные моменты и проявленія у него не часты, но за то они такъ ярки и такъ сильны, выступаютъ въ особенно тяжелыя минуты душевной борьбы, тоски и сомнѣній, терзающей раздвоенности настроенія и мучительныхъ колебаній... Они такъ возвышенны, такъ хорошо заражаютъ душу, что имъ слѣдуетъ учиться.

И. А. говорилъ: „Не могу, не умѣю! *То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ, чего я не видѣлъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, то недоступно моему перу!*“³⁾. И не могъ бы онъ изображать въ своихъ произведеніяхъ удиви-

¹⁾ Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Составилъ В. И. Покровский. Москва 1912 г. Стр. 311—312.

²⁾ Т. II, 178 стр.

³⁾ Т. I-й, 90 стр.

тельной красоты религиозныхъ переживаній, если бы онѣ не выросли, не созрѣли въ немъ самомъ, если бы онъ самъ не жилъ ими и теплота вѣры не грѣла его сердца. „Я писалъ только то, что переживалъ, что мыслилъ, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ—словомъ писалъ я свою жизнь и то, что къ ней прирастало“¹⁾.

Устами Александра Адуева (изъ „Обыкновенной исторіи“) И. А. считаетъ возможнымъ быть счастливымъ только тогда, когда теплота вѣры грѣетъ и утѣшаетъ сердце. Правда, человѣкъ не всегда сознаетъ и чувствуетъ это свое счастье. Часто большую половину жизни онъ избѣгаетъ теплыхъ солнечныхъ лучей вѣры. „Пока въ человѣкѣ кипятъ жизненные силы, думалъ тотъ же Александръ Адуевъ, „пока играютъ желанія и страсти, онъ занятъ чувственно, онъ бѣжитъ того успокоительнаго, важнаго и торжественнаго созерцанія, къ которому ведетъ религія, онъ приходитъ искать утѣшенія въ ней съ угасшими, растраченными силами, съ сокрушенными надеждами, съ бременемъ лѣтъ“²⁾. Однако, очевидно, значеніе успокоительнаго созерцанія въ религіи, возможности утѣшенія въ ней, глубоко сохраняется и чувствуется въ душѣ человѣка даже тогда, когда онъ уходитъ отъ нея, когда онъ „утрачиваетъ свои младенческія вѣрованія“. Александръ Адуевъ переживаетъ этотъ уходъ отъ религіи и возлѣ своей вѣрующей матери думаетъ: „Ахъ! если бъ я могъ еще вѣрить въ это!“ „Младенческія вѣрованія утрачены, а что я узналъ новаго, вѣрнаго?.. ничего: я нашелъ сомнѣнія, толки, теоріи... и отъ истины еще дальше прежняго... Къ чему этотъ расколъ, это умничанье?.. Боже!.. когда теплота вѣры не грѣетъ сердца, развѣ можно быть счастливымъ? Счастливы ли я“?

Были ли это переживанія самого И. А. или только его наблюденія своей среды, но онѣ глубоко правдивы и дѣйствительны. Думается, что многимъ изъ насъ при чтеніи этихъ мыслей Адуева вспоминались свои собственные моменты утрачиванія простоты вѣры, опустошенія вѣрующей дѣтской души различными сомнѣніями и всевозможными теоріями, остраго и мучительнаго ощущенія противорѣчій, новыхъ и новыхъ неясностей и ошибокъ. Во многихъ при

¹⁾ Ibid. Курсивъ И. А. Гончарова.

²⁾ Т. II, 177—8 стр.

этомъ не разъ мелькали сожалѣнія утраченной вѣры, вспыхивало сознание возможности счастья и утѣшенія только подъ лучами вѣры.

Однако, мало сказать, что Ив. Ал. чутко понималъ это своей художественной душой, живо и мастерски вложилъ эти чувствованія въ настроенія и мысли Адуева. Естественнѣе всего предположить, что здѣсь выступаетъ принципъ жизни и настроенія И. А., его глубочайшее убѣжденіе, что наилучшая жизнь и возможное въ ней счастье въ самой тѣсной и самой близкой зависимости отъ глубокой и горячей вѣры. И повидимому, этотъ принципъ, это свое убѣжденіе онъ такъ сильно и остро переживалъ и перечувствовалъ, что изображаетъ его въ своихъ произведеніяхъ особенно настойчиво и въ различныхъ степеняхъ выраженія. Потому то въ началѣ рѣчи о религіозныхъ воззрѣніяхъ И. А. мы и поставили слова Александра Адуева о счастіи въ жизни въ зависимости отъ вѣры. Намъ казалось и кажется, что онѣ наилучшимъ образомъ характеризуютъ самую основу религіозныхъ воззрѣній И. А.

Самъ, воспитанный въ глубоко религіозной семьѣ—семьи Адуева, Обломова и Райскаго глубоко религіозны,—сохранившій во всей глубинѣ и чистотѣ впечатлѣнія религіозныхъ семейныхъ традицій, И. А. хотя и заставляетъ молодого и вкусившаго уже ядъ сомнѣнія Адуева выражать свою вѣру, но учить ей и наставлять онъ ввѣряетъ лицамъ уже пожившимъ и испытавшимъ многое—Аниѣ Павловнѣ (матери Адуева) и Татьянѣ Марковнѣ (бабушкѣ Райскаго). Очевидно, глубокое религіозное воспитаніе онъ признавалъ прежде всего и главнѣе всего дѣломъ семьи. Семья религіозна, будутъ и дѣти религіозны, какъ бы не искушала ихъ вѣру жизнь. Будутъ онѣ религіозны, будутъ и счастливы. Такъ и сквозятъ эти и подобныя имъ мысли о вѣрѣ въ произведеніяхъ И. А.

И не онъ ли самъ, только лишь въ лицѣ Адуева, вспоминалъ, „какъ будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью молитвы,—(ребенку Обломову мать тоже подсказывала слова молитвы),—какъ она твердила ему объ ангелѣ хранителѣ, который стоитъ на стражѣ души человѣческой и вѣчно враждуетъ съ нечистымъ; какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что это очи Божіихъ ангеловъ, которые смотрятъ

на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ, и какъ радуются, когда добрыя дѣла превышаютъ злыя. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это Сіонъ“¹⁾. И вспоминая это, Адуевъ думалъ: „Ахъ! если бъ я могъ еще вѣрить въ это“!

Здѣсь слышатся звуки давнихъ семейныхъ традицій, разрисовавшихъ въ чудную фантазію евангельскія мысли объ Отцѣ Небесномъ, предъ Которымъ ангелы хранители печалуются за судьбу своихъ малыхъ изъ людей и обращенію которыхъ, даже одному грѣшнику, они глубоко радуются. И мы увидимъ дальше у И. А., съ какою нѣжною заботливостью старается внѣдрить семья, какъ можно глубже, святыя сѣмена религіознаго воспитанія.

Отправляя своего сына въ чужую сторону, въ Петербургъ, Анна Павловна внушаетъ ему слѣдующія мысли высокаго религіознаго одушевленія. „Богъ одинъ знаетъ, что тамъ тебя встрѣтитъ, чего ты нагладишься, и хорошаго, и худого. Надѣюсь, Онъ, Отецъ мой небесный, подкрѣпитъ тебя; а ты, мой другъ, пуще всего не забывай Его, *полни, что безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ*²⁾. Достигнешь тамъ большихъ чиновъ, въ знать войдешь—вѣдь мы не хуже другихъ: отецъ былъ дворянинъ, майоръ—все-таки смирайся предъ Господомъ Богомъ: *молись и въ счастіи и въ несчастіи*³⁾, а не по пословицѣ: „громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится“. Иной, пока везетъ ему, и въ церковь не заглянетъ, а какъ придетъ не въ мочь—и пойдетъ рублевья свѣчи ставить, да нищихъ одѣлять: это большой грѣхъ“... „Будешь ли ты посѣщать храмъ Божій? будешь ли ходить по воскресеньямъ къ обѣднѣ“⁴⁾.

Однако, справедливо не желая отъ сына вынужденнаго на это обѣщанія, не желая и дѣйствовать на него принужденіемъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей, Анна Павловна смягчаетъ свои требованія мягкимъ внушеніемъ добровольности ихъ исполненія, съ одной стороны. Съ другой стороны, сознавая слабость и неустойчивость юноше-

1) Т. II, 178 стр. и Т. III, 134 стр.

2) Курсивъ нашъ.

3) Курсивъ нашъ.

4) Т. I, 106.

скихъ силъ въ религіозномъ опытѣ, она нѣжно, но не безъ воспитательнаго умысла, переноситъ всю тяжесть молитвеннаго подвига на самое себя. И обѣщаніемъ этого подвига за сына она тѣмъ не менѣе поддерживааетъ въ немъ тѣ-же свои религіозные завѣты ему, только дѣйствуя на него силою своей личности, своего вдохновеннаго примѣра.

— „Ну, я тебя не неволю,—продолжала она:—ты человекъ молодой: гдѣ тебѣ быть такъ усердно къ церкви Божіей, какъ намъ старикамъ? Еще, пожалуй, служба помѣшаетъ, или засидишься поздно въ хорошихъ людяхъ и проспишь. Богъ пожалѣетъ твоей молодости. Не тужи: у тебя есть мать. Она не проспитъ. Пока во мнѣ останется капелька крови, пока не высохли слезы на глазахъ и Богъ терпитъ грѣхамъ моимъ, я ползкомъ дотащусь, если не хватить силъ дойти до церковнаго порога; послѣдній вздохъ отдамъ, послѣднюю слезу выплачу за тебя, моего друга. Вымолю тебѣ и здоровье, и чиновъ, и крестовъ, и небесныхъ и земныхъ благъ. Неужели-то Онъ, Милосердый Отецъ, презритъ молитвы бѣдной старухи? Мнѣ самой ничего не надо. Отними Онъ у меня все: здоровье, жизнь, пошли слѣпоту—тебѣ лишь подай всякую радость, всякое счастье и добро“...

„Она не договорила, слезы закапали у нея изъ глазъ“¹⁾.

А вотъ другая мать, мать Евсея, слуги молодого Александра Адуева, и также въ напутствіе сыну, отправлявшемуся съ бариномъ, говоритъ:

„Помни вѣру, Евсей, не уйди тамъ у меня въ басурманы! а не то прокляну“!²⁾.

Такъ проникаетъ у И. А. семейное воспитаніе вѣра, проникаетъ отъ высшихъ классовъ общества до низшихъ. Воспитанный самъ въ этой вѣрѣ, облагороженный ею, онъ возводитъ ее въ возможный идеаль и воспитанія и вообще въ идеаль человѣческой жизни. Вѣра—счастье человека. Безъ вѣры нѣтъ спасенія нигдѣ и ни въ чемъ“. Вѣру нельзя мѣнять. Вѣрой глубоко пропитывалась, какъ бы просачивалась душа дитяти, юноши, взрослога Евсея.

Надо знать еще, что вѣра, религіозная вѣра, и у самого И. А. и въ его произведеніяхъ не есть одно пассив-

¹⁾ Т. I, 105—107 стр.

²⁾ Ibid. 117 стр.

ное успокоительное созерцаніе, не есть только какъ бы пассивное утѣшеніе для сердца, какъ это можетъ, пожалуй, иногда показаться съ перваго раза. Казалось, счастье этой вѣры не простиралось далѣе „здоровья, чиновъ, крестовъ“, дворянскихъ небесныхъ и земныхъ благъ, которыя обѣщаетъ выполнить сыну Анна Павловна. Нѣтъ, вѣра И. А. имѣетъ живое, активное свойство, охватывающее весь міръ человѣческой жизни и мысли. По формѣ она есть, пожалуй, „старая правда“; вѣками установившійся строй религіознаго мышленія и поведенія, но въ своемъ содержаніи и внутреннемъ существѣ она есть живая сила, создающая сильный человѣческій характеръ. Она, какъ евангельская закваска, приводитъ въ движеніе всѣ силы вѣрующаго. Въ ней таятся всѣ средства, возвышающія человѣка. Въ ней заключены тончайшіе ростки всего лучшаго въ человѣческомъ развитіи и совершенствованіи.

И это отноудь не натяжка для религіозной вѣры произведеній И. А. Мы сейчасъ это увидимъ въ лицѣ бабушки Райскаго, Татьяны Марковны Бережковой и ея внучки Вѣры.

Въ разговорѣ съ Райскимъ, который доказывалъ, какъ легко иногда человѣкъ можетъ погибать и не по своей винѣ, бабушка высказала убѣжденіе, что всетаки отъ воли человѣка зависитъ направиться на правильный путь, и при томъ при помощи вѣры.

„Ужъ если кто несчастенъ, говорила бабушка, погибаетъ, свихнулся, впалъ въ нищету, въ крайность, какъ нибудь обиженъ, опороченъ, и поправиться не можетъ, значитъ—самъ виноватъ. Какой нибудь грѣхъ да былъ за нимъ, или есть: если не порокъ, такъ тяжкая ошибка! Вражда, страсти! все одинъ и тотъ же врагъ стережетъ насъ всѣхъ!. Богъ накажетъ иногда, да и проститъ, коли человѣкъ смирится и опять пойдетъ по хорошему пути. А кто все спотыкается, падаетъ и лежитъ въ грязи, значитъ, не прощенъ, а не прощенъ потому, что не одолѣтъ себя, не сладить съ виномъ, съ картами, или укралъ да не отдаетъ краденаго, или гордъ, обидчивъ, золъ не въ мѣру, грязенъ, обманщикъ, предатель... Мало ли зла: что нибудь да есть! А хочеть, такъ выползеть опять на дорогу. А если просто слабъ, силенки нѣтъ, значитъ, вѣры нѣтъ: когда есть вѣра, есть и сила... Можетъ ли быть, чтобы человѣкъ такъ пропалъ изъ-

за другихъ, потому что захотѣли погубить? Не зѣвай, смотри за собой: упалъ, такъ вставай на ноги, да смотри, нѣтъ ли лукавства за самимъ. А нѣтъ, такъ помолись—и поправишься¹⁾.

Значить, человѣкъ никогда не погибнетъ, не пропадетъ, если онъ имѣетъ вѣру. Вѣра сообщаетъ ему силу все вынести, вытерпѣть, раскаяться, смириться, и онъ снова становится хорошимъ человѣкомъ.

Мало того,—мы видимъ здѣсь особенное и удивительное свойство вѣры, ея особенную энергію. При тяжести грѣха, при глубинѣ паденія, при ужасности зла—проявляется особенная острота и напряженность ея. Она какъ бы поднимается изъ глубины человѣческаго духа, пробиваетъ страсти и грѣхъ, возвышается надъ ними, и поднимаетъ и возвышаетъ съ собой человѣческую душу. Она дѣлаетъ человѣческую волю жизнеспособной и сильной. Человѣкъ становится способнымъ „одолѣть себя“, „сладить“ съ своими пороками и „опять идти по хорошему пути“.

И въ этомъ заключается особенная мощность вѣры, ея могущество и величіе, ея несокрушимая и побѣдная сила. И какъ прекрасно выразилась бабушка: *есть вѣра, есть и сила*.

Въ устахъ бабушки эти слова были не случайнымъ выраженіемъ. Онѣ были самымъ дѣломъ, подлинной ея жизнью. Этой вѣрой, этой силой она сама жила и дышала. Въ этой вѣрѣ и въ этой силѣ она воспитывала и свою замѣчательную внучку Вѣру. Духовнымъ рожденіемъ она передала своей Вѣрѣ вѣрующую силу. И во внучкѣ Вѣрѣ отразилась вся сильная личность вѣрующей бабушки.

Обѣ личности—и вѣрующая бабушка и вѣрующая внучка изображены у Ив. Ал. такими сильными, религіозными типами, что онѣ все время останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя.

Въ тяжелую и трудную минуту жизни, въ часы переживанія жестокаго несчастія въ характерѣ и бабушки и внучки раскрывалось чудное величіе вѣры, несокрушимая крѣпость духа, чарующая прикованность къ религіи. Истощеніе грѣха, искупленіе его въ тяжелой борьбѣ чрезъ сознаніе всего ужаса въ немъ, глубочайшее смиреніе пламеняющей вѣры—раскрывали передъ Райскимъ въ бабушкѣ

¹⁾ Т. VIII. 280. Курсивъ нашъ.

и Вѣрѣ особенные міры, предъ которыми онъ умилялся, изумлялся, а то и плакалъ подъ часъ.

„Пока она (Вѣра) молилась, онъ (Райскій) стоялъ, погруженный въ мысль о ея положеніи, въ чувство нѣжнаго состраданія къ ней, особенно со времени его возвращенія, когда въ ней такъ замѣтно выказалось обезсилѣніе въ тяжелой борьбѣ“...

„Онъ невольно поддавался мистическому влеченію вѣрить какимъ то таинственнымъ подготовляемымъ въ человеческой судьбѣ минутамъ, сближеніямъ, встрѣчамъ, наводящимъ человека на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желаніе, нужное зачѣмъ то, для цѣли, невѣдомой до поры до времени самому человеку, отъ котораго только непреклонно требуется борьба“¹⁾.

Въ другой разъ, „Райскій, поражаясь изумленіемъ и ужасомъ, глядѣлъ (на бабушку), на эту новую необычайную женщину“.

„Только великія души переживаютъ съ такой силой тяжелыя скорби, думалъ онъ“²⁾.

— „Бабушка, пойдите домой,—не мучайте себя и насъ!—умолялъ онъ:—вы убьете себя“.

„Она махнула ему рукой“.

— „Богъ посѣтилъ, не сама хожу. Его сила носить,— надо выносить до конца. Упаду—подберите меня. Мой грѣхъ! шепнула потомъ и пошла дальше“...

„У вѣрующей души есть свое Царство“! думалъ Райскій, глядя ей вслѣдъ и утирая слезы: „только она умѣетъ такъ страдать за все, что любить, и такъ любить и такъ искупать свои и чужія заблужденія“³⁾.

Такимъ образомъ, по мысли Ив. Ал. у вѣры есть своя сфера, свой интимный міръ, или, какъ онъ прекрасно выражается, свое царство. Царство вѣрующей души. Оно то, очевидно, у него и создаетъ счастье человека. Въ немъ то и таятся силы, оживляющія, освѣжающія, вдохновляющія душу и сердце и мысль и волю вѣрующаго человека. Въ немъ то совершается очищеніе грѣховъ, искупленіе паденій и возвышеніе личностей и характеровъ вѣрующихъ. Въ это

1) Т. X, 87 стр.

2) Ibid. 189 стр.

3) Т. X, 193—4 стр. Курсивъ нашъ.

царство уходила со всѣми своими муками и страданіями бабушка, находила въ немъ искупленіе и своихъ и чужихъ заблужденій и дѣлалась въ немъ чистой или святой, какъ справедливо думала ВѢра.

Кто знаетъ, не уходилъ ли самъ Ив. Ал., любившій подобно ВѢрѣ сосредоточенность, одиночество, скромность, избѣгавшій популярности,—не уходилъ онъ самъ, скажемъ, въ это царство вѣры. Какъ хорошо, какъ сильно у него это царство,—царство вѣрующей души. Хочется сказать,—царство и его вѣрующей души.

Да, несомнѣнно оно было царство Ив. Ал., близко и родно ему. Перешло ли оно къ нему съ семейнымъ воспитаніемъ, осталось ли здѣсь вліяніе первоначальнаго религіознаго воспитанія въ пансіонѣ умнаго и образованнаго священника, было ли оно особенностью его индивидуальной души,—біографическія свѣдѣнія почти ничего не говорятъ объ этомъ. Это, пожалуй, и естественно. По мелочамъ, по частнымъ случаямъ, ради сторонняго любопытства или пустаго и напыщеннаго чванства и хвастовства Ив. Ал. не любилъ высказываться въ своихъ воззрѣніяхъ или кому либо навязываться съ ними. Для этого онъ былъ необычайно скромнень и умнень. Тѣмъ болѣе онъ былъ скромнень въ выраженіи своего интимнаго, религіознаго созерцанія. Онъ не любилъ оглашенія своихъ біографическихъ свѣдѣній.

Но когда въ общество стало проникать новое ученіе, отрицавшее религію, человѣческую душу, вѣчность, бессмертіе, все святое и чистое, чѣмъ искони жило и будетъ жить человѣчество, чѣмъ оно только и можетъ быть живо,—противъ этого не могъ ужъ молчать Ив. Ал. Это касалось корня, самыхъ глубокихъ основаній въ религіи, самыхъ святыхъ его убѣжденій,—и онъ заговорилъ огненнымъ словомъ въ своей „ВѢрѣ“.

ВѢра, умная, воспитанная въ старыхъ семейныхъ традиціяхъ, но знакомая и съ новымъ культурнымъ теченіемъ въ обществѣ, дѣвушка, своимъ здоровымъ и крѣпкимъ умомъ она отлично разбиралась въ этомъ новомъ теченіи, представителемъ котораго въ „Обрывѣ“ являлся Маркъ Волоховъ. Она многое отрицала въ своемъ старомъ свѣтѣ, видѣла, и знала его недостатки. Она не прочь была усвоить все лучшее, свѣжее и живое, и въ новомъ ученіи, если могла найти его,

и убѣдиться въ немъ. Но она не могла ни на шагъ поступиться тѣмъ, что въ старомъ ея свѣтѣ было вѣчно—новымъ вѣчно—живымъ, вѣчно—священнымъ,—своей вѣрой. Вѣра не только оставалась вѣрна старой, священной, религіозной правдѣ своей, но она была ея стихіей, увлекавшей ее на борьбу съ новой, безрелигіозной правдой и дававшей ей необычайныя силы въ ужасныя минуты ея паденія.

И картина столкновенія религіозныхъ вѣрованій Вѣры съ безрелигіозными тенденціями Марка Волохова у Ив. Ал. нарисована изумительно хорошо. Она полна огня, блещетъ искрами святыхъ чувствъ, увлекаетъ мучительными волненіями, умиляетъ и назидаетъ стремленіемъ Вѣры къ разумному осмысливанію своихъ вѣрованій.

Вѣра задалась несчастной цѣлью силой своей любви перевоспитать Марка Волохова, сдѣлать его лучше, выше всѣхъ. А онъ въ чувствѣ одной животной страсти, хотя открытой и необманной, увлекалъ ее къ своимъ безрелигіознымъ идеямъ, къ своему новому ученію, которое было полнѣйшимъ отрицаніемъ старыхъ понятій, морали, долга, правилъ, вѣры, всего того, въ чемъ воспиталась Вѣра и что было въ ней крѣпко и сильно ¹⁾).

Но Вѣра видѣла, что Маркъ ограничивался однимъ лишь безоощаднымъ отрицаніемъ всего, во что вѣрить, что любить, на что надѣется живущее большинство. Онъ все клеймилъ враждой и презрѣніемъ. Но мы знаемъ, что она и сама сознавала и видѣла недостатки своего стараго свѣта. Но Маркъ не давалъ ей ничего вмѣсто „живыхъ и страстныхъ идеаловъ правды, добра, любви, человѣческаго развитія и совершенствованія“. И Вѣра не могла не видѣть всей односторонности и крайней узости и беспочвенности его ученія.

„Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не животную сторону“...

Угадывая законы явленія, онъ думалъ, что уничтожилъ и невѣдомую силу, дающую эти законы, только тѣмъ, что отвергалъ ее, за неимѣніемъ приемовъ и свойствъ ума, чтобы уразумѣть ее. Закрывъ доступъ въ вѣчность и къ без-

¹⁾ Т. X, 119 стр.

смертію всѣмъ религіознымъ и философскимъ упованіямъ, разрушая, младенческими химическими и физическими опытами, и вѣчность, и безсмертіе, думая своей дѣтской трюхочкой, какъ рычагомъ, шевелить дальніе міры, и заставляя всю вселенную отвѣчать отрицательно на религіозныя надежды и стремленія „отжившихъ людей“.

ВѢра понимала однако, что новое ученіе, эта новая сила, оставивъ себѣ одну животную жизнь, не создала, вмѣсто отринутаго стараго, никакого другого, лучшаго идеала жизни.

ВѢра видѣла наконецъ, что оно вовсе и „не ново, что оно взято изъ того же источника, откуда черпали и не новые люди, что сѣмена всѣхъ этихъ новыхъ идей, новой „цивилизациі заключены въ старомъ ученіи“.

„Отъ этого она, ВѢра, только сильнѣе увѣровала въ послѣднее и убѣдилась, что какъ—далеко человѣкъ не иди впередъ, онъ не уйдетъ отъ него, если только не бросится съ прямой дороги въ сторону, или не пойдетъ назадъ, что самые противники его черпаютъ изъ него же, что, наконецъ, *ученіе это—есть единственный, непогрѣшительный, совершеннѣйшій идеалъ жизни, внѣ котораго остаются только ошибки*“¹⁾.

И ничто уже не могло поколебать въ ВѢрѣ этого идеала, ничто не могло ея выбить изъ сферы ея религіозныхъ вѣрованій. И Маркъ хорошо сознавалъ это. Онъ говорилъ ей: „Вы хорошо вооружены природой, ВѢра. Старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѢра—все, что для меня не существуетъ, въ васъ крѣпко. Вы не легки въ вашихъ увлеченіяхъ, вы боретесь отчаянно и соглашаетесь признать себя побѣжденной на условіяхъ равныхъ для той и другой стороны“²⁾.

Но онъ былъ упорно настойчивъ и не соглашался быть побѣжденнымъ, хотя бы и на равныхъ съ ней условіяхъ. „Чего же хотите вы еще? говорилъ онъ. Чтобъ „Богъ благословилъ союзъ,“ говорите вы, т. е. чтобъ пойти въ церковь—да противъ убѣжденія—дать публично исполнить надъ собой обрядъ... А я не вѣрю ему и терпѣть не могу поповъ: логично ли, честно ли я поступлю?...

¹⁾ Т. X, 178, 179, 180 стр. Курсивъ нашъ.

²⁾ Т. X, 119 стр.

Правда, значительно позднѣе онъ соглашался на все это, но моментъ былъ потерянь, чувство обиды глубоко залегло въ душу Вѣры.

— Мы сошлись, съ негодованіемъ говорила она, чтобъ удалить всѣ препятствія къ счастью, а вмѣсто того, только увеличиваемъ ихъ! Вы грубо касаетесь того, что для меня свято. Зачѣмъ вы вызвали меня сюда? Я думала, вы уступили старой, испытанной правдѣ и что мы подадимъ другъ другу руки навсегда“ 1)...

И не будучи въ силахъ переубѣдить, перевоспитать Марка, Вѣра все больше и больше углублялась въ свой единственный, неогрѣшительный, совершеннѣйшій идеаль вѣроустроеній и въ молитвѣ искала утѣшенія и силы.

„Между рощей и проѣзжей дорогой стояла въ сторонѣ, на лугу, уединенная деревянная часовня, почернѣвшая и полуразвалившаяся, съ образомъ Спасителя, византійской живописи, въ бронзовой оправѣ. Икона почернѣла отъ времени, краски мѣстами облупились; едва можно было разсмотрѣть черты Христа: только вѣки были полуоткрыты и изъ-подъ нихъ задумчиво глядѣли глаза на молящагося, да видны были сложенные въ благословеніе персты“...

„Вѣра... стояла... устремивъ сосредоточенный и глубокій взглядъ на образъ... Ни креста не слагали пальцы ея, ни молитвы не шептали губы, но вся фигура ея, сжавшаяся неподвижно, затаенное дыханіе и немигающій, устремленный на образъ взглядъ—все было молитва“...

„О чемъ молится“ думалъ Райскій въ страхѣ. „Просить радости, или слагаетъ горе у креста, или внезапно застигъ ее тутъ порывъ безкорыстнаго изліянія души передъ всеутѣшительнымъ духомъ? Но какія изліянія: души; испытующей силы въ борьбѣ, или благородной, плачущей за лучъ счастья“ 2).

— „Мнѣ кажется, Вѣра, говорилъ Райскій, у тебя есть помощь сильнѣе моей, и ты напрасно надѣялась на меня“.

„Она сдѣлала утвердительный знакъ головой, и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призыва“ 3).

1) Т. X, 115 стр.

2) Т. IX, 136—7 стр.

3) Т. X, 97 стр.

ВѢра пала, но глубокимъ смиреніемъ и раскаяніемъ предъ Христомъ, силой своей вѢры омыла и искупила свое паденіе. Религіозная вѢра дала и силы и счастье ей и она начала новую жизнь—сильнѣе любить людей, правду, добро. 1)

Въ лицѣ ВѢры, этого своего великолѣпнаго созданія идеалистки—женщины, Ив. Ал. хорошо отвѣтилъ на трескучія претензіи матеріализма, Волохова, отрицавшаго бытіе Бога, человѣческой души и ея права на безсмертіе. Ив. Ал. хорошо видѣлъ все противорѣчіе самимъ съ собой этого новаго ученія, всю его беспочвенность. Но мягкій, осторожный, гуманный по своему характеру, Ив. Ал. не впалъ въ сужденіи о немъ въ полемическій задоръ. Нѣтъ, какъ тонкій и объективный художникъ мысли и слова, онъ хорошо изобразилъ свое отношеніе къ нему въ мысляхъ, чувствованіяхъ и сужденіяхъ о немъ ВѢры.

Ив. Ал. справедливо видѣлъ, что при томъ случайномъ порядкѣ бытія, который выдвигалъ матеріализмъ, та какая то правда, какая-то честность, какія то стремленія къ лучшему порядку и къ благороднымъ цѣлямъ, которыя онъ все же устанавливалъ и проповѣдывалъ, дѣлались совершенно не нужными. Жизнь людей становится здѣсь подобной мошкѣ, которыя въ жаркую погоду толкуются въ огромномъ столбѣ, мнутесь, плодятся, питаются, грѣются и исчезаютъ въ безтолковомъ процессѣ жизни. Вся работа людей надъ собою, чтобы стать лучше, чище, правдивѣе и добрѣе обращается во внѣшній комфортъ жизни. Это, пожалуй, идеаль короткой муравьиной добродѣтели. И тутъ же злоба и нетерпимость ко всему другому... А счастье жизни—это рядъ кратковременныхъ встрѣчъ, страстныхъ вспышекъ и грубыхъ наслажденій.

Въ думахъ и мысляхъ ВѢры, въ ея сомнѣніяхъ и колебаніяхъ, Ив. Ал. далъ только почувствовать всю ничтожность этого новаго безрелигіознаго ученія о смыслѣ человѣческой жизни. Исповѣдуя высшій провиденціальныи смыслъ человѣческой жизни, въ которомъ не безслѣдны самыя глубокія паденія и преступленія людей, онъ звалъ къ вѢрѣ въ Бога, къ очищенію и испытанію себя, къ вѣчной правдѣ, къ безсмертію человѣческаго духа. Безъ всего этого жизнь ни-

1) Ibid. 205 и 215 стр.

чтожна, нѣтъ въ ней смысла, она—муравьиная жизнь. Безъ всего этого нѣтъ счастья въ ней, нѣтъ силъ, чтобы жить и вѣчно жить.

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ Ив. Ал. человѣческая жизнь имѣетъ религіозный смыслъ. И въ религіи надо искать умѣнье жизни. Жизнь должна быть въ связи съ религіей. За эту связь религія обѣщаетъ „безсмертіе въ будущемъ, и въ залогъ этого обѣщанія, даетъ и въ настоящемъ просимое всякому, кто проситъ, кто стучится, кто ищетъ“¹⁾.

Но не всякая религія даетъ такую счастливую отъ начала до конца, или лучше сказать, безконечную жизнь. Въ этомъ смыслѣ высшая и самая лучшая религія—религія христіанская. Ив. Ал. мечталъ о просвѣщеніи христіанской религіей языческихъ народовъ. Онъ, напримѣръ, во время своего плаванія на фрегатѣ Паллада, при сношеніяхъ съ японцами, не утерпѣлъ поговорить съ однимъ изъ выдающихся и способныхъ японцевъ о христіанской религіи, хотя говорить объ этомъ не полагалось. Вотъ о чемъ думалъ въ это время Ив. Ал. „Кажется, недалеко время, когда проникнетъ сюда Слово Божіе и водрузится крестъ, но такъ, что уже никакія силы не исторгнутъ его. Когда то? Не дастъ ли Богъ намъ сдѣлать хотя первый и робкій шагъ къ тому?“²⁾.. Во время же своего путешествія по Сибири Ив. Ал. прямо благоговѣлъ предъ миссіонерскими трудами архіепископа Иннокентія Веніаминаова, весьма интересовался переводомъ Евангелія на инородческіе языки и очень подробно и съ теплымъ вниманіемъ говоритъ объ этомъ въ своихъ очеркахъ путешествія—„Фрегатъ Паллада“.³⁾

Такъ любилъ Ив. Ал. христіанскую религію и такъ былъ преданъ ей. Такъ жаждалъ, чтобы и всѣ другіе народы находили въ ней то счастье, которое онъ зналъ и видѣлъ въ ней.

Можно еще и еще умножать изысканія религіозныхъ воззрѣній Ив. Ал. и все онѣ будутъ интересны. Но пора перейти уже и къ оправданію этихъ воззрѣній въ жизни, къ тому не менѣе интересному и важному, что слѣдовало непосредственно за ними и на чемъ онѣ оставляли свой живой слѣдъ,—къ этическимъ воззрѣніямъ Ив. Ал.

1) Т. X, 179 стр.

2) Т. VI, 179 стр.

3) Т. VII, 220—224 стр.

О религиозныхъ же воззрѣнiяхъ Ив. Ал. слѣдуетъ вообще сказать, что онѣ идейно-прагматичны. Ихъ нельзя просто обозрѣвать. Ихъ надо вскрывать, углубляться во все мировоззрѣнiе Ив. Ал., и тогда онѣ явятся во всей своей силѣ, во всей своей острой оцутимости и жизненной правдѣ.

Этическія воззрѣнiя И. А. Гончарова.

„Послушайте-ка проповѣди отца Василия о томъ, какъ надо жить, что надо дѣлать! А какъ мы живемъ: дѣлаемъ ли хоть половину того, что онъ велитъ?—внушительно говорила она (Марѣинька—Райскому въ Обрывѣ).—Хоть бы одинъ день прожить такъ... и то не удастся! Отречься отъ себя, быть всѣмъ слугой, отдавать все бѣднымъ, любить всѣхъ больше себя, даже тѣхъ, кто насъ обижаетъ, не сердиться, чуждаться, не думать слишкомъ о нарядахъ и о пустякахъ, не болтать... ужасъ, ужасъ! Всего не вспомнишь. Я какъ стану думать, такъ и растеряюсь: страшно станетъ. Не достанетъ всей жизни, чтобъ сдѣлать это“! ¹⁾

Между проповѣдью, „отца Василия“ и думами и желанiями исполненiя ея въ жизни чистой и свѣтлой Марѣиньки вполне укладываются этическія воззрѣнiя Ив. Ал. Мы уже замѣтили, что онѣ непосредственно слѣдуютъ за его религиозными воззрѣнiями, изъ нихъ вытекаютъ и ихъ какъ бы оправдываютъ. Онѣ какъ бы завершаютъ старую правду Ив. Ал., придаютъ ей особенную силу, прелесть, устойчивость, даютъ основанiе многимъ и хорошимъ началамъ человѣческой жизни и движенiя ея впередъ.

Начало этическихъ воззрѣнiй Ив. Ал. въ церковно-евангельской морали. Но развитіе ихъ совершается въ параллели человѣческихъ силъ и возможности ихъ воспріятiя въ условiяхъ времени и состоянiя среды и общества, современныхъ Ив. Ал. Оттого въ его произведенiяхъ онѣ выступаютъ постепенно, проясняются и возвышаются съ наибольшимъ развитіемъ пониманiя ихъ и углубленiя въ ихъ основные корни.

Въ „старой правдѣ“ героевъ И. А., которой они думаютъ и живутъ, за которую они борются, очень замѣтно выступаютъ этическія воззрѣнiя его самаго. Онѣ поражаютъ

¹⁾ Т. VІІІ, 313 стр.

своею цѣнностью, жизненностью, непосредственностью дѣйствія. Онѣ выражаютъ стройный образъ мысли и жизни и дѣятельности въ отношеніи къ себѣ и къ другимъ, проникнутый строгостью требованій и долга, искренностью и правдивостью чувствъ, практическою вѣрностью сужденій и пониманія и жизни и людей. Въ нихъ какъ то сама собой входитъ и всегда предполагается ихъ безошибочность, внутренняя невозможность ихъ иного содержанія и выраженія его во внѣ.

Гарантией истинности и вѣрности этическихъ воззрѣній И. А. служатъ то, что онѣ съ одной стороны контролируются религіей, съ другой—какимъ то таинственнымъ и неуловимымъ практическимъ постулятомъ жизненныхъ отношеній людей, извѣстнымъ подъ именемъ судьбы, какъ какой то живой личности, все предусматривающей и безапелляціонно рѣшающей.

„Богъ и судьба“ Татьяны Марковны Бережковой („Обрывъ“) — вотъ къ чему прикрѣпляются корни этическихъ воззрѣній И. А. По этимъ двумъ пунктамъ, какъ теоретическимъ основаніямъ ихъ, можно различать ихъ, какъ религіозно-этическія, какъ выражающія высшіе интересы людей и принципы жизни, и какъ социальнo-этическія, какъ опредѣляющія практическую сторону жизни людей, внѣшнюю форму ихъ отношеній другъ къ другу.

Главную сущность религіозно-этическихъ воззрѣній И. А. выражаетъ, намъ кажется, Марѣинька, когда говоритъ слова проповѣди Отца Василия о томъ, какъ надо жить, что надо дѣлать. Надо отречься отъ себя, быть всѣмъ слугой, отдавать все бѣднымъ, любить всѣхъ больше себя, даже тѣхъ, кто насъ обижаетъ, не сердиться, трудиться, не думать слишкомъ о нарядахъ, не болтать и проч..

Все это высокія евангельскія темы этической жизни. Ими съ любовью вдохновляются герои И. А., хотя и не всегда могли устоять въ нихъ. Онѣ вдохновляли даже Обломова, да еще какъ вдохновляли то!

„Вмѣ, Обломову, доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ глубинѣ души плакалъ, въ иную пору, надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленіе куда-то въ

даль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольць...

Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его... Случается и то, что онъ исполнится презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы, и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ вырастаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ, задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ—три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! Какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія“! 1).

Вотъ какая красота этическаго вдохновенія наполняла душу И. А. Какіе горячіе, вѣчно-юные мотивы переживаній и настроеній души! Какъ влекутъ они къ себѣ и какъ они прелестны даже и теперь, когда уже давно нѣтъ творца ихъ на землѣ! Они и всегда будутъ прелестны и всегда будутъ манить къ себѣ всякую не предубѣжденную душу.

Правда, Обломовъ не въ силахъ былъ осуществить ихъ въ своей жизни, не перевелъ ихъ въ дѣятельность и подвигъ. Но это говоритъ не о безжизненности и не о подвижности этическаго міровоззрѣнія его. Нѣтъ, это только подчеркиваетъ его жизненность и указываетъ очень ясно на осуществленіе его путемъ всецѣлаго, свободнаго и активнаго воспріятія его всей жизнью и дѣятельностью. При этомъ нужно всегда имѣть въ виду, что насколько высоко этическое настроеніе, настолько оно и трудно и требуетъ большихъ и очень большихъ усилій для своего всецѣлаго осуществленія.

Марейинька всецѣло сознаетъ всю трудность этическаго подвига и очень озабочена его невыполнимостью въ жизни.

„Я какъ стану думать, говоритъ она все по поводу тѣхъ же словъ отца Василія, такъ и растеряюсь: страшно станеть. Не достанетъ всей жизни, чтобъ сдѣлать это!“...

1) Т. III, 81—82 стр.

Да и можно ли упрекнуть Обломова или Марѣиньку, что они не осуществили въ жизни своего этического міровоззрѣнія, когда очень многія социальныя условія были противъ этого. Мало ли и теперь среди насъ Обломовыхъ, когда условія къ выполненію въ жизни этого міровоззрѣнія стали болѣе благопріятныя.

Обломовъ не выполнилъ въ жизни своего этического міровоззрѣнія. Но зато онъ своею жизнью и душою своею и не уронилъ его,—и этимъ самымъ сохранилъ всю обаятельность своей пассивной натуры, не смотря на всю неподвижность и какъ бы омертвѣлость своихъ волевыхъ импульсовъ.

„Онъ, Обломовъ, говоритъ о немъ Штольцъ Ольгѣ, падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла, пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; они рѣдки; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ; на него всюду и вездѣ можно положиться“... 1).

Такъ прекрасно окрашиваютъ этическіе принципы И. А. самую неподвижную, самую безсильную и безвольную, какъ бы навсегда уснувшую душу. И какъ сильно они, эти принципы, дѣйствуютъ и въ этой уснувшей душѣ на всякую другую душу, приходящую въ соприкосновеніе съ ней,—душу здоровую и не испорченную! Какъ сильно дѣйствуютъ они и на читателя! Такъ и чувствуется въ нихъ этической образъ самого И. А.!... Такъ много души и сердца вложилъ онъ въ нихъ.

И намъ хочется думать, что въ этомъ особенномъ дѣйствіи этическихъ принциповъ И. А. заключается ихъ педагогическое значеніе. Они воспитываютъ читателя, поддерживаютъ въ немъ человѣческое достоинство, чистоту и чест-

1) Т. IV, 234 стр.

ность души, рождаютъ порывы и стремленія къ выполнению и осуществленію ихъ, незамѣтно дѣлаютъ лучше, нѣжнѣе, благороднѣе. Въ особенности они должны благотворно и хорошо дѣйствовать на молодыя и юныя души, волнующіяся и стремящіяся къ лучшему, души многихъ современныхъ Марѣинокъ и Райскихъ.... И не даромъ И. А. заставляетъ Марѣиньку задумываться надъ проповѣдью отца Василия. Не даромъ и Райскій говоритъ, что нужно помнить проповѣдь его ¹⁾. Очевидно, И. А. былъ весьма озабоченъ воспитаніемъ юношества въ самыхъ высокихъ этическихъ началахъ. И онѣ очень глубоко запали въ душу его молодыхъ геросвъ. Съ ними считался самъ Маркъ Волоховъ и временами сознавалъ всю трудность и невозможность бороться съ ними. Онъ говорилъ Вѣрѣ („Обрывъ“), что „старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра“,—все, что для него не существовало, въ ней крѣпко, что она хорошо вообще вооружена ими ²⁾.

Это вооруженіе этическими началами всасывалось въ природу молодыхъ Гончаровскихъ героевъ съ молокомъ матери и крѣпко въ нихъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ подъ постояннымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ материнскимъ.

Забвеніе этическихъ принциповъ или нарушеніе ихъ въ жизни матерей или воспитателей отражалось на жизни дѣтей и питомцевъ и чувствовалось весьма отвѣтственнымъ предъ послѣдними. Бабушка Татьяна Марковна Бережкова въ паденіи внучки своей Вѣры видѣла наказаніе за свой „неомытый грѣхъ“. Она говорила: „Богъ покаралъ меня въ немъ... Прости же меня отъ сердца“...

„Боже мой, говорила Татьяна Марковна, протягивая руки къ образу Спасителя:—„если бъ я знала, что этотъ громъ ударитъ когда-нибудь въ другую... въ мое дитя,—я бы тогда же на площади, передъ соборомъ, въ толпѣ народа, исповѣдала свой грѣхъ ³⁾).

Татьяна Марковна чувствуетъ отвѣтственность предъ умершей матерью Вѣры за то, что она плохо предостерегала Вѣру, молчаливо смотрѣла на паденіе ея.

„Это мой другой страшный грѣхъ!—перебивала ее, Вѣру, Татьяна Марковна:—я молчала и не отвела тебя... отъ обрыва!

¹⁾ Т. VIII, 321 стр.

²⁾ Т. X, 119 стр.

³⁾ Т. X, 213—214 стр.

Мать твоя изъ гроба достаетъ меня за это; я чувствую—она все снится мнѣ... Она теперь тутъ, между насъ... Прости меня и ты, покойница! говорила старуха, дико озираясь вокругъ и простирая руку къ небу. У Вѣры пробѣжала дрожь по тѣлу. Прости и ты, Вѣра—простите обѣ... Будемъ молиться“ 1).

Потому то Гончаровскія матери весьма озабочены нравственнымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей и одинаково заботятся о немъ, какъ и о религіозномъ. Нравственное развитіе дѣтей идетъ у нихъ параллельно религіозному. Рядомъ примыкающихъ къ религіи этическихъ нормъ и правилъ онѣ стараются постепенно развить и укрѣпить въ своихъ дѣтяхъ чувства этической порядочности, чистоты и нравственнаго благородства.

Анна Павловна Адуева внушаетъ своему сыну Александру вмѣстѣ съ мыслями о Богѣ, о вѣрѣ въ Него, о молитвѣ и храмѣ Божіемъ, и мысли о воздержаніи въ жизни.

„Блюди посты, мой другъ, говоритъ она, „это великое дѣло“. Въ среду и пятницу Богъ проститъ, а въ великій постъ—Боже оборони“!

„Не придавайся вину—охъ, оно первый врагъ человѣка“! продолжала она 2).

И. А. былъ вообще страшный врагъ пьянства, и эту свою вражду къ нему онъ усволяетъ и Татьяна Марковна Бережковой. Она терпѣть не могла пьяницъ,—съ разодранными локтями, одна нога въ туфлѣ, другая въ калошѣ, носъ красный, губы растрескались, винищемъ разить“... Въ пьяницѣ она видѣла образъ самаго противнаго и погибшаго существа. „Къ пьяницѣ и пьянству у ней было фізіологическое отвращеніе“ 3).

Мы нѣсколько задержимся на сужденіяхъ И. А. по поводу пьянства. Въ письмѣ своему племяннику онъ совѣтуетъ ему избѣгать употребленія пива и вина и говоритъ, что „порядочный человѣкъ не пьетъ совсѣмъ водки“ 4).

Интересно по этому поводу припомнить своего рода монологъ И. А. вину, произнесенный имъ по поводу пьянства одного своего слуги.

1) Ibid.

2) Т. I, 107 стр.

3) Т. VIII, 279 стр.

4) „Новое Время“ 16-го іюня 1912 г., № 13024. Прилож. 9 стр.

„О, ты“, вздыхалъ я съ грустью про себя, ходя взадъ и впередъ по залѣ:—„о, ты, зелено вино! Ты иго, горшее крѣпостного права: кто и когда изведетъ тебя, матушка Русь, изъ-подъ него? Князь Владиміръ великій сказалъ: „веселіе Руси—есть пити“! и это слово стало тяжкою вѣчною заповѣдью для русскаго народа! Зачѣмъ онъ не прибавилъ: „пити, но не упиватися!“¹⁾

При такомъ сознаніи глубочайшаго вреда отъ алкоголя для Россіи, И. А. естественно былъ озабоченъ, чтобы русскія матери внушали своимъ дѣтямъ всю гибельность его для нихъ.

Однако, продолжимъ нашу рѣчь дальше и посмотримъ, о какихъ же еще этическихъ мысляхъ и чувствованіяхъ въ своихъ дѣтяхъ заботятся у И. А. русскія матери.

Продолжая свои наставленія уѣзжающему сыну, Анна Павловна говоритъ ему: „Да еще (тутъ она понизила голосъ) берегись женщинъ“!...

„Еще одно слово... На мужнихъ женъ не зарься,—спѣшила она досказать:—это великій грѣхъ! „Не пожелай жены ближняго твоего, сказано въ Писаніи“²⁾.

Въ этомъ отношеніи Анна Павловна была самыхъ строгихъ, старинныхъ правилъ. Она и представить не могла, какъ можно любить внѣ брака и какъ вообще возможно въ любви измѣнять.

При разказѣ сына о томъ, какъ ему измѣнили въ любви и какъ въ другой разъ онъ самъ измѣнилъ, она восклицаетъ:—„Подлинно омутъ, прости Господи: любятъ до свадьбы, безъ обряда церковнаго; измѣняютъ... Что это дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, какъ поглядишь! Знать скоро свѣта представленіе!“...³⁾

Это говорила добрая старушка Анна Павловна. Но вотъ что Райскій, молодой человѣкъ,—человѣкъ новаго времени и вѣянія, знавшій и любовь и страсть ея, говорилъ Марѣинькѣ, говорилъ, когда опомнился отъ охватившей его страсти.

...„Люби, кто нравится, но прячь это глубоко въ душѣ своей, не давай воли, ни себѣ, ни ему, пока... позволить бабушка и отецъ Василій. Помни проповѣдь его“...

1) Т. XII, 193 стр.

2) Т. I, 107—8 стр.

3) Т. II, 176 стр.

...„Да, Марейнька, ты права: грѣхъ хотѣть того, чего не дано, желать жить, какъ живутъ эти барыни, о которыхъ въ книгахъ пишутъ. Боже тебя сохрани мѣняться, быть другою!“...

Такимъ образомъ, Райскій говорилъ почти то же самое, что говорила и Анна Павловна. Очевидно, въ минуту этического отрезвленія въ молодомъ человѣкѣ просыпались завѣты предостерегающей и опытной старины, вставали впечатлѣнія давнихъ материнскихъ наставленій.

Едва удержавшись отъ охватившей его страсти, Райскій приходитъ въ содраганіе и ужасъ, что она чуть-чуть не овладѣла имъ.

„Боже мой!“! думалъ онъ, внутренно содрагаясь: полчаса назадъ, я былъ честенъ, чистъ, гордъ; полчаса позже, этотъ святой ребенокъ превратился бы въ жалкое созданіе, а честный и гордый человѣкъ въ величайшаго негодяя! Гордый духъ уступилъ бы всемогущей плоти; кровь и нервы посмѣялись бы надъ философіей, нравственностью, развитіемъ! Однако духъ устоялъ, кровь и нервы не одолѣли, честь, честность спасены“... ¹⁾).

Вотъ гдѣ сказалась сила и опытъ старинныхъ и строгихъ этическихъ внушеній и требованій. Тамъ, гдѣ философія, научныя теоріи нравственности, развитіе—были безсильны,—тамъ было сильно и крѣпко съ раннихъ лѣтъ привитое этическое чувство. Тамъ ангель хранитель невидимо ограждалъ, бабушкина судьба берегла... ²⁾).

Однако этическое міровоззрѣніе героевъ И. А. не есть міровоззрѣніе старое, остановившееся, не знавшее иного направленія и пути, которыхъ держалась Анна Павловна. Нѣтъ. Мы знаемъ уже, что Райскій зналъ и любовь и страсть и любилъ страстно и свободно, не по правиламъ бабушки и отца Василія. Въ чаду своей страсти въ отношеніи къ Марейнькѣ онъ училъ ее быть этически цѣломудренной и самъ нашелъ въ себѣ внутреннія силы быть таковымъ съ ней. Но то была Марейнька. Она не знакома была сама со страстью и не знала еще этического права, такъ сказать, на любовь и страсть, или лучше сказать, не считала ихъ этически возможными для себя. И собственно въ ней выразилось само-

¹⁾ Т. VIII, 321—2—3 стр.

²⁾ Ibid, 323 стр.

стоятельное и свободное этическое міровоззрѣніе. Въ ней не выразилось живой игры этической любви и страсти. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересна умная, развитая и самостоятельная ВѢра, ея сестра, всегда свободно державшая себя въ отношеніи всѣхъ семейныхъ традицій и условій.

ВѢра уже считаетъ возможнымъ любить внѣ брака. И она чрезвычайно и страстно любила Марка Волохова, котораго всѣ считали нравственно погибшимъ, котораго всѣ избѣгали и считали самымъ непріятнымъ человѣкомъ въ обществѣ. Любилъ ее чрезвычайно и страстно и самъ Волоховъ. Но онъ хотѣлъ ее любить и наслаждаться ей чисто животной любовью, и страстью, хотя и былъ въ отношеніи ея этически воздерженъ, въ противоположность всевозможнымъ современнымъ Санинымъ. Но все же его любовь не была этической, ибо въ его любви не было, какъ онъ говорилъ, „долговъ, правилъ, обязанностей“¹⁾. Между тѣмъ, ВѢра любила этической и хорошей любовью. ВѢра освободилась отъ шаблона старинной любви. Она не хотѣла навязать Волохову и деспотизмъ своей любви. Внѣ всякихъ приличій и громаднaго авторитета бабушки она свободно полюбила Волохова. Но она сохранила высшій смыслъ въ своей любви. Она настойчиво говорила Волохову: „Любовь налагаетъ долгъ, буду твердить я, какъ жизнь налагаетъ и другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ“²⁾.

„Разлука, говорила она ему, стоитъ у васъ рядомъ съ любовью!—Она безотрадно вздохнула.—А я думаю, что это крайности, которыя никогда не должны встрѣчаться... одна смерть должна разлучить“...³⁾

Но любила ли ВѢра страстно? Да, любила. Вотъ она рвется изъ рукъ Райскаго, когда Волоховъ выстрѣломъ звалъ ее къ себѣ.

— „Вратъ!—заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо: если когда-нибудь вы горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... Припомните такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... Вотъ это—моя минута!“...⁴⁾.

1) Т. X, 114 стр. 110 стр.

2) Ibid, 115 стр.

3) Ibid. 121 стр.

4) Ibid. 105 стр.

— „Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!... Вы говорили: „Люби, страсть прекрасна!“ задыхаясь отъ волненія, говорила она и порывалась у него изъ рукъ: вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... „Христа ради“... шептала она, протягивая руку:—вы тоже просили меня, Христа ради, не удалять васъ... Я не отказала... помните? Подайте и мнѣ эту милостыню!... Я никогда не упрекну васъ... никогда... вы сдѣлали все—мать не могла бы сдѣлать больше—но теперь оставьте меня—я должна быть свободна... И вотъ, пусть Тотъ, Кому мы молились вчера, будетъ свидѣтелемъ, что это послѣдній вечеръ... послѣдній“!... 1).

Такъ страстно любила Вѣра и въ этой своей страсти хотѣла быть свободной. Эта страсть была чрезвычайно велика, и Вѣра не устояла въ ней, но не утратила въ ней этического чувства. Въ минуту чрезвычайнаго напряженія страсть Вѣры все же оставалась этической. „Боже прости“ шептала она въ объятяхъ Волохова...

„Боже, прости ее, что она обернулась!... 2). Говорить уже о ней, повидимому, самъ И. А.

Вообще И. А. вкладываетъ большой этический смыслъ въ такое общее почти всѣмъ людямъ чувство страсти. Оригинальнѣе всего,—онъ ставитъ его выше любви. И чрезвычайно важно въ наше время безшабашныхъ и психопатическихъ эксцессовъ страсти получше познакомиться нашей молодежи съ этическимъ взглядомъ И. А. на страсть. Сколько бы чрезъ это она могла внести въ свои страсти, часто неизбежныя и непреодолимыя,—благородства, теплоты и хорошаго чувства человѣчности! Вотъ какъ говоритъ И. А. устами Райскаго, страстно влюбленнаго въ Вѣру.

„Природа вложила только страсть въ живые организмы, другого она ничего не даетъ. Любовь одна, нѣтъ другихъ любвей! Возьми самое вялое созданіе, студень какую-нибудь, вонъ купчиху изъ слободы; вонъ самого благонамѣреннаго и приличнаго чиновника, предсѣдателя,—кого хочешь: всѣ непременно чувствовали, кто разъ, кто больше—смотря по темпераменту, кто тонко, кто грубо, животно—смотря по воспитанію, но всѣ испытали раздраженіе страсти въ жизни,

1) Ibid. 107 стр.

2) Ibid. 125—6 стр.

судорогу, ея муки и боли, это самозабвеніе, эту другую жизнь среди жизни, эту хмельную игру силъ... это блаженство“!

— Ну,—продолжалъ онъ, Райскій, бурно, едва успѣвая говорить:—на остывшій слѣдъ этой огненной полосы, этой молніи жизни, ложился потомъ покой, улыбка отдыха отъ сладкой бури, благородное воспоминаіе къ прошлому, тишина! И эту то тишину, этотъ слѣдъ люди и называли—святой, возвышенной любовью, когда страсть сгорѣла и потухла... Видишь ли, Вѣра, какъ прекрасна страсть, что даже одинъ слѣдъ ея кладетъ яркую печать на всю жизнь, и люди не рѣшаются сознаться въ правдѣ,—т. е. что любви уже нѣтъ, что они были въ чаду, не замѣтили, прозѣвали ее, упиваясь, и что потомъ вся жизнь ихъ окрашена въ тѣ великолѣпные цвѣта, которыми горѣла страсть!... Эта окраска—и есть и любовь, и дружба, и та крѣпкая связь, которая держитъ людей вмѣстѣ иногда всю жизнь... Нѣтъ, ничто въ жизни не даетъ такого блаженства, никакая слава, никакое щекотанье самолюбія, никакія богатства Шехерезады, ни даже творческая сила, ничто... одна страсть“!

— Страсть—это постоянный хмель, безъ грубой тяжести опьяненія,—продолжалъ онъ:—это вѣчные цвѣты подъ ногами. Передъ тобой—идолъ, которому хочется молиться, умирать за него. Тебѣ на голову валятся камни, а ты въ страсти думаешь, что летятъ розы на тебя, скрежетъ зубовъ будешь принимать за музыку, удары отъ дорогой руки покажутся нѣжнѣе ласкъ матери. Заботы, дразги жизни, все исчезнетъ—одно безконечное торжество наполняетъ тебя, одно счастье глядѣтъ вотъ такъ... на тебя... (онъ подошелъ къ ней, Вѣрѣ)—взять за руку (онъ взялъ за руку) и чувствовать огонь и силу, трепеть въ организмѣ“... 1).

Такимъ образомъ, въ этой Гончаровской страсти нѣтъ ничего грубаго, пошлаго, даже животнаго пожалуй. Въ ней чувствуется, только неизбѣжная эстетическая сила, ураганъ чувствъ и влеченій. Но какъ же удержаться въ ней? Какъ не сказать въ ней и по поводу нея: „Боже прости“!...

Но въ Гончаровской страсти можно находить и отливы и выходы къ „нормѣ любви“ брачной.

„Давать страсти законный исходъ, указать порядокъ

1) Т. IX. 78. 79 стр.

теченія, какъ рѣкѣ, для блага цѣлаго края,—это общечеловѣческая задача, это вершина прогресса, на которую лѣзутъ всѣ эти Жоржъ-Занды, да сбиваются въ сторону. За рѣшеніемъ ея вѣдь уже нѣтъ ни измѣнъ, ни охлажденій, а вѣчно-ровное біеніе покойно-счастливаго сердца, слѣдовательно вѣчно-наполненная жизнь, вѣчный сокъ жизни, вѣчное нравственное здоровье.“

„Страсть! все это хорошо въ стихахъ, да на сценѣ, гдѣ въ плащахъ, съ ножами, расхаживаютъ актеры, а потомъ идутъ, и убитые, и убійцы вмѣстѣ ужинать“...

„Хорошо, еслибъ и страсти такъ кончались, а то послѣ нихъ остаются: дымъ, смрадъ, а счастья нѣтъ! Воспоминанія—одинъ только стыдъ и рваніе волосъ“...

„Да страсть надо ограничить, задушить и утопить въ женитьбѣ!... 1)

Женитьба—это норма, которой умѣряется страсть, это „вѣнецъ выработанности“, выясненіе взаимныхъ отношеній обоихъ половъ“.

Такъ думалъ Илья Ильичъ Обломовъ, когда страсть рисовалась ему въ формѣ безобразныхъ и безпринципныхъ и неудержимыхъ животныхъ влеченій, и онъ искалъ ей выходъ и норму вѣчнаго и ровнаго теченія.

Но когда въ страсти былъ принципъ, она не была стыдомъ и рваніемъ волосъ.

„Нѣтъ, не къ раскаянію поведетъ васъ страсть“, говорилъ Райскій Вѣрѣ, „она очиститъ воздухъ, прогонитъ міазмы, предразсудки, и дастъ вамъдохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишкомъ чисты, свѣтлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказитъ васъ, а только подниметъ высоко“...

Это высокая идеализація страсти. Въ жизни и дѣйствительности она можетъ не всегда возможна въ такой степени. Но И. А. справедливо полагалъ, что обществу или она должна представляться въ такой степени или должна вводиться въ норму брачной любви. И только въ такомъ случаѣ въ страсти можетъ воплощаться этической смыслъ и интересъ взаимныхъ отношеній обоихъ половъ.

Этическія воззрѣнія И. А. о любви и страсти состав-

1) Т. III. 258—9 стр.

ляютъ переходъ отъ религіозно-этическихъ воззрѣній къ соціально-этическимъ. Послѣднія, какъ мы сказали, опредѣляютъ практическую сторону жизни людей, и въ высшемъ выраженіи своемъ извѣстны у И. А. подъ именемъ судьбы.

Судьба у И. А.—это живое этическое воплощеніе причинъ и слѣдствій, тѣсно и необходимо связанныхъ между собою въ жизни людей. Это живая личность, „невидимый квартальный надзиратель“, строгій и неумолимый мздоимецъ, который всюду окружаетъ жизнь человѣка, всюду стоитъ около него, да слушаетъ. И надо до мелочей быть строго внимательнымъ къ себѣ въ этической жизни строго, исправнымъ, иначе судьба накажетъ.

Выразителемъ вѣры въ судьбу у И. А. является бабушка. Но ея держался и даже просвѣщенный Штольцъ.

Судьба во всемъ любитъ бережливость и осторожность. Она не любитъ самонадѣянности. Но она не любитъ и трусливости. Она требуетъ энергіи и неустаннаго труда.

Анна Павловна говоритъ своему сыну Александру. „Береги пуще всего здоровье... Не ходи ночью по улицамъ, отъ людей звѣрскаго вида удаляйся. Береги деньги... охъ, береги на черный день! Трать съ толкомъ. Отъ нихъ, проклятыхъ, всякое добро и всякое зло. Не мотай, не заводи лишнихъ прихотей... Не заводи роскоши... ¹⁾ и т. д.

Однако, все это этическія мелочи, такъ сказать. Главную сущность соціально-этическихъ наставленій выражаетъ бабушка въ своей бесѣдѣ съ Райскимъ.

„Поучись-ка у бабушки жить“, говоритъ она внуку. „Самонадѣянъ очень. Дать тебѣ когда-нибудь судьба за это „непремѣнно“! Не говори этого! А прибавляй всегда: „хотѣлось бы“, „Богъ дастъ“, будемъ живы да здоровы“... А то судьба накажетъ за самонадѣянность: никогда не выйдетъ по твоему“...

„Да, да,—продолжаетъ она, какъ-будто озираясь:—кто-то стоитъ да слушаетъ! Ты только не остерегись, забудь, что можно упасть—и упадешь. Понадѣйся безъ оглядки, судьба и обманетъ, вырветъ изъ рукъ, къ чему притягивалъ ихъ! Гдѣ меньше всего ждешь тутъ и оплеуха“...

¹⁾ Т. I, 107 стр.

— „Ну, когда же счастье? спрашиваетъ Райскій. Ужели все оплеухи“?

— „Нѣтъ, не все, отвѣчаетъ бабушка; когда ждешь скромно, сомнѣваешься, не забываешься, оно и упадетъ. Пуще всего не задирай головы и не подымай носа, по-баивайся: ну, и дастся. Судьба любить осторожность, оттого и говорятъ: „береженаго Богъ бережетъ“. И тутъ не пересаливай; кто слишкомъ трусливо пятится, она тоже не любитъ, и подстережетъ. Кто воды боится, весь вѣкъ бѣгаетъ рѣки, въ лодку не сядетъ, судьба подкараулитъ: когда-нибудь да сядетъ, тутъ и болтыхнется въ воду“.

— „Зачѣмъ же, для какой цѣли эти штуки, бабушка, дѣлаетъ кто-то, по вашему мнѣнію, съ умысломъ“? не уни-мался спрашивать Райскій.

— „Для какой цѣли?—повторила она, собираясь выразить внуку высшій смыслъ своей исконной и излюблен-ной теоріи судьбы,—„а для такой, чтобъ человѣкъ не засыпалъ и не забывался, а помнилъ, что надъ нимъ кто-нибудь да есть: чтобы онъ шевелился, оглядывался, думалъ, да заботился. Судьба учитъ его терпѣнію, дѣлаетъ ему харак-теръ, чтобъ поворачивался живо, оглядывался на все зор-кимъ глазомъ, не лежалъ на боку и дѣлалъ, что каждому опредѣлилъ Господь“¹⁾.

Раскрывая и уясняя себѣ смыслъ бабушкиныхъ рѣ-чей о судьбѣ, невольно приходишь къ заключенію, что въ нихъ Ив. Ал. хочетъ изобразить послѣдовательный ходъ наилучшаго этического воспитанія подрастающаго поколѣ-нія. Это воспитаніе начинается въ социаль-но-практической жизни обращеніемъ вниманія, повидимому, на различныя житейскія мелочи. Посредствомъ нихъ постепенно создается опредѣленный тонъ и смыслъ жизни. Въ послѣд-немъ итогѣ создается типъ уравновѣшеннаго, энергичнаго, настойчиваго и крайне трудолюбиваго человѣка. Непосред-ственнымъ ручательствомъ плодотворности и истинности та-кого воспитанія служитъ искони присущее русскому чело-вѣку внутреннее чувство долга и необходимой и стро-гой отвѣтственности за него въ жизни. Чувство это неискоренимо и имѣетъ особенный характеръ требователь-

¹⁾ Т. VIII, 282—3 стр.

ности своихъ повелѣній, обязательности ихъ контроля и неизбѣжности возмездія за то или иное отношеніе къ нимъ. Эта особенная живая осязательность долга и его отвѣтственности и выразилась у русскаго человѣка въ вѣрованіи въ судьбу, какъ внутренній идейный опытъ цѣлыхъ столѣтій и многихъ поколѣній. И намъ кажется, что бабушкиной судьбой связывая послѣдующее культивированіе человѣческихъ характеровъ со всѣмъ предыдущимъ, Ив. Ал. весьма основательно выясняетъ этическую цѣнность ихъ культуръ въ отношеніи другъ друга. Намъ думается, что у насъ не остается и сомнѣнія въ этомъ, если мы прослѣдимъ отзвѣты объ этой этической культурѣ старой правды Райскаго и самого Волохова.

Первый мысленно проводилъ параллель между собой и бабушкой.

„Я бьюсь“, размышлялъ онъ: чтобы быть гуманнымъ и добрымъ: бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра. Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ воздаяніямъ своей фантазіи, бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу, гдѣ обманъ, знаю, что все-иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія: бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителемъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа, у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ симпатіи, въ ея натурѣ! Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится“¹⁾.

Волоховъ, думая о Вѣрѣ, изумлялся, какъ гармонично сочеталось въ умной и развитой дѣвушкѣ новое и старое вліяніе, обыкновенная жизнь и правда окрашивались „въ такіе здоровые цвѣта, предъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна—та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось бы, свѣжихъ источниковъ“²⁾.

Въ заключеніе же нужно сказать, что этими словами и сужденіями Волохова и Райскаго, въ особенности же сужденіями о судьбѣ нѣжно обвѣянной теплымъ чувствомъ ба-

¹⁾ Т. VIII, 284.

²⁾ Т. X, 124.

бушки, Ив. Ал. настойчиво убѣждаетъ, что человѣческая жизнь отъ самаго маленькаго и до самаго главнаго должна воплощать въ себѣ глубокой этической смыслъ. Воспитаніе же и образованіе послѣдняго проистекаетъ изъ постояннаго сознанія долга, заставляющаго человѣка трудиться и работать, создавая изъ прошлыхъ опытовъ и новыхъ переживаній нѣчто совершенное, свѣжее и лучшее въ жизни. Въ 1862 г. Ив. Ал. писалъ своему племяннику: „Ты теперь въ полунѣмецкой сторонѣ: учись тамъ трудолюбію, честному и серьезному пониманію жизни, педантической строгости и исполненія долга, занимай у нихъ ученость, а пиву не учись“¹⁾... Ив. Ал. былъ вѣренъ всегда и всюду своимъ этическимъ принципамъ.

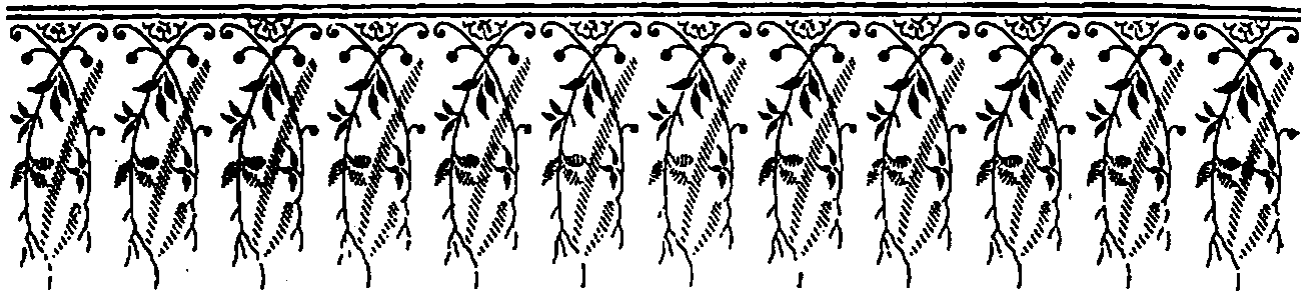
Р.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Новое Время. Нед. Прил. 16 (29) Іюня 1912 г. № 13024. стр. 9.

Совмѣщеніе интеллектуальнаго и физическаго труда въ приложеніи къ образованію.

I.

Значеніе физическаго ручнаго труда, его возникновеніе въ учебныхъ заведеніяхъ и причины упадка.

Нѣтъ сомнѣнія, что практическія знанія въ большинствѣ нашихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній находятся еще и донынѣ въ зачаточномъ состояніи и составляютъ предметъ добрыхъ желаній и намѣреній безпристрастныхъ умовъ,¹⁾ словомъ носится въ атмосферѣ нѣкоторое, какъ бы отвлеченное, сознаніе полезности этого рода знаній.

Казалось бы и сокрушаться тутъ не о чемъ: таковъ естественный ходъ чуть ли не всѣхъ подобнаго рода вещей. Идея вызывается наступающею необходимостью, возникающею въ самой жизни. Сознаніе ея, сперва неясное, постепенно проясняется и развивается въ сужденія, мнѣнія, далѣе—въ желанія, намѣренія, и, наконецъ, въ проекты. Все это ложится на полезную чашку вѣсовъ и мало-помалу подтягиваетъ ее къ тому пункту, за которымъ долженствуетъ совершиться рожденіе факта, дѣйствія и, наконецъ, прогрессивное развитіе дѣла.

Первичныя фазы своего развитія вопросъ о физическомъ трудѣ въ школахъ уже проходилъ и до нынѣ проходитъ, обсуждаясь главнымъ образомъ въ педагогической литературѣ.

---

¹⁾ См. правительственныя распоряженія по этому вопросу, начиная съ отношенія Министра Госуд. Имущ. къ Оберъ Прокурору Св. Синода, отъ 1 февр. 1890 г.

Но подобный естественный ходъ развитія вопроса къ сожалѣнію не всегда совершается безостановочно и гладко. И даже едва ли какое-либо развитіе, подлежащее въ своемъ процессѣ вліянію людей, совершалось безъ всякаго рода тормазовъ естественныхъ и искусственныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ. И всему этому, какъ и всему на свѣтѣ, бываютъ свои причины.

Въ силу этого, хотя и имѣется резонъ не предаваться вздохамъ пессимизма о ходѣ развитія практическихъ знаній вообще, но точно также съ другой стороны, имѣется большой резонъ, не усыпляясь и вседовольствомъ оптимизма, по мѣрѣ силъ и возможности, присматриваться къ тому, дѣйствительно ли это дѣло идетъ нормально; не стоитъ ли оно въ данный моментъ, на болѣе низкой ступени, нежели ему слѣдуетъ стоять въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ, этихъ питомникахъ носителей и проводниковъ всяческихъ знаній; болѣе или менѣе смѣло вникать въ причины, полезно или вредно дѣйствующія на дѣло, можно сказать, по нынѣшнимъ временамъ, дѣло первостатейной важности,—и пробуждать въ немъ жизнедѣятельность.

Необходимо оговориться, что подъ именемъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ имѣть въ виду преимущественно классическія и спеціально педагогическія, потому что ихъ большинство, и изъ нихъ то, какъ радіусы отъ центра, по всѣмъ направленіямъ и разстояніямъ расходятся проводники просвѣщенія, и если бы они, эти проводники, въ особенности близко стоящіе къ темному люду, какъ священники, въ особенности учителя и др.,—если бы они сами обладали, между прочимъ, и практическими знаніями, то отъ нихъ больше бы перепало и на долю убогаго люда, не имѣющаго средствъ получать эти блага непосредственно изъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Такіе проводники прилагали бы практическія знанія вездѣ, куда бы ни забросила ихъ судьба коротать жизнь, и не скупились бы дарить ихъ неимущимъ, потому что и сами получили ихъ даромъ, такъ сказать, между прочимъ. Заправскіе же спеціалисты, вышедшіе изъ спеціальныхъ техническихъ учебныхъ заведеній, естественно оказываются не столь хорошими проводниками, потому что они немногочисленны и не повсемѣстны.

На поставленный сейчасъ вопросъ о нормальномъ ходѣ развитія практическихъ знаній въ учебныхъ заведеніяхъ, къ сожалѣнію, получается отвѣтъ смысла отрицательнаго. Можно ли сказать, что дѣло идетъ нормально, на основаніи тѣхъ фактовъ, которые говорятъ сами за себя. А факты эти дѣйствительно представляютъ мало отраднаго.

Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ классическаго порядка, не исключая и духовныхъ семинарій, вѣяніями недавней памяти шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго, но все еще нашего вѣка, было введено обученіе нѣкоторымъ мастерствамъ: столярному, токарному, слесарному, переплетному. Отведены были подъ эти мастерства помѣщенія, куплены инструменты, приглашены руководители и нашлось не мало охотниковъ обучаться. Послѣдніе накинута на эту отрасль знанія, съ одной стороны, какъ на интересную новинку, а съ другой, какъ на знанія, представляющія все таки смыслъ и практическое значеніе и приложеніе въ жизни. И въ самомъ дѣлѣ, охотникамъ естественно было накинута на это дѣло, рассуждая примѣрно такъ: „Вотъ, молъ, занимаюсь я теперь отвлеченными науками, веду жизнь сидячую, нездоровую, ѣмъ пищу подъ часъ суровую, неудобоваримую, — такъ заняться физическимъ трудомъ какъ разъ будетъ кстати: и разнообразіе въ занятіяхъ, и часъ—полтора въ день здоровой и разумной физической работы и улучшеніе дѣятельности организма и удовлетворенное состояніе духа отъ сознанія сдѣланной производительной работы. Подобныя соображенія послужили тѣми лучами свѣта, тою теплотой и влагою, которыя вызвали къ жизни эти дѣла въ средѣ учащихъся.

Во что же однако съ теченіемъ времени обратилось все это дѣло?—Въ ничто, или почти въ ничто. Оно прозябло но не имѣло почвы, чтобы пустить глубокіе корни. Мастерскія опустѣли отъ прекращенія прилива охотниковъ, руководители разбрелись во свояси и дѣло умерло отъ истощенія своей жизненной энергіи.

Въ чемъ же однако кроется причина столь печальнаго исхода такого полезнаго и желательнаго дѣла?—Да въ томъ же именно, что оно не имѣло почвы. Новорожденная энергія взрослыхъ младенцевъ въ этомъ дѣлѣ разбила о такіе подводные камни, которыхъ они, и не могли замѣтить.

Прежде всего выступает неподготовленность къ дѣлу. Смотри со стороны на каждое изъ ручныхъ производствъ, всякій находилъ его интереснымъ и даже очень часто у самого возгоралось желаніе взяться за инструменты и создать нѣчто. Но такіе любители не знали, какимъ путемъ долгихъ упражненій и медленныхъ поступаній впередъ въ успѣхахъ доходятъ заправскіе мастера до той изумительной техники и тѣхъ совершенствъ въ своихъ произведеніяхъ, которыми послѣднія обладаютъ. Наши же любители, какъ почти всѣ любители и диллетанты, за рѣдкими исключеніями, желаютъ т. ск. „не терши, не мѣвши“, получить калачъ и всегда почти начинаютъ съ конца. Одинъ задумалъ сдѣлать чуть не буфетный шкафъ съ его замысловатыми атрибутами, или—вольтеровское кресло; другой, желаетъ выточить тоже какую-нибудь красивую вещицу и т. д. За работу принялись, какъ водится, по любительски, не щадя ни силъ, ни времени. Много было пролитаго поту, лопнувшихъ мозолей и т. п. Ясно, однако, что мастера съ такою богатою техникою производили такія произведенія, отъ которыхъ сами краснѣли и открещивались, а затѣмъ охота ихъ пропадала, энергія испарялась, и они, въ большинствѣ случаевъ, благоразумно не показывались болѣе въ мастерскихъ въ качествѣ мастеровъ. Такіе печальные опыты лучшей части школьнаго товарищества не могли не произвести на общую массу учащихся удручающаго впечатлѣнія, не могли не имѣть рѣшающаго вліянія на ихъ отношеніе къ дѣлу, обратившемуся такимъ образомъ въ бесполезное и неудобное.

И весь этотъ ходъ и исходъ дѣла, отъ начала и до конца, вполне естествененъ при данныхъ условіяхъ, и ни коимъ образомъ ни укорять, ни осмѣивать, ни порицать въ немъ кого бы то ни было нѣтъ ни малѣйшаго резона. Напротивъ—„нѣтъ худа безъ добра“—этотъ неудавшійся опытъ хоть и охладилъ учредителей и участниковъ этого дѣла, но это только временно; и, если дѣйствительно назрѣла необходимость въ немъ, то оно непременно возникнетъ, но только въ осуществленіи своемъ не повторитъ прежнихъ ошибокъ.

Факты прошлаго и даже ошибки, какъ извѣстно, нерѣдко являются самыми добросовѣстными совѣтниками и

указателями для настоящаго и будущаго. А факты въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, очень выразительно показываютъ, что начинать надо сначала, съ азбуки, что надо заняться предварительно образованіемъ элементовъ дѣла. Затѣмъ тѣ же факты указываютъ, что мѣсто для образованія этихъ элементовъ выбрано ошибочно, по тому, теперь уже ясному соображенію, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно въ ихъ старшихъ классахъ воспитанники=люди уже на возрастѣ и этотъ ихъ возрастъ уже мало соотвѣтствуетъ всякимъ азбучнымъ начинаніямъ. Ибо „всякому овощу свое время“. Кромѣ того, приобрѣли уже опредѣленные и болѣе или менѣе установившіеся взгляды и міровоззрѣнія, приобрѣли привычки къ извѣстному образу жизни и занятій, словомъ на половину уже установились. Это—первое. Второе—то, что люди на этой ступени возраста и интеллектуальнаго состоянія вошли уже во вкусъ извѣстнаго образа мыслей о будущности,—о томъ берегу, до котораго имъ надо, во что бы то ни стало, доплыть. Они сознаютъ ясно, что находятся въ самой опасной фазѣ своей борьбы за существованіе, что для нихъ нѣтъ спасенія внѣ этой ихъ единственной цѣли; что для нихъ не доплыть, значитъ погибнуть, оборваться съ той значительной высоты, до которой они уже добрались и упасть прямо въ преисподнюю, упасть стремительно и безповоротно потерять все, что было куплено цѣною столькихъ усилій личныхъ и столькихъ, очень часто самоотверженныхъ и даже непосильныхъ жертвъ со стороны своихъ родныхъ; разбить свои и ихъ самыя дорогія надежды; а въ перспективѣ, наконецъ, остается только переломать, изуродовать себя для приспособленія себя къ рабочей зависимости и подневольнымъ отношеніямъ, т. е. умереть нравственно, для того, чтобы существовать физически; или сказать вѣрнѣе, умереть для привилегированнаго, обеспеченнаго и болѣе или менѣе независимаго положенія, для того, чтобы навсегда попасть въ противоположное. И они отлично понимаютъ, на какихъ ладьяхъ и съ какимъ товаромъ они могутъ доплыть до желаннаго берега. Они видятъ одну только цѣль и ревниво выбираютъ только то, что существенно, необходимо въ приближеніи ихъ къ ней и отбрасываютъ все необязательное и не имѣющее юридическаго значенія для ихъ цѣли.

Понятно, что къ такимъ несущественнымъ вещамъ они съ своей точки зрѣнія, относятъ и практическія знанія, о которыхъ ведется рѣчь.

Въ—третьихъ—семьи, доставляющія контингентъ учащейся молодежи, почти вездѣ раздѣляются—по сословнымъ ли предразсудкамъ, или по выработавшимся міровоззрѣніямъ—на два рѣзко разграничивающихъ лагеря—демократическій или, вѣрнѣе, разночинскій и—аристократическій. Между этими лагерями устанавливается болѣе или менѣе скрытый антагонизмъ, питаемый съ одной стороны стариннымъ презрѣніемъ—можетъ быть, уже значительно ослабленнымъ—презрѣніемъ господства къ рабству, имущаго къ неимущему, а съ другой, ненавистью—можетъ быть, даже не признанной и не признаваемой—а все таки хоть отчасти исходящей изъ зависти къ богатству и обеспеченному положенію. Каждый изъ лагерей дѣлится на двѣ фракціи, противоположныя другъ—другу въ отношеніяхъ ихъ къ взгляду на физическій ручной трудъ. Въ то время, какъ изъ среды аристократическаго лагеря выдѣляются личности, поставившія себѣ задачей поколебать вѣками укоренившееся презрѣніе къ физическому труду и замѣнить его справедливымъ уваженіемъ къ нему ¹⁾, въ то время, какъ эти личности проводятъ свое воззрѣніе въ жизнь, стараясь доказать своею личною дѣятельностью и даже всею своею жизнью законность и возможность совмѣщенія въ каждой человѣческой личности обоихъ родовъ дѣятельности—интеллектуальной и физической, стараясь доказать, что отсутствіемъ этого совмѣщенія обуславливается односторонность и недостаточность человѣческой личности и проистекающія отсюда ненормальныя явленія въ укладѣ жизни, въ направленіи мысли, въ дѣятельности, въ характерахъ людей и въ отношеніяхъ ихъ между собою,—въ то же самое время другая часть того же аристократическаго лагеря—многочисленнѣйшая—безусловно отрицаетъ ручной трудъ для привилегированнаго сословія, питаетъ къ нему отвращеніе, стыдится его, а на людей, занимающихся этимъ трудомъ, смотритъ, какъ на рабочій скотъ, или болѣе или менѣе близко къ этому. Своихъ же собратій по происхожденію, проповѣ-

¹⁾ Ушинскій, Толстой.

дующихъ совмѣщеніе физическаго труда какъ съ сословнымъ достоинствомъ, такъ и съ трудомъ интеллектуальнымъ—люди аристократическаго лагеря стараго закала, конечно, не глядятъ по головкѣ.

Такое воззрѣніе и отношеніе къ ручному труду естественно передается и учащейся молодежи и производитъ среди послѣдней то же раздѣленіе со всѣми тѣми же, хотя и ослабленною школою явленіями.

Въ лагерѣ демократическомъ, или вѣрнѣе, разночинскомъ, происходитъ явленіе совсѣмъ иного характера.

Въ то время, какъ молодежь перваго лагеря, по полученіи образованія, въ большинствѣ случаевъ обращается къ образу жизни и занятіямъ своихъ предковъ, дорожитъ своими традиціями,—молодежь второго лагеря, получающая образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, нерѣдко вовсе не помышляетъ о возвращеніи къ образу жизни своихъ отцовъ, къ ихъ занятіямъ и не стремится своимъ просвѣщеннымъ участіемъ внести улучшеніе въ трудовую и нравственно-бытовую жизнь родной семьи. Наоборотъ, она удаляется отъ родной среды, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы въ наибольшей мѣрѣ утилизировать свои права, полученныя чрезъ образованіе; она въ большой мѣрѣ обнаруживаетъ стремленіе проникнуть въ среду „природнаго дворянства“, проникнуть въ сущность требованій его внѣшняго и внутренняго уклада жизни и дѣлается исполнительницею всѣхъ деталей и этикетовъ этой жизни болѣе ревнивою, нежели сами родовитые дворяне.

Со всѣмъ этимъ, однако, можно бы еще хотя условно мириться и даже находить все это естественнымъ и сообразнымъ со всѣми прочими условіями общественной жизни, но дѣло въ томъ, что по отношенію къ интересующему насъ вопросу и это явленіе оказывается очевидно вреднымъ: лучшія силы безвозвратно уходятъ изъ трудовой среды, переполняя собою привилегированный классъ и не внося ни въ школу, ни въ жизнь никакихъ благопріятныхъ импульсовъ въ пользу физическаго труда.

Что касается второй фракціи разночинскаго лагеря, къ настоящему времени сдѣлавшейся уже весьма численною, то это тѣ элементы школы, которые, отлагаясь отъ нея, пропадають какъ для правящей, такъ и для трудовой части

общества. Это, во-первыхъ, тѣ пылкіе темпераменты, которые не могутъ притерпѣться къ отрицательнымъ явленіямъ общественной жизни и потому тщатся однимъ ударомъ разрѣшить всю спутанность понятій въ области человѣческой этики. Они дѣлаются маньяками идеи юридическаго уравненія человѣчества и, теряя способность отличать возможное отъ невозможнаго, рвутся, очертя голову, къ реальному осуществленію этой идеи; во вторыхъ, это тѣ именно, которые потерявъ въ школѣ учебный періодъ своей жизни, выпадаютъ изъ нея, не приобрѣтая ни „правъ по образованію“, ни приспособленности къ какому либо физическому труду. Эти попадаютъ въ ту же категорію большею частью пассивно и служатъ для подневольнаго исполненія чужой воли.

Остается, наконецъ, приложеніе приобрѣтенныхъ практическихъ знаній въ жизни для себя и проведеніе ихъ въ среду народную. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ этомъ и заключается та благородная почва, на которой, какъ сладкій плодъ, растетъ и зрѣетъ вознагражденіе и удовлетвореніе за всѣ труды, затраченные на приобрѣтеніе полезныхъ практическихъ знаній. Казалось бы, нѣтъ на свѣтѣ такого тупого ума, хотя бы даже у самаго невѣжественнаго простолюдина, который не понялъ бы всей полезности тѣхъ практическихъ знаній, которыми добрый человѣкъ хочетъ съ нимъ безкорыстно подѣлиться, и которая ему, какъ простолидину, такъ необходимы; и нѣтъ такого черстваго сердца, которое не проникнулось бы умиленіемъ и благодарностью за участіе и безкорыстную заботливость о его благѣ. На практикѣ же дѣло обстоитъ иначе. Во-первыхъ, у всякаго профессиональнаго мастера существуютъ свои способы производства, свои вкусы и понятія объ изящномъ, своя приспособленность къ требованіямъ и вкусамъ среды, на которую онъ работаетъ; у него кромѣ того, имѣется добрая порція косности и скептицизма къ новшествамъ, а также т. н. „амбиціи“, самолюбія и профессиональной гордости, которая защищаютъ его вѣковыя традиціи отъ всякихъ нововведеній. Если же они, эти мастера простолюдины, и снисходятъ иногда послушать новатора или посмотрѣть его затѣи, то больше съ цѣлью оспорить, осмѣять и, словомъ, побить дерзкаго новатора, какъ своего конкурента и естественнаго врага, посягающаго на

священные права, обычаи и, наконецъ, на кусокъ хлѣба. Если же обыкновенный рядовой простолюдинъ пожелаетъ научиться мастерству, то онъ едва ли пойдетъ къ диллетанту благороднаго происхожденія, и не довѣрится ему, а навѣрно предпочтетъ своего профессиональнаго Кузьму или Мину, съ которымъ у него, вдобавокъ, такъ много общаго во всѣхъ закоулкахъ жизни сословныхъ, бытовыхъ и прочихъ.

Главный же стимулъ, утверждающій простолюдина въ предубѣжденіи противъ интеллигентнаго мастера, состоитъ все-таки въ томъ, что послѣдній, по причинѣ неудовлетворительной постановки дѣла, несомнѣнно долженъ уступать первому въ силѣ, въ интенсивности работы и въ качествѣ произведеній. Для борьбы же съ профессиональными предразсудками, съ устарѣлыми способами производства, съ традиціями и вообще съ косностью—надо противопоставить превосходство очевидное во всѣхъ, такъ сказать, функціяхъ производства.

Что же касается приложенія пріобрѣтенныхъ знаній для себя, то таковыя во многихъ случаяхъ дѣйствительно могли бы очень пригодиться, но опять таки въ томъ случаѣ, если бы были сколько-нибудь удовлетворительны.

Такимъ образомъ практическія знанія въ средне учебныхъ заведеніяхъ не привились потому, что не имѣли соответственной подготовки, которая должна происходить въ низшихъ классахъ.

Не надо быть очень наблюдательнымъ для того, чтобы замѣтить большую склонность многихъ дѣтей къ различнымъ мастерствамъ. Въ средѣ учащихся дѣтей на каждомъ шагу можно натолкнуться на маленькихъ диллетантовъ въ различныхъ ручныхъ производствахъ, которымъ они, при помощи крайне ограниченныхъ и несоответственныхъ инструментовъ, съ такимъ увлеченіемъ, что нерѣдко готовы претерпѣть за нихъ гоненіе со стороны принятой легальности въ ихъ дѣтской жизни и дѣятельности. Это явленіе съ очевидностью показываетъ, что *начинать* прививку практическихъ знаній ручного труда всего естественнѣе въ дѣтскомъ возрастѣ, что дѣтскій возрастъ и есть именно та благодарная почва, на которой эти начинанія могутъ развиваться съ необходимою постепенностью и въ будущемъ дать наилучшіе результаты. Дѣти не станутъ задаваться

широкими планами, не будутъ стыдиться своихъ маленькихъ познаній, не будутъ стѣсняться указаніями и наставленіями своихъ руководителей. Наоборотъ, каждый маленькій успѣхъ будетъ приводить ихъ въ восторгъ и они сами охотно пойдутъ на встрѣчу всякимъ поясненіямъ и съ радостію пріймутъ ихъ.

Само собою понятно, что опасеній насчетъ того, какъ бы дитя не ушибло себѣ пальчики, либо не искалѣчило себя острыми инструментами, суть ни что иное, какъ опасенія сердобольной бабушки стариннаго дворянскаго гнѣзда, значительно уже опустѣвшаго, и при томъ опасенія, никогда не сыгравшія никакой полезной роли. Впрочемъ подобныя опасенія могутъ быть успокоены тѣмъ, что „дитя малое“ не будетъ оставлено безъ „нянюшекъ“, подъ руководствомъ которыхъ оно наловчится такъ свободно дѣйствовать этими инструментами, что послѣдніе нисколько не будутъ опаснѣе ножа и вилки за обѣденнымъ столомъ всѣхъ добрыхъ людей.

Приобрѣтая навыки, ловкость и, главное, любовь къ практическимъ занятіямъ ручнымъ трудомъ въ младшихъ классахъ, воспитанники наши явятся въ старшіе классы съ такою подготовкою, при которой дѣло не захирѣетъ, не разрушится, а наоборотъ, возрастетъ, расширится и дастъ свѣдущихъ и искусныхъ мастеровъ, которые не будутъ уже краснѣть за свои издѣлія.

Тогда только питомцы нашихъ учебныхъ заведеній дѣйствительно могутъ сдѣлаться хорошими проводниками практическихъ знаній въ среду народную, — и понятно, главнѣйшимъ образомъ, чрезъ посредство народной школы. Тогда только всякій и простолюдинъ, и не простолюдинъ къ интеллигентному мастеру отнесется съ уваженіемъ и довѣріемъ, когда увидитъ воочию, съ какою ловкостью работаютъ его руки; какъ все у него выходитъ чисто и гладко въ работѣ; какъ онъ знаетъ всякіе расчеты и способы, ускоряющіе и упрощающіе самые процессы работы; какъ умѣетъ онъ сдѣлать чертежи всевозможныхъ частей и начертить общій видъ любой задуманной вещи и какія въ результатѣ выходятъ изъ его рукъ прекрасныя издѣлія.

Вопросъ о деньгахъ на обзаведеніе практическихъ занятій ручными производствами въ учебныхъ заведеніяхъ мы оставляемъ въ сторонѣ. Онъ самъ собою разрѣшается

въ благопріятномъ смыслѣ, при сознаніи въ обществѣ важности этого дѣла нормальнаго и всесторонняго развитія человѣческой личности.

II

Выдающееся значеніе земледѣльческаго труда въ учебныхъ заведеніяхъ и перспектива его осуществленія.

Сочувствіе, какого заслуживаютъ различныя мастерства, вводимыя въ циклъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ должно въ особенности принадлежать и земледѣлію.

Было бы странно, говоря о значеніи ручного труда, какъ предмета свободнаго обученія въ учебныхъ заведеніяхъ и объ отведеніи ему соотвѣтственнаго мѣста на ряду съ трудомъ умственнымъ, умолчать о полномъ культурнаго и жизненнаго значенія трудѣ земледѣльческомъ.

Если признать, что развитіе земледѣльческой культуры, какъ и всякихъ другихъ производствъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ теоретически и практически освѣдомленныхъ въ дѣлѣ проводниковъ ихъ, стоящихъ въ близкомъ соприкосновеніи съ народными массами; если принять, что въ близкой связи съ уровнемъ культуры различныхъ производствъ стоитъ и степень матеріальнаго благосостоянія и довольства народнаго; если признать, что народное благосостояніе и довольство способствуютъ росту умственнаго развитія и образованія народа; если принять, что занятіе каждаго человѣческаго индивидуума какимъ-либо опредѣленнымъ трудомъ, наполняя его время и доставляя ему довольство матеріальное и извѣстную степень удовлетворенности нравственной, застраховываетъ его отъ недовольства своимъ положеніемъ и существующимъ укладомъ общественной жизни, предохраняетъ отъ уклоненія въ сторону ненормальной и не легальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ту трезвость духа, которая проистекаетъ изъ сознанія своей полезности для общества; если допустить, что совмѣщеніе умственнаго и тѣлеснаго труда въ одной и той же человѣческой личности даетъ возможность людямъ совершенно различныхъ специальностей и соціальныхъ положеній понимать другъ друга, оцѣнивать и уважать дѣятельность другъ друга,—помогаетъ сближенію и улучшенію отношеній между

людьми; если признать, затѣмъ, что трудъ земледѣльческій, по значенію своему, не только не уступаетъ другимъ отраслямъ ручного труда, но имѣетъ предъ ними большія и существенныя преимущества,—что добродушіе, евангельская простота и милость сердца, кротость и смиреніе суть преимущественныя черты земледѣльца; если признать, наконецъ, что изъ всего этого образуется сила государства матеріальная и духовная, нравственная,—то сила здраваго разума заставляетъ желать, чтобы эти проводники практическихъ знаній, т. е. теоретически и практически свѣдущіе люди по всѣмъ отраслямъ практическихъ знаній, и въ особенности въ отрасли земледѣльческой—умножались количественно и улучшались качественно и чтобы они служили дѣлу распространенія, развитія и возвышенія этихъ знаній и приложенія ихъ въ жизни.

Такимъ образомъ преимущественное значеніе предъ прочими отраслями физическаго труда принадлежитъ по справедливости труду земледѣльческому, безъ продуктовъ котораго не имѣли бы смысла и даже не могли бы возникнуть многія другія производства. Въ особенности этотъ трудъ имѣетъ такое значеніе въ нашей по преимуществу земледѣльческой странѣ. Подъ общимъ же именемъ земледѣлія или земледѣльческаго труда будемъ разумѣть, какъ основныя его виды, полеводство, лѣсоводство, садоводство, огородничество, а затѣмъ вытекающія изъ нихъ, какъ слѣдствія изъ причинъ,—животноводство съ его подраздѣленіями, пчеловодство, шелководство, винограводство, рыбоводство и проч.—(Словомъ, земледѣліе должно быть разсматриваемо, какъ важнѣйшая, центральная артерія, разносящая жизненную матеріальную силу во всѣ функціи экономическаго организма въ самомъ обширномъ смыслѣ.

Но въ какой мѣрѣ приспособимы наши учебныя заведенія къ водворенію въ нихъ отрасли труда земледѣльческаго? На сколько они представляютъ хорошую почву для насажденія этой отрасли знаній и труда?

На первый вопросъ можно съ сожалѣніемъ отвѣтить, что приспособимость нашихъ учебныхъ заведеній къ насажденію въ нихъ занятій земледѣльческимъ трудомъ, въ ихъ настоящемъ состояніи, въ особенности занятій практическихъ,—малая и даже весьма малая; безъ практическихъ же

занятій невозможно и успѣшное усвоеніе теоріи земледѣльческой науки. Главное дѣло въ томъ, что при многихъ учебныхъ заведеніяхъ нѣтъ достаточныхъ земельныхъ участковъ¹⁾, которые необходимы для веденія примѣрныхъ и опытныхъ земледѣльческихъ работъ, а при иныхъ и вовсе таковыхъ участковъ не имѣется. Это главная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная трудность, которую не легко преодолѣть, особенно въ городахъ, гдѣ нерѣдко каждая смежная сажень занята строеніями и не можетъ быть уступлена.

Трудность эта могла бы быть побѣждена приобрѣтеніемъ земельного участка на сторонѣ, напр., на окраинѣ города, и въ этомъ случаѣ пришлось бы сводить небольшіе счета съ разстояніемъ и потерю нѣкотораго времени на переходы; но подобные переходы для учащихся едва-ли составятъ неудобство. Скорѣе, наоборотъ,—такія экскурсіи ожидаетъ превеликое удовольствіе юношества, всегда готоваго къ движенію, къ разнообразію дѣятельности и свѣжему воздуху.

Впрочемъ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ такими учебными заведеніями и болѣе радикальнымъ путемъ, а именно, мѣною своею тѣснаго мѣста въ центрѣ города на болѣе просторное и соотвѣтствующее цѣли мѣсто на окраинѣ, тѣмъ болѣе, что подобная мѣна ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убыточною для заведенія, не говоря уже о преимуществахъ здороваго воздуха, даже и съ чисто коммерческой точки зрѣнія, такъ какъ, понятно, въ центрѣ можно продать и землю и зданія гораздо дороже, чѣмъ приобрѣсти ихъ на окраинѣ.

Далѣе выступаютъ вопросы, требующіе лишь нѣкоторыхъ компромиссовъ и измѣненій, вызываемыхъ новымъ положеніемъ дѣла, а также—денежныхъ ресурсовъ, каковы, напр., отсутствіе соотвѣтствующихъ хозяйственныхъ обзаведеній для практическаго осуществленія дѣла; вопросъ о раздѣленіи времени между занятіями отвлеченными, или вѣрнѣе, схоластическими, служащими для развитія техники интеллектуальныхъ функцій—и занятіями теоретико-практическими по земледѣлію и другимъ отраслямъ ручного труда, которыя, кстати сказать, утилизируя мускульную работу и доставляя вполне полезную гимнастику, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ

¹⁾ Ср. Ж. „Русская Школа“, Мартъ 1908. ст. Е. Стратопова стр. 67—71.

не мало удобныхъ случаевъ для приложенія къ самому дѣлу многихъ теоретическихъ знаній, напр., физико-математическихъ наукъ. Словомъ, получается счастливое плодотворное соединеніе этой пары факторовъ.—Далѣе выступаетъ въ общемъ малая степень заинтересованности и сочувствія къ этого рода дѣятельности лицъ, руководящихъ воспитаніемъ и обученіемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, отражающаяся слабымъ импульсомъ на всемъ этомъ дѣлѣ вообще. Наконецъ—вопросъ объ уступкахъ со стороны существующаго цикла предметовъ обученія въ пользу теоретико-практическихъ занятій по земледѣлію и другимъ отраслямъ техническихъ знаній.

Всѣ эти вопросы не представляютъ никакихъ существенныхъ затрудненій. Они требуютъ только нѣкоторыхъ измѣненій въ программахъ, въ распредѣленіи количества урочныхъ часовъ между предметами и, пожалуй, въ самыхъ способахъ преподаванія, приспособительно къ данной постановкѣ дѣла; требуютъ нѣсколькихъ специальныхъ руководителей; требуютъ измѣненія во взглядѣ на значеніе того или другаго предмета обученія и—въ отношеніяхъ къ самому воспитанію и обученію сообразно съ условіями совмѣстности упражненій чисто умственныхъ отвлеченными науками,—и умственно—тѣлесныхъ земледѣльческимъ трудомъ и другими техническими производствами. А, можетъ быть, потребуютъ, наконецъ, нѣкоторыхъ жертвъ со стороны установившихся традицій, убѣжденій, привычекъ; въ какія улеглась жизнь учебныхъ заведеній, подобно тому, какъ улеживается камень, долгое время лежащій на одномъ и томъ же мѣстѣ.¹⁾

Безъ сомнѣнія, въ практическомъ осуществленіи дѣла возникнутъ кромѣ этихъ многіе и многіе детальныя вопросы. Но—будутъ вопросы,—будутъ и головы, чтобы рѣшать ихъ. Лишь-бы было побольше сочувствія къ дѣлу, лишь-бы появилась заинтересованность, сознаніе его необходимости и его великаго значенія для образованія людей не съ одной-стороннимъ, а съ полнымъ развитіемъ ихъ природныхъ силъ, какъ умственныхъ, такъ и тѣлесныхъ.

На второй вопросъ: на сколько учебныя заведенія представляютъ хорошую почву для насажденія въ нихъ практи-

¹⁾ Ср. К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи. Н. Маккавейскій. Кіевъ. 1896 стр. 27.

ческихъ знаній, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: добро-качественность и благодарность этой почвы—внѣ сомнѣній. Всякій, кто давалъ себѣ трудъ хотя поверхностно наблюдать жизнь дѣтей, безъ колебаній скажетъ, что большинство ихъ обнаруживаетъ явное и даже иногда яркое стремленіе къ тому или другому роду ручного труда. При этомъ можно констатировать, что, предоставленныя собственному выбору, дѣти распредѣляются по разнымъ специальностямъ ручного труда сообразно индивидуальному влеченію cadaго, но распредѣляются безъ остатка, за исключеніемъ развѣ слабыхъ, у которыхъ жизненная энергія либо ослаблена какимъ-нибудь болѣзненнымъ состояніемъ, либо парализована предшествовавшимъ грубо принудительнымъ режимомъ, который, какъ извѣстно, способенъ внушить отвращеніе даже иногда къ самому любимому занятію. Влеченіе же это знаменательно въ томъ смыслѣ, что оно есть показатель наибольшей природной способности къ тому, или другому роду труда, обусловливаемой умственными и физическими ресурсами cadaго субъекта.

Что же касается той, или другой отрасли труда собственно земледѣльческаго, то дѣти всегда охотно пойдутъ на него безразлично, будетъ-ли это простая вспашка почвы, или собираніе плодовъ, или, наконецъ, какіе нинаестъ научные опыты—и при томъ пойдутъ всѣ, не исключая и слабыхъ. И если всякій физическій трудъ производитъ бодрящее освѣжающее дѣйствіе, то земледѣльческій трудъ производитъ такое же дѣйствіе въ тѣмъ болѣе полной мѣрѣ, что соединенъ съ пребываніемъ и движеніемъ на свѣжемъ воздухѣ, на лонѣ самой природы, которая такъ неотразимо влечетъ къ себѣ все живущее, даже безъ различія возрастовъ, и съ такою силою даетъ всѣмъ чувствовать радость жизни. Лишь-бы было побольше простого, добродушнаго руководительства,¹⁾ по характеру своему напоминающаго животворный семейный бытъ и поменьше сухого, принудительно-карательнаго школизма и убійственнаго, мертвящаго педантства. Впрочемъ, высказанная послѣдняя мысль выражаетъ не отреченіе отъ дисциплины и не игру въ добрыя отношенія.

¹⁾ Яркія иллюстраціи, подтверждающія эту мысль, можно найти въ современной педагогической литературѣ. См., напр., ст. „Проблемски“ въ ж. „Народное Образов.“ Февр. 1908 стр. 97—106.

Это были бы, конечно, фальшивые и никуда негодные въ педагогическомъ отношеніи приемы. Желательно то, если дисциплина (т. е. соотвѣтствующій успѣшному ходу занятій и нормальнымъ понятіямъ о нравственности образъ поведенія учениковъ) необходимо проистекаетъ изъ правильно воспитываемой воли, и именно, изъ добраго руководительства въ разумно чередуемыхъ умственныхъ, тѣлесныхъ и эстетическихъ упражненіяхъ,—безъ насилія, безъ погони за скороспѣлыми и насиліемъ вышибленными успѣхами, безъ жестокости,—вызывающихъ злокачественныя нервныя раздраженія,¹⁾ такъ какъ эти нервныя раздраженія выражаются неизбѣжно въ порчѣ нормальныхъ, естественныхъ отношеній между воспитателями и воспитанниками, въ раздѣляющемъ и отчуждающемъ недоувѣрїи, скрытности, озлобленіи и прочихъ отрицательныхъ педагогическихъ явленіяхъ, которыя суть не что иное, какъ испорченность дурно воспитываемой воли.

Приобрѣтя приспособленность къ земледѣльческому труду, съ одной стороны, и къ разнымъ техническимъ производствамъ, съ другой, учебныя заведенія обезпечать себѣ возможность удовлетворять естественному влеченію воспитанниковъ къ тому, или другому роду разумной мускульной работы въ продолженіе всего учебнаго сезона и, наполнивъ такимъ образомъ ихъ время любимыми полезными и разнообразными занятіями, много выиграютъ въ проистекающемъ отсюда общемъ подъемѣ духовныхъ и физическихъ силъ, въ повышеніи успѣшности, въ улучшеніи нравственной стороны и уменьшеніи ученическихъ проступковъ.

А можетъ быть кто-нибудь скажетъ: пусть все это такъ, пусть всѣ эти соображенія цѣлесообразны для дѣла, но, вопросъ, нужно ли самое это дѣло?—Не похоже ли это на то, если бы, примѣрно, стали рекомендовать и описывать намъ съ деталями и подробностями конструкцію какого-либо аппарата—ну, хоть для ловли и уничтоженія ядовитыхъ скорпіоновъ,—а мы сказали бы: пусть все это, правильно, цѣлесообразно, и аппаратъ по этому проекту можетъ быть хорошей ловушкой; да на что же онъ намъ то: у насъ вовсе нѣтъ скорпіоновъ?

¹⁾ Ср. „Реформа духовной школы“. Ч. 2, стр. 108. СПб. 1907.

Въ томъ то и дѣло, что эти скорпіоны у насъ имѣются въ обильномъ количествѣ, только они сдѣлались настолько обыкновеннымъ явленіемъ, что мы ихъ мало замѣчаемъ, а если замѣчаемъ, то боремся съ ними плохими средствами, при которыхъ они продолжаютъ свое дѣло.

Всевозможныя „дурныя наклонности“ порочныя привычки, всякіе проступки именно и суть тѣ скорпіоны, которые изъязвляютъ душу нашихъ дѣтей, и противъ которыхъ мы въ большинствѣ случаевъ боремся плохо дѣйствующими „мѣрами“ цѣлой системы разныхъ каръ физическихъ и нравственныхъ, положимъ, мѣрами удобными и легкими для примѣненія, но едва-ли изгоняющими зло, едва ли предупреждающими его укорененіе въ жизни дѣтей, а только искусственно запружающими и сдерживающими его открытое проявленіе, и то, до извѣстной лишь степени.

Система же практическихъ занятій ручными производствами и земледѣльческими работами, ¹⁾ вѣрно понятая и хорошо организованная на основѣ естественной и лежащей въ природѣ дѣтей любви къ этимъ занятіямъ, а не на мертвящемъ принужденіи,—эта система могла бы быть вѣрнымъ сторожемъ нравственной цѣлости и здороваго настроенія дѣтской души, ибо она не даетъ ни мѣста, ни времени для проникновенія въ жизнь дѣтей всякихъ растлѣвающихъ началъ,—она сама полностью занимаетъ и это мѣсто и это время.

Приобрѣтеніе же практическихъ знаній и приспособленности къ какой-либо отрасли физическаго труда можетъ имѣть не малое значеніе и для людей, которымъ, какъ было уже замѣчено, по тѣмъ или инымъ причинамъ приходится разставаться съ учебными заведеніями до окончанія курса, т. е. до приобрѣтенія правъ на привилегированную дѣятельность. ²⁾ Изъ такихъ—можно съ вѣроятіемъ предположить—значительная часть предпочтетъ посвятить себя честному физическому труду, обеспечивающему извѣстное благосостояніе и определенное положеніе, нежели причислиться къ пролетаріату и обречь себя на всѣ случайности матеріальной и нравствен-

¹⁾ Ср. Бѣлявскій „Реф. дух. шк. Ч. 2 стр. 109. Спв. 1907 г.

²⁾ Ср. Черемовскій „Старый вопросъ“. Спб. 1908. стр. 63—64.

ной неустойчивости, сопряженные съ званіемъ людей неопредѣленныхъ профессій. И, слѣдовательно, для нихъ было бы не потеряно время, прожитое въ учебныхъ заведеніяхъ. Общество же и государство въ лицѣ ихъ все-таки получило бы сколько-нибудь полезныхъ, и во всякомъ случаѣ безвредныхъ членовъ, вмѣсто тѣхъ озлобленныхъ, безпокойныхъ, безшабашно самомнительныхъ, жестокихъ и преступныхъ субъектовъ, въ какихъ они поневолѣ легко превращаются.

III.

Значеніе совмѣстности интеллектуальнаго и физическаго труда въ школьномъ образованіи для политико-экономической жизни общества и государства.

Теоретическія знанія и практическія умѣнія, насаждаемая въ учебныхъ заведеніяхъ по возможно большому числу ручныхъ и земледѣльческихъ производствъ, кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя оно принесетъ воспитанію и образованію и росту общественнаго и государственнаго благосостоянія,—помогутъ намъ въ рѣшеніи уже давно стоящей предъ нами современно-исторической задачи—борьбы съ чужимъ экономическимъ нашествіемъ, которое страшнѣе и опаснѣе всякаго нашествія военнаго, такъ какъ борьба эта требуетъ большаго, нежели хорошее вооруженіе, численное превосходство, хорошее состояніе воиновъ, умное командованіе и хорошее пониманіе команды. И въ нынѣшнее время, время экономическихъ завоеваній, это нашествіе по своимъ послѣдствіямъ болѣе пагубно, болѣе продолжительно и представляетъ гораздо больше трудностей къ освобожденію отъ него, нежели всякое военное нашествіе.

Въ этой борьбѣ серьезнымъ и, строго говоря, первенствующимъ пособникомъ можетъ быть не иное что, какъ дѣйствительное умѣніе самимъ, такъ сказать, роднымъ членамъ государственной семьи,—которую составляютъ всѣ народности, составляющія Россію, какъ политическое цѣлое—сдѣлать все то, что дѣлаютъ у насъ чужіе пришельцы въ свою пользу, да еще вдобавокъ пришельцы многочисленныя, наступающіе на насъ не только въ видѣ милліоновъ чужезем-

цевъ, прибывающихъ къ намъ въ угрожающей прогрессіи съ единственною цѣлью и организованною приспособленностью къ эксплуатаціи нашего достоянія и отбиванію у насъ работы на нашемъ же полѣ дѣятельности, но и въ видѣ ихъ капиталовъ, имѣющихъ пагубное для насъ и счастливое для нихъ свойство извлекать изъ нашей мускульной силы жизненные соки, не давая взамѣнъ ничего, а напротивъ, оставляя опустошенныя мѣста вездѣ, гдѣ прошла ихъ хищническая чужая дѣятельность;—но также и въ видѣ обработанныхъ ими у себя дома—изъ нашего же сырья—всевозможныхъ товаровъ и продуктовъ. Всѣ эти чужестранныя фабрики, не смотря на искусственныя преграды въ видѣ высокихъ пошлинъ, наводняютъ нашу торговлю и покупаются нами по дорогой цѣнѣ предпочтительнѣе предъ своими отечественными произведеніями по той простой причинѣ, что они во многихъ отношеніяхъ лучше нашихъ.

Но почему же?—Неужели мы не способны сдѣлать такъ же чисто, прочно, удобно, изящно и экономно, какъ и они, наши заграничныя конкуренты?

Нѣтъ, мы не бездарны ¹⁾. Бездарный народъ не можетъ такъ развиться и сдѣлать все то, что сдѣлано нами, сравнительно въ короткій срокъ, во всѣхъ областяхъ общественной жизни. И даже нельзя сказать, что мы не умѣемъ. Но только мало насъ умѣющихъ. Мало умѣющихъ и потому мало предприимчивыхъ, а мало потому, что мало учащихся.

Вотъ потому-то мы и не въ силахъ бороться съ наплывомъ заграничнаго знанія, умѣнія и капитала.

Если же они, наши экономическіе поработители, и способствуютъ повышенію нашей культуры, то они стараются распоряжаться нами, какъ „живой силой“, какъ рутинными *исполнителями* ихъ активной воли, сильной своими практическими знаніями,—исполнителями ихъ сознательныхъ, но вполнѣ своекорыстныхъ, эгоистическихъ замысловъ. И если мы перенимаемъ у нихъ кое-какіе обрывки знаній, то это потому, что ихъ невозможно скрыть отъ насъ во время производства тѣхъ или иныхъ работъ, а не потому, что они желали бы дать

¹⁾ Ср. мнѣніе Ушинскаго въ его ст. „О нравств. элем. въ русскомъ воспитаніи“ стр. 226—227.

ихъ намъ. Но это все-таки обрывки, а не цѣльныя знанія, опирающіяся на теоріи стройной системы. Вѣдь они не забываютъ, что мы для нихъ чужая, вполне обособленная, исключительно для себя живущая и при томъ молодая и даровитая социальная особь¹⁾, и что поэтому всѣ плюсы, какіе они могли бы намъ дать въ области практическихъ знаній, отзовутся для нихъ неизбежно минусами въ области матеріальныхъ выгодъ. Иначе говоря, имъ невыгодно обучать насъ; потому что, научась работать самостоятельно, мы не будемъ нуждаться въ ихъ всевозможныхъ услугахъ, столько же невыгодныхъ для насъ, сколько выгодныхъ для нихъ.

Ясно, что успѣшно бороться противъ чужестраннаго экономическаго нашествія, что отстаивать свои выгоды и права можно не иначе, какъ превосходнымъ, или по крайней мѣрѣ равносильнымъ оружіемъ. Надо противопоставить знанію и умѣнію ихъ, нашихъ экономическихъ непріятелей, наше собственное знаніе и умѣніе, при томъ въ большемъ процентномъ отношеніи къ общему народонаселенію, и именно знаніе и умѣніе въ тѣхъ областяхъ, на которыя, какъ на слабыя наши стороны, они нападаютъ. Необходимо стать на ихъ точку зрѣнія, усвоить себѣ ихъ боевую тактику, т. е. усовершенствоваться въ знаніяхъ и въ приложеніи знаній къ реальному дѣлу по тѣмъ преимущественно производствамъ, которыми они насъ побиваютъ только въ силу своего превосходнаго знанія и умѣнія въ дѣлѣ, и до которыхъ достигнуть у насъ самихъ имѣются всѣ данныя, за исключеніемъ равносильнаго знанія и умѣнія.

Ихъ преимущества предъ нами состоятъ только въ томъ, что они старѣе насъ, что они раньше насъ начали работу своего совершенствованія, раньше насъ вступили на пути экономическаго преуспѣянія, раньше насъ поняли что необходимо и что излишне для этого преуспѣянія и— что въ этомъ именно преуспѣяніи обнаруживается гигантская, подавляющая и порабощающая сила. Они поняли, примѣрно, что имъ необходимо знать нашъ языкъ, какъ для

---

¹⁾ Ср. Линицкій, ст. „О трудолюбіи“. Труды К. Д. Акад. 1905 г. т. 2 стр. 505.

надобностей непосредственнаго сношенія съ нами, такъ и для наблюденія надъ общимъ ходомъ нашего эволюціоннаго, поступательнаго движенія. Они поняли, что для нихъ важно не то, чтобы изучить нашъ языкъ по всѣмъ правиламъ и деталямъ кропотливыхъ грамматикъ, какъ „искусство для искусства“¹⁾—какъ это дѣлаемъ мы въ отношеніи иностранныхъ языковъ—а то, чтобы схватывать смыслъ нашей рѣчи. И они быстро этому выучиваются и нимало не стѣсняются и не смущаются своимъ уродливымъ пользованіемъ нашей рѣчью, какъ устно, такъ и письменно. И съ своей точки зрѣнія они правы. Они поступаютъ сообразно, такъ сказать, въ размѣрѣ необходимаго—съ своими цѣлями и интересами, т. е. экономно. Но, въ противовѣсъ ихъ старшинству, мы имѣемъ возможность воспользоваться многочисленными готовыми опытами, щедро разсыпанными по всему пути исторіи многоразличныхъ развитій и эволюцій человѣчества и, слѣдовательно, можемъ пройти путь нашего совершенствованія съ большимъ сбереженіемъ времени и силъ. Такимъ образомъ главная и не такъ легкая задача наша состоитъ только въ томъ, чтобы изъ всей серіи опытовъ, изъ всѣхъ наслоеній исторіи, изъ всѣхъ изобрѣтенныхъ наукъ и образовательныхъ средствъ выбирать для своего жизненнаго и учебнаго обихода существенно необходимое и отбрасывать излишнее или и вовсе ненужное для нашихъ цѣлей, какъ оборонительно экономическихъ, такъ и для цѣлей умственнаго, нравственнаго и физическаго благосостоянія.

Поэтому понятно, что, какъ въ отношеніи матеріальной пищи, вводимой нами въ желудокъ и долженствующей доставить организму здоровые жизненные матеріалы, мы, слѣдуя благоразумію, руководимся и доброкачествомъ самихъ пищевыхъ элементовъ и строгимъ размѣромъ ихъ количества соотвѣтственно цѣлямъ правильнаго питанія и роста тѣлеснаго,—такъ и тѣмъ болѣе въ отношеніи духовной пищи необходимо примѣнять тотъ же режимъ и строгаго выбора самихъ образовательныхъ предметовъ и не менѣе строгаго опредѣленія ихъ количества, какое необходимо для

¹⁾ Ср. Линицкій, ст. „О трудолюбіи“ Труды К. Д. Акад. Т. 2. 1905 г. 176.

проведеніе въ духовные наши желудки, соотвѣтственно цѣлямъ воспитанія и роста духовнаго. При томъ нельзя забывать, что какъ въ отношеніи пищи матеріальной, также точно и духовной—не только неудобоваримыя или злокачественныя вещества, но и самая полезная пища, проведенная въ желудокъ въ излишнемъ количествѣ, производитъ болѣе или менѣе существенныя и непоправимыя разстройства. Словомъ, и въ томъ и другомъ случаѣ лучше не доѣдать, нежели переѣдать, если невозможно опредѣлить точную мѣру необходимаго.

Такимъ образомъ при выборѣ учебныхъ предметовъ, какъ орудій для образованія человѣка, который бы вышелъ изъ школы въ жизнь не съ засореннымъ желудкомъ ума, воли и сердца, не съ инертнымъ отношеніемъ ко всему и всѣмъ, кромѣ развѣ эгоистическаго стремленія къ матеріальнымъ преимуществамъ и интересамъ тщеславія¹⁾, а съ здоровымъ импульсомъ къ самосовершенствованію, съ чуткимъ сердцемъ и неизвращенною волею,—быть можетъ умѣстно было бы поставить слѣдующіе категорическіе вопросы: Имѣетъ ли данный учебный предметъ (языки) значеніе безусловной необходимости и приложеніе въ какой-либо области жизни—матеріальной, умственной, нравственно-эстетической, религіозной? Не заключаетъ ли въ себѣ матеріаль даннаго предмета обезцѣнивающихъ его отрицательныхъ сторонъ (схоластическое сухое изложеніе содержанія статей съ др. яз. съ языческими понятіями о добродѣтеляхъ?) Приносимые имъ результаты соотвѣтствуютъ ли затратѣ на изученіе его матеріальныхъ средствъ и умственныхъ силъ (усиленное языкоизученіе)? Не заключаются ли однозначительныя образовательныя свойства въ другихъ предметахъ (въ новыхъ языкахъ) и не является ли онъ излишнимъ, а слѣдовательно, противозкономичнымъ повтореніемъ? Не слѣдуетъ ли замѣнить его другимъ, болѣе приложимымъ предметомъ²⁾, напр. древніе яз. замѣнить новыми?

¹⁾ Ср. Линицкій. „О Трудолюбіи“. Труды К. Д. Акад. 1905 г. т. 2, стр. 509—512.

²⁾ Ср. Бѣлявскій „Реформа дух. школы“ ч. 2. СПб. 1907 г. стр. 141—144.

Рѣшительныя и безпристрастныя сужденія по такого рода вопросамъ должны бы рѣшить для даннаго предмета принципиальный вопросъ: „быть или не быть“. Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ открываетъ послѣдовательно вопросъ: въ какомъ объемѣ необходимо изученіе даннаго предмета вообще. Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе детальныя подробностей о постановкѣ предмета, напр., о мѣстѣ его начала, о распредѣленіи его учебнаго матеріала по классамъ, или возрастамъ учащагося юношества, а также объ очищеніи избраннаго предмета отъ тѣхъ несущественныхъ, а то и вовсе излишнихъ вещей, которыми бываетъ уснащена его теорія и практика массы правилъ и примѣровъ, массы задачъ и т. п.

Хотя, можетъ статья, на иной взглядъ нѣсколько и не деликатно такое обращеніе съ ареопагомъ образовательныхъ предметовъ, этихъ оракуловъ и тирановъ челоуѣчества, но оно помогло бы пристроиться къ дѣлу другимъ, не менѣе благодѣтельнымъ агентамъ образованія и воспитанія челоуѣчества, т. е. практическимъ знаніямъ и умѣніямъ по различнымъ отраслямъ физическаго труда, а эти послѣднія, за такое вниманіе къ нимъ, навѣрно не остались бы въ долгу. Не говоря уже о томъ, что въ правомѣрномъ соединеніи и чередованіи съ ними изученіе такъ называемыхъ „гуманныхъ наукъ“ (историческихъ, филологическихъ, философскихъ, юридическихъ), а также теоріи прикладныхъ наукъ (естественныхъ, математическихъ) получили бы необходимое имъ оживленіе и подтвержденіе въ опытѣ и практической работѣ,—они и въ нашей борьбѣ съ заграничными экономическими нашими конкурентами стали бы на нашу сторону.

Эти практическія знанія и умѣнія, культивируемыя въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, будутъ въ состояніи сослужить добрую службу нашей отечественной промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ; ибо всѣми учащимися будетъ пріобрѣтена уже до поступленія въ спеціальныя высшія технологическія и др. школы солидная не только теоретическая, но и практическая подготовка, что, само собой, расчиститъ имъ путь—шагнуть гораздо дальше, смѣлѣе и быстрѣе, нежели какъ безъ такой подготовки и, въ отношеніи всякихъ техническихъ знаній, подойти уже

такъ сказать, вплотную къ чужестранцамъ, совершенно сравнятся съ ними. И если мы сдѣлаемся въ будущемъ, сверхъ земледѣльческой, отчасти и фабричной страной, со всѣми неизбѣжными при этомъ явленіями сосредоточиванія большихъ капиталовъ съ одной стороны и пролетаріатства фабричнаго рабочаго класса съ другой, то выгода все-таки будетъ огромная. Ни трудъ нашъ, ни капиталъ—который ни что иное, какъ тотъ же накопленный трудъ—не будетъ уходить безвозвратно въ чужія руки: они цѣликомъ будутъ циркулировать въ нашихъ рукахъ и будутъ служить какъ-бы множителемъ нашего всесторонняго обогащенія. Не будемъ говорить уже о томъ, что быть можетъ въ перспективѣ представляется для насъ возможность имѣть успѣхъ и вѣскій голосъ на внѣшнихъ рынкахъ. Вѣдь мы будемъ имѣть тогда всѣ шансы на громадныя преимущества предъ всѣми, кто не имѣетъ ни такой огромной территоріи, ни такой массы естественныхъ богатствъ. Широкое же распространеніе взаимно кредитныхъ и страховыхъ учрежденій поведетъ къ тому, что сдѣлается невозможнымъ разореніе предпріятій и хозяйствъ отъ самыхъ мелкихъ частныхъ, до самыхъ крупныхъ кооперативныхъ. Отсюда послѣдовательно будетъ вытекать возможность удовлетворительной заработной платы и вообще лучшей постановки условій фабричной жизни. И за всѣмъ этимъ, такъ какъ страна наша все-таки навсегда останется по преимуществу страной земледѣльскою, то отрицательныя явленія фабричной жизни, а также, кстати сказать, тѣ наносныя явленія,—искусственно вызванныя насиліемъ, недомыслиемъ и подражаніемъ,—которыя мы переживаемъ въ настоящее время подъ именемъ такъ наз. крайняго „освободительнаго движенія“,—если бы они не могли быть вполне устранены справедливымъ, а потому разумнымъ режимомъ,—эти явленія неизмѣримо далеко не могли бы быть такъ чувствительны, какъ чувствительны они въ странахъ по преимуществу фабричныхъ. Тогда и протекціонная фабрично-торговая политика наша не могла бы такъ тяжело отзываться на хозяйствѣ земельномъ и вообще на покупающемъ элементѣ, такъ какъ, хотя конкуренція товаровъ была бы меньше, зато свои отечественныя фабричныя произведенія не будутъ въ качествѣ отличаться отъ заграничныхъ и мы будемъ поку-

пать ихъ охотно, не переплачивая, какъ теперь, лишнихъ денегъ за дорогія заграничныя. Фритредерская же политика могла бы тогда имѣть только, въ потребныхъ случаяхъ, полезное значеніе хлыста для отечественной фабрично-заводской промышленности; хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и эта политика не могла бы имѣть такого угнетающаго и вреднаго дѣйствія на эту промышленность, какъ теперь, когда эта промышленность сравнительно еще весьма слаба сама по себѣ,—не имѣетъ такой степени упругости и силы, чтобы выдерживать большіе натиски заграничной сильной промышленности.

Вотъ почему, въ предвѣдѣніи въ будущемъ возможности осуществленія такихъ счастливыхъ условій для самихъ насъ—хозяевъ своей родины, говоря искренно, едва-ли желательно, едва-ли не легкомысленно и даже едва-ли не преступно противъ нашего будущаго, въ погонѣ за ничтожной поживой текущей минуты допускать чужіе капиталы и знанія алчно вѣдаться въ наше территоріальное и народное тѣло,—которыя бы, пользуясь нашимъ попустительствомъ, подъ шумокъ сантиментальныхъ разговоровъ о нашей яко-бы гуманности, терпимости, о нашей просвѣщенной готовности открывать гостепрѣмно двери знаніямъ и капиталамъ и вообще о нашей „европейности“—забирались въ тайники нашихъ сокровищницъ и хищно эксплоатировали наши богатства, которыя, наоборотъ, должны бы, охраняемые нами, ожидать того времени, когда мы сами будемъ имѣть въ нихъ дѣйствительную надобность и будемъ въ состояніи ихъ разрабатывать.

Вѣдь мы не желаемъ жить по девизу: „послѣ насъ хоть трава не расти“? и сознаемъ, что это было бы равносильно подписанію своего позорнаго приговора предъ судомъ грядущихъ поколѣній? Наоборотъ, мы желаемъ, мы обязаны желать, по непреложному міровому закону, чтобы и послѣ того, какъ мы лично сойдемъ съ арены здѣшней жизни и дѣятельности, бытіе наше не переставало продолжаться въ дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ поколѣніяхъ, чтобы оно было надежно обезпечено во всѣхъ лучшихъ отношеніяхъ, и чтобы эти продолжатели нашего бытія, эти „мы сами“ въ грядущихъ временахъ—не имѣли причинъ стыдиться за своихъ предковъ и проклипать ихъ легкомысленныя дѣянія.

Если бы цѣлесообразность совмѣщенія умственного труда съ физическимъ и благотѣльное вліяніе этого совмѣщенія на образованіе нравственной человѣческой личности и на экономическое благосостояніе—нуждались, кромѣ доказательствъ своей очевидности и здраваго смысла, еще въ какихъ-либо авторитетныхъ и, такъ сказать, осязательныхъ доказательствахъ, — можно было бы обратиться къ уму и опыту какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ личностей. Достаточно было-бы вспомнить успѣхъ умственного и экономического роста тѣхъ именно государствъ и народовъ Старога и Новаго Свѣта, которые усвоили и осуществили на самомъ дѣлѣ идею этого совмѣщенія, каковы—Англія, Германія, Франція, Бельгія, Финляндія, С. А. Соединенные Штаты, Японія и другіе, въ которыхъ сферы умственного (привилегированные классы) и физическаго труда (простонародье) не были такъ рѣзко разъединены.

Взять на выдержку хоть Финляндію. Что была она, не болѣе даже, какъ лѣтъ 50—60 тому назадъ?—Бѣдная страна, съ бѣдною природою, съ неудобными и неблагоприятными условіями почвы и ея обработки, съ плохимъ состояніемъ добывающей и обрабатывающей промышленности. А что она теперь—эта самая Финляндія?—Цвѣтущая страна съ превосходной земледѣльческой культурою, съ высокою промышленностью и торговлею, съ прекрасными образовательными средствами, съ развивающеюся литературою. И если сказать, что въ этой странѣ остались только тѣ же условія географическаго положенія, все же прочее,—даже условія климата, подъ вліяніемъ искусственныхъ пертурбацій почвы (осушеніе болотъ, древонасажденіе)—преобразилось, какъ по мановенію волшебнаго жезла, то едва-ли это будетъ большимъ преувеличеніемъ.

Какой же добрый геній взмахнулъ магическимъ жезломъ по направленію этой страны и принесъ ей счастье?—Этимъ добрымъ геніемъ было именно то, что страна эта обошла долгій путь странствованій въ сферахъ односторонняго отвлеченно-классическаго образованія. Какъ только ей стало житься подъ орлинымъ крыломъ Русскаго государства привольно и безопасно,—она счастливо усвоила идею совмѣщенія умственного и физическаго труда и стала на вѣрный

путь нераздѣльнаго умственнаго и физическаго развитія своихъ силъ. И на этой благодарной основѣ появились у нея общеобразовательныя школы съ земельными участками для учебныхъ цѣлей и приспособленіями для всякихъ техническихъ производствъ; чуть ли не въ каждой деревушкѣ, не говоря уже о болѣе значительныхъ центрахъ, появились такія учрежденія, какъ общественныя библіотеки, читальни, физическіе кабинеты, лабораторіи, метеорологическія, опытно-земледѣльческія, статистическія станціи; появились такіе дѣятели, которые, выйдя изъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній не только высшихъ, но среднихъ и народныхъ, не оказываются профанами въ области всевозможныхъ практическихъ знаній.

Можно, однако, возразить, что Финляндія находилась въ исключительно счастливыхъ условіяхъ въ періодъ своего развитія; что фундаментомъ этихъ счастливыхъ условій было не иное что, какъ то же самое покровительство Россіи; доставлявшее ей внѣшнюю безопасность и внутреннее спокойствіе, а слѣдовательно—возможность направлять всѣ свои силы на внутреннюю работу умственнаго образованія и экономическаго благоустройства.

Но другія народности уже за свой собственный страхъ и счетъ подвинули свой ростъ, также благодаря усвоенію и осуществленію той же идеи совмѣщенія умственнаго и физическаго труда, какъ элементовъ образованія и воспитанія.

Наоборотъ, тѣ народности, которыя не усвоили и не осуществили эту животворную идею, каковы, напр., испанцы, турки, китайцы и нѣкоторые другіе народы Стараго и Новаго Свѣта, не смотря на все богатство естественныхъ даровъ, которыми осыпаны ихъ территоріи, влачатъ, какъ говорится, жалкое существованіе,—всюду терпятъ пораженія, всѣмъ принуждены уступать, и если что имѣютъ, и то мало-помалу отнимается у нихъ. И этимъ они больше всего обязаны тому, что, благодаря ложнымъ традиціямъ, ихъ привилегированные классы гнушаются физическаго труда, считая его ниже человѣческаго достоинства и въ трудовую народную среду не вносятъ животворныхъ научныхъ знаній.

Можно было бы привести не мало и отдѣльныхъ авторитетныхъ личностей—проповѣдниковъ и осуществителей

идеи совмѣщенія умственного и физическаго труда, каковы философы, моралисты, педагоги, публицисты, поэты и прочіе мыслители¹⁾,—но это было-бы, можетъ быть, излишнимъ, какъ повтореніе общеизвѣстнаго. Однако нельзя не упомянуть имена менѣе извѣстныхъ публикѣ, но великихъ авторитетовъ родной намъ христіанской морали—этихъ исполиновъ безкорыстнаго и самоотверженнаго подвига нравственнаго совершенствованія, каковы Антоній Великій, Василій Вел., Пахомій Вел.—основатель древнѣйшаго общежитія, Θεодоръ Студитъ, Кассіанъ, Венедиктъ, Дорофей и мн. другіе, оставившіе намъ свои кодексы высокаго нравственнаго совершенствованія, приведенные ими въ стройныя системы „уставовъ“, а также заключающіеся въ цѣломъ рядѣ ихъ бесѣдъ—простыхъ, ясныхъ и глубокопоучительныхъ²⁾.

Всѣ они признають физическій трудъ необходимымъ условіемъ не только удовлетворенія личныхъ потребностей cadaго—это уже, можно сказать, самое меньшее нравственное требованіе, за чертою котораго исчезаетъ самое понятіе о какой либо степени нравственнаго совершенства—но они признають его необходимымъ факторомъ въ самомъ процессѣ нравственнаго совершенствованія, которое полагають безъ него немислимымъ, какъ немислимо безъ него проявленіе истиннаго христіанскаго альтруизма, проповѣданнаго всеобъемлющею Божественною Любовью-Мудростью величайшаго Учителя Христа. Всѣ они, эти сильные духомъ люди, въ собственной личности представляютъ образцы совмѣщенія физическаго труда съ дѣятельностью умственного и нравственнаго совершенствованія. Понятно при этомъ и естественно, что трудъ земледѣльческій, въ ряду другихъ, въ глазахъ ихъ удерживаетъ принадлежащее ему первенствующее значеніе.

¹⁾ Ср. „Школа Томаса Давидсона въ Нью-Йоркѣ“, журн. „Вѣстн. Воспит.“ мартъ 1908 г. стр. 120—131; „Народный Университетъ имени Рѣскина (Ruskin Hall) въ Оксфордѣ. Докл. Н. Мировича. Тамъ же. *Eduard Schulze* „Воспитаніе и работа“. Тамъ же. *Проф. П. И. Луницкій*, ст. „О трудолюбіи“. Труды Кіев. дух. Акад. 1905, т. 2, стр. 175. *Ушинскій*, Сборн. педагогич. соч. стр. 150—176.

²⁾ Уст. Пахомія Вел., гл. о трудѣ; Василя Вел., гл. X. §§ 169—175; Θεодора Студита 29—51; Кассіана гл. 14; Венедикта гл. 48; Дорофея, Слово о трудѣ.

Вѣнцомъ же и Законоположникомъ совмѣщенія физическаго труда съ дѣятельностью умственной и нравственною послужилъ въ Своей Божественной Личности Самъ Спаситель Иисусъ Христосъ, передавшій Свои Божескіе завѣты человечеству черезъ непосредственныхъ Своихъ учениковъ, которые увѣковѣчили эти завѣты какъ въ самомъ Евангеліи, такъ и въ своихъ наставленіяхъ различнымъ, ими основаннымъ, христіанскимъ общинамъ и въ своей личной жизни¹⁾.

И. С. Гдѣшинскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Матѳ. гл. 26 ст. 34—40; гл. 11 ст. 28; Ефѳес. гл. 4 ст. 28; 2 Сол. гл. 3 ст. 8—12; Іоанна гл. 3 ст. 19—21; Матѳ. 29 ст. 39—40; Прит. гл. 31 ст. 16—28 и гл. 6 ст. 6 и сл. и мн. др.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

30 Сентября

№ 18

1913 года.

Содержаніе. I. Приемъ у Архіепископа Арсенія.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Приемъ у Архіепископа Арсенія

Высокопреосвященный Арсеній Архіепископъ Харьковскій принимаетъ должностныхъ лицъ духовнаго вѣдомства и просителей по **Вторникамъ** и **Четвергамъ** съ десяти часовъ утра до часу дня, первыхъ въ 10 ч., а послѣднихъ въ 11.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

а) **Объ опредѣленіи на священно-церковно служительскія мѣста.**

1) Окончившій курсъ Рижской Духовной Семинаріи *Василій Соколовъ* 6 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви с. Васильевска, Купянскаго уѣзда.

2) Псаломщикъ церкви сл. Рубцовой, Изюмскаго уѣзда, *Димитрій Чернявскій*, 20 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто къ Покровской церкви сл. Ново-Млинска, Купянскаго уѣзда.

3) Окончившій курсъ Харьковской духовной семинаріи *Валентинъ Татариновъ* 20 сентября опредѣленъ на священническое мѣсто къ Покровской церкви сл. Радьковки, Купянскаго уѣзда.

4) Учитель церковно-приходской школы *Никита Ильченко* 13 сентября опредѣленъ на діаконское мѣсто къ Георгіевской церкви с. Павленкова, Лебединскаго уѣзда.

5) Бывшій псаломщикъ *Иванъ Твердохлбовъ* 15 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ Варваринской церкви сл. Шиповатой, Волчанскаго уѣзда.

6) Сынъ псаломщика *Василій Туранскій* 16 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Шаровой, Староб. у.

7) Крестьянинъ *Романъ Чоста* 15 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви сл. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.

б) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священники церквей: Рождество-Богородичной с. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Гревизирскій* и Николаевской с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Казинъ*, по прошенію, 17 сентября перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

2) Діаконъ церкви с. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, *Александръ Ерошевъ*, по прошенію, 9 сентября перемѣщенъ на діаконское мѣсто къ Преображенской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.

3) Діаконы церквей: с. Бараниковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Курячій* и с. Верхней-Покровки, того же уѣзда, *Іоаннъ Жуховъ*, по прошенію, 7 сентября перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

4) Псаломщикъ церкви сл. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда, *Іаковъ Сорока*, по прошенію, 15 сентября перемѣщенъ къ церкви сл. Шилевки, Сумскаго уѣзда.

5) Псаломщикъ церкви сл. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда, *Симеонъ Чулковъ* 16 сентября, по прошенію, перемѣщенъ къ церкви с. Бѣлолуцка, того же уѣзда.

6) Псаломщики церквей: Васильевской с. Зарожной, Зміевскаго уѣзда, *Іоаннъ Мухинъ* и Рождество-Богородичной с. Губаровки, Богодуховскаго уѣзда, *Іоаннъ Поповъ*, 14 сентября, по прошенію, взаимно перемѣщены.

7) Псаломщики церквей: с. Калмыковки, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Титовъ* и с. Климовки, того же уѣзда, *Алексій Слюсаревъ* 17 сентября, по прошенію, взаимно перемѣщены.

в) Объ увольненіи за штатъ.

1) Священникъ Покровской церкви с. Ново-Млинска, Купянскаго уѣзда, *Іоаннъ Колосовскій*, 9 сентября, по прошенію, уволенъ за штатъ.

2) Діаконъ Георгіевской церкви с. Павленкова, Лебединскаго уѣзда, *Александръ Хорошковъ* 13 сентября, по прошенію, уволенъ за штатъ.

3) Псаломщикъ Варваринской церкви сл. Шиповатой, Волчанскаго уѣзда, *Василій Твердохлбовъ* 15 сентября, по прошенію, уволенъ за штатъ.

г) **О смерти духовенства.**

Священникъ Покровской церкви сл. Радьковки, Купянскаго у., *Александръ Ковалевъ*, 7 сентября умеръ.

д) **Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.**

1) Къ Успенской церкви с. Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда, старостою 15 сентября утвержденъ крестьянинъ *Романъ Павлюкъ*.

2) Къ церкви сл. Польной, Волчанскаго у., старостою 13 сентября утвержденъ крестьянинъ *Петръ Сокирка*.

3) Къ церкви сл. Лиговки, Зміевского уѣзда, старостою 15 сентября утвержденъ крестьянинъ *Иванъ Шапченко*.

4) Къ церкви с. Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда, 15 сентября утвержденъ старостою крестьянинъ *Моисей Чумаченко*.

5) Къ церкви сл. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, 13 сентября утвержденъ старостою крестьянинъ *Владиміръ Молчанъ*.

6) Къ церкви сл. Тецкаго, Старобѣльскаго уѣзда, старостою 13 сентября утвержденъ крестьянинъ *Исидоръ Онищенко*.

е) **Объ утвержденіи въ должности законоучителей.**

1) Діаконъ церкви с. Кочетка, Зміевского уѣзда, *Іоаннъ Чернецкій* 21 августа утвержденъ въ должности законоучителя Кочетовскаго начальнаго училища.

2) Священникъ церкви сл. Ново-Осиновой, Купянскаго уѣзда, *Георгій Волобуевъ* 21 августа утвержденъ въ должности законоучителя Ново-Осиновскаго и Глушковскаго народныхъ училищъ.

3) Священникъ Рождество-Богородичной церкви г. Бѣлополя *Павель Лысенко* 27 августа утвержденъ въ должности законоучителя 3-го Бѣлопольскаго начальнаго училища.

4) Священникъ церкви с. Основы, Харьковскаго уѣзда, *Николай Григоревичъ* 29 августа утвержденъ въ должности законоучителя Основянскаго двухкласнаго училища.

ж) **Вакантныя мѣста.**1) *Діаконскія:*

При Рождество-Богородичной церкви сл. Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

2) *Псаломщицкія:*

При Іоанно-Милостивіевской церкви сл. Рубцовой, Изюмскаго у.
» Іоанно-Предтеченской церкви с. Высочина, Староб у.

II.

Содержаніе. II. Слово на день Рождества Пресвятыя Богородицы. *Свящ. Николая Загоровскаго.*—„Сектанты и церковная политика. *Архимандрита Арсенія.*—Планы для миссіонерскихъ бесѣдъ. (Продолж.). *Мис.-Свящ. Ѳ. Сулимы.*—**Епархіальная хроника.**—Архіерейское Богослуженіе.—Рѣчь при встрѣчѣ въ Пророко-Ильинской церкви слободы Ульяновки, Сумскаго уѣзда, Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Теодора, Епископа Сумскаго.—Юные паломники.—**Иноепархіальный отдѣлъ.**—Законоучительское Братство въ Полтавѣ.—Изъ журналовъ Нижегородскаго Епархіальнаго Съѣзда.—Православная миссія въ Камчаткѣ.—Общество изученія древней церковной живописи.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Наука трезвости въ русской школѣ.—Христіанство и нравственность.—Уроки по исторіи.—Объявленія.

С Л О В О

на день Рождества Пресвятыя Богородицы.

Такъ говоритъ Господь: голосъ слышенъ въ Рамъ, вопль и горькое рыданіе; Равиль плачетъ о дѣтяхъ своихъ и не хочетъ утѣшаться о дѣтяхъ своихъ, ибо ихъ нѣтъ“.
Іерем. 31,—15.

Возлюбленные о Христѣ братіе и сестры!

Нынѣ св. Матерь—Церковь приглашаетъ насъ молитвенно праздновать преславное Рождество Божіей матери. „*Величай, душе моя, преславное Рождество Божіей Матери,*“—духовно торжествуя, воспѣваетъ св. Церковь... Поистинѣ, Рождество Преподобной Дѣвы Маріи является для насъ *преславнымъ и предивнымъ* по тому священному избранію, которымъ Самъ Богъ почтилъ смиренную Дѣву, ибо рожденіе Ея было плодомъ долгихъ и всеусердныхъ молитвъ Ея благочестивыхъ и престарѣлыхъ родителей предъ Богомъ... Особенно горячо молилась праведная Анна... Въ священномъ преданіи о Рождествѣ Пресвятой Дѣвы Маріи сохранилось весьма трогательное повѣствованіе о томъ, какъ благочестивая и богобоязненная старица Анна, снѣдаемая сердечною грустью о своемъ безчадствѣ, возносила свои горячія молитвы къ Богу о томъ, чтобы Богъ даровалъ ей дитя... Однажды праведная Анна печальная пошла въ свой садъ, сѣла подъ лавровымъ деревомъ, вздохнула изъ глубины сердца и возведя свои глаза полные слезъ къ небу, увидала на деревѣ птичье гнѣздышко съ маленькими птенцами... Зрѣлище

сіе причинило ей еще большую скорбь, и она съ плачемъ начала взывать: „Горе мнѣ бездѣтной! должно быть я самая грѣшная среди всѣхъ дочерей Израилевыхъ, что одна предъ всѣми женами такъ унижена... Кому уподоблюсь я .?. ни птицамъ небеснымъ, ни звѣрямъ земнымъ: ибо и тѣ приносятъ Тебѣ, Господи Боже, плодъ свой, я же одна неплодна... Увы мнѣ, Господи, Господи!.. Ты, Который даровалъ нѣкогда Саррѣ въ глубокой старости сына Исаака, Ты, Который отверзъ утробу Анны, матери Твоего пророка Самуила, призри нынѣ на меня и услыши молитвы мои... ты знаешь поношеніе бездѣтства: прекрати печаль сердца моего и отверзи утробу мою, дабы рожденное мною мы принесли Тебѣ въ даръ, прославляя Твое милосердіе“!..

Когда Анна съ плачемъ и рыданіемъ такъ восклицала, явился къ ней Ангелъ Господень и сказалъ: „Анна, Анна! услышана твоя молитва, воздыханія твои прошли сквозь облака, слезы твои явились предъ Богомъ и ты зачнешь и родишь дочь Преблагословенную; чрезъ Нее получатъ благословеніе всѣ племена земныя и будетъ даровано всему міру спасеніе; имя ей будетъ Марія“... Тогда праведная Анна въ неизреченной радости поклонилась Богу и дала священный обѣтъ посвятить свое дитя на служеніе Богу... Видите-ли вы, дорогіе о Христѣ братья, какъ неотступная и усердная молитва богобоязненной матери прошла небеса и преклонила Божіе милосердіе?.. Да и одинъ-ли только этотъ примѣръ мы имѣемъ какъ назиданіе того, что „много можетъ“ усердная молитва отца, матери за свое дитя?.. Откройте священные страницы Библии и предъ вашимъ духовнымъ взоромъ въ живыхъ образахъ возстанутъ многіе дивныя и глубокоазидательныя примѣры безграничной, какъ ширь поднебесная, материнской любви и горячей по вѣрѣ молитвы ихъ предъ Господомъ за своихъ дѣтей... Вотъ, на примѣръ, ветхозавѣтная Агарь... Изгнанная изъ шатровъ Авраама, держа за руку сына своего Измаила, она углубляется въ пустыню... Надъ головою горячее солнце; песокъ жжетъ ноги; терзаемый жаждою ребенокъ стонетъ и сейчасъ на глазахъ ея умереть... Она на минуту останавливается и съ тревогой ищетъ вокругъ глазами помощи... Нигдѣ нѣтъ и капли—слезинки той воды, за которую она заплатила бы цѣною своей жизни, лишь бы спасти ребенка... Тогда кладетъ

она сына своего подъ пальму и убѣгаетъ, чтобы не видѣть зрѣлища его мучительной смерти... И когда стоны умирающаго отъ жажды сына стали становиться все тише и тише, тогда, обезумѣвъ отъ горя и упавъ на колѣни, со слезами огласила она безлюдную пустыню своимъ материнскимъ молитвеннымъ воплемъ къ Богу... Въ самое сердце Божіе вознесла она свой материнскій молитвенный вопль... Богъ услышалъ ея молитву... И вотъ источникъ холодной воды зажурчалъ у ея ногъ и сынъ ея спасенъ... Возьмите Новый Завѣтъ, и вы увидите, что ни одна просьба вѣрующаго отца, ни одинъ крикъ любящей и вѣрующей матери не оставался неслышаннымъ милосерднымъ сердцемъ Христа Спасителя... Вотъ приходитъ ко Христу несчастный, убитый горемъ отецъ и вопіетъ за пораженнаго смертельной болѣзью сына своего: „Господи! помилуй сына моего“!..—Иди, сынъ твой здоровъ,“—отвѣчаетъ ему Благой и Милосердный Христосъ... Вотъ Іаиръ и жена его бросаются съ мольбой къ ногамъ Христа Спасителя, потерявъ единственную дочь свою... И растроганный Христосъ идетъ въ ихъ домъ и, взявъ дѣвицу за руку, повелѣлъ мертвой воскреснуть къ радости ея родителей... Вотъ потрясающая исторія воскрешенія сына вдовы Наинской... Правда, она уже не пришла ко Христу, она не видала Его... Погруженная въ свою скорбь, плача и рыдая, она идетъ за гробомъ своего единственнаго сына... Но Христосъ Спаситель Самъ видитъ ее и знаетъ душу ея и ея сердце... Онъ Самъ подходитъ къ ней, останавливаетъ носилки... „Не плачь“!,—говоритъ Онъ ей утѣшая и возвращаетъ ей сына... Не такъ скоро исполнилъ Онъ просьбу жены хананейской... Онъ принялъ на Себя видъ равнодушія... Но сдѣлалъ это для того, чтобы исторгнуть изъ ея груди вопль глубочайшей вѣры, вопль, завѣщанный въ назиданіе всѣмъ вѣкамъ, и тогда сказалъ ей: „О женщина! велика твоя вѣра, пусть будетъ тебѣ какъ ты хочешь“!.. Христіанскія матери! вы видите, вы чувствуете вашимъ сердцемъ, что умножая чудеса сіи Христосъ желаетъ убѣдить насъ въ той истинѣ, что какія бы бури и невзгоды жизни ни обстояли вашихъ дѣтей, никогда не должно отчаяваться, а всегда неотступно, горячо со слезами молить Его неизреченное милосердіе, и къ Нему, подъ Его спасительный покровъ, подъ Его благословляющую десницу приводить своихъ дѣтей цѣною горя-

чихъ молитвъ и сердечныхъ страданій... Молитесь же, молитесь о дѣтяхъ вашихъ, какъ добрыхъ, такъ и тѣмъ болѣе порочныхъ, испорченныхъ... О добрыхъ молитесь, чтобы Господь укрѣпилъ ихъ на добромъ пути жизни, а о порочныхъ со слезами взывайте ко Господу, чтобы сохранилъ ихъ отъ зла и отъ вѣчной гибели и направилъ на путь добра, свѣта и Божьей жизни... Господь иногда не вдругъ исполняетъ наши прошенія, какъ и жены хананейской, но молитва неослабная, неотступная никогда не останется безплодною... Быть можетъ, не скоро, на самомъ концѣ жизни вашего дѣтища послѣдуетъ исполненіе вашей молитвы, но только вѣруйте, что непременно за ваши молитвы спасетъ и помилуетъ вашихъ дѣтей Господь... У одной несчастной матери былъ несчастный сынъ... И былъ этотъ сынъ своенравный, непослушный, вѣтренный... Мать плакала и молилась, молилась и не отчаявалась, а сынъ все оставался такимъ... Приходитъ однажды эта мать къ епископу, рассказываетъ ему свое материнское горе, проситъ слова утѣшенія и наставленія... „Да молишься ли ты о немъ“?..—спрашиваетъ ее епископъ.—„Молюсь“,—говорила она,—„и день и ночь молюсь горячо, со слезами“...—„Не можетъ быть, чтобы погибъ сынъ такихъ молитвъ своей матери,“—сказалъ епископъ. И дѣйствительно... сынъ ея вдругъ исправился, сдѣлался примѣрнымъ христіаниномъ; даже образцовымъ учителемъ Церкви и умеръ въ праведности... Эта мать—молитвенница предъ Богомъ была праведная Моника, а сынъ ея—блаженный Августинъ, извѣстный Учитель Церкви... „Благодарю тебя, любезнѣйшая мать!,—писалъ онъ впослѣдствіи.—„Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ. Когда замѣчалъ я твой взоръ, твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твою благословляющую руку, твою тихую постоянную молитву; тогда съ самыхъ раннихъ лѣтъ возрождалась во мнѣ жизнь духа—чувство благочестія, и этого чувства не могли послѣ истребить никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, даже никакіе грѣхи“!.. О сколько и наше время требуетъ такого особаго напряженія материнскихъ заботъ и любви и материнскихъ молитвъ по отношенію къ дѣтямъ... Мы всѣ видимъ какъ зло разнуздалось, какъ похоть растеклась по міру всеувлекающимъ потокомъ,

и отовсюду грозить нашимъ дѣтямъ опасность потери вѣры, совѣсти, правды, чистоты души...

Несчастливыя матери—христіанки нашихъ дней, кажется, осуждены на то, чтобы видѣть какъ дѣти съ легкимъ сердцемъ измѣняютъ Богу отцовъ своихъ; какъ въ безумной погонѣ за наслажденіями жизни гибнуть, не проявившись, великія, молодыя, свѣтлыя силы; какъ задыхаясь въ нравственныхъ паденіяхъ, изживъ душу, потерявъ свѣтъ вѣры, изгибая отъ глада духовнаго, не „приходятъ въ себя“ какъ раскаявшійся „блудный сынъ“, а нерѣдко преждевременно самоубійствомъ поканчиваютъ всѣ счеты съ жизнью...

О, бездонная материнская скорбь!.. О, бѣдныя вы матери—христіанки!.. Вы страдали за вашихъ дѣтей, „въ болѣзняхъ раждая“ ихъ на свѣтъ Божій; вы и тогда, когда уже они въ возрастъ пришли, нерѣдко пьете горькую чашу душевныхъ страданій за участь погибающихъ вашихъ дѣтей... Но, не падайте духомъ, не отчаявайтесь!.. пусть будутъ случаи, что ваши дѣти погибли для земли; пусть они умерли или, живя, ведутъ себя такъ, что вамъ лучше хотѣлось бы видѣть ихъ мертвыми... Не все потеряно... Есть еще небо, вѣчность; есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Спаситель премилостивый... Восплачьте предъ Нимъ за дѣтей вашихъ въ молитвѣ горячей, вѣрующимъ и любящимъ сердцемъ возопійте къ Нему, какъ праведная Анна, какъ Агарь въ пустынѣ, какъ убитая горемъ вдовица Наинская, какъ неотступно слѣдующая за Христомъ и вопіющая къ Нему жена хапанейская, какъ праведная Моника... Вѣрою вашею къ Богу воспылайте... Духомъ подымитесь въ молитвѣ вашей туда, къ неприступному престолу Божію... Для матери съ ея любящимъ и добрымъ сердцемъ всюду и вездѣ доступъ... Тамъ свѣтлыя сонмы ангельскіе, стоящіе стражей у превышняго и огнезрачнаго престола Божія—и они дрогнутъ, и они не посмѣютъ задержать мать, идущую съ молитвеннымъ воплемъ говорить съ Премилосерднымъ Богомъ о своемъ ребенкѣ... Помните, что у этого же престола Сына Божія предстоитъ и Та Пресвятая Дѣва, рождество Коей мы нынѣ празднуемъ, и Которая сама была матерью Христа Бога нашего, держащага въ рукахъ Своихъ судьбу вашихъ дѣтей, и Сама пережила безмѣрно сильнѣйшую, чѣмъ ваша, скорбь материнства... Она,—лишь только возгорается въ вашемъ сердцѣ святое на-

мѣреиіе молиться за дѣтей, какъ уже видитъ всю вашу душу и всякую въ ней рану, и сочувствуетъ вамъ, и прежде чѣмъ вы вспомнили о Ней, уже предстательствуетъ и ходатайствуетъ о васъ... Молитесь же Богу за дѣтей вашихъ, просите Матерь Божию Заступницу, просите вашей, всеильной материнской молитвой... Вотъ Рахиль горько плакала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться, ибо ихъ нѣтъ... И сказалъ ей Господь: *удержи голосъ твой отъ рыданія и глаза твои отъ слезъ, ибо есть награда за трудъ твой и возвратятся сыновья твои въ предѣлы свои*!.. (Іерем. 31, 15—16). Такъ утѣшить и васъ Господь спасеніемъ вашихъ дѣтей и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто, никогда не отниметъ отъ васъ!..

Свящ. Николай Загоровскій.

„Сектанты и церковная политика“.

Подъ такимъ заглавіемъ была помѣщена передовая статья въ газетѣ „Южный Край“ отъ 24-го іюля с. г. Въ той же газетѣ отъ 30-го іюля была помѣщена замѣтка „Изъ миссіонерскихъ секретовъ“ и отъ 31-го іюля „Подъ закрытымъ забраломъ“. Другая харьковская газета „Утро“ въ тотъ же періодъ времени (отъ 28-го іюля с. г.) помѣстила замѣтку „Штундо-баптизмъ въ Сумскомъ уѣздѣ“.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ статьяхъ и замѣткахъ красною нитью проводится мысль, что православіе у насъ на Руси прививается якобы и укрѣпляется силою, что наше правительство и церковь не усвоили „такой простой азбуки, о которой даже неловко говорить и которая гласитъ: никто не въ состояніи доказать истинности своего символа вѣры съ помощью физическаго насилія надъ противникомъ, съ помощью зажиманія рта инако мыслящему“ (Южн. Край № 11534). Дѣятели нашей православной миссіи, по тѣмъ же замѣткамъ, никакъ, якобы, не могутъ обойтись безъ содѣйствія полицейской власти въ борьбѣ съ сектантствомъ: „миссіонеръ и полицейскій протоколъ, батюшка и—любезное отношеніе, адресуемое къ исправнику,—вотъ мѣры, которыми создается и укрѣпляется въ людяхъ вѣра и религія“.

Послѣднимъ поводомъ къ такимъ замѣткамъ, какъ упоминается въ газетахъ, послужило распоряженіе правительства о запрещеніи въ магазинахъ продавать пластинки для граммофоновъ съ рѣчами сектантскихъ проповѣдниковъ и участвовавшая борьба съ сектой баптизма, о которой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ поднятъ вопросъ, чтобы баптизмъ признать „особенно вредной сектой“.

Итакъ, статьи и замѣтки направлены къ осужденію дѣйствій правительства въ дѣлахъ религіи и вѣры и къ осужденію дѣяній церкви православной въ лицѣ ея пастырей и миссіонеровъ въ дѣлѣ распространенія и укрѣпленія вѣры православной.

Не беремся выступать на защиту правительства, которое имѣетъ болѣе дѣйствительныя средства, чѣмъ наше убогое слово, для прекращенія разглагольствованій разныхъ англійскихъ Ганъ Джон'овъ, осмѣливающихся обращаться съ горячимъ призывомъ къ русскому обществу съ указаніемъ на *зablужденіе* Министра Внутреннихъ Дѣлъ Н. А. Маклакова въ дѣлѣ пониманія секты баптизма (Южн. Край № 11547-й). Вѣримъ и надѣемся, что ни одинъ порядочный русскій человѣкъ не откликнется на призывъ непрошеннаго гостя—англичанина, пріѣхавшаго къ намъ въ Россію доказывать, что „баптисты могутъ занимать отвѣтственные правительственные посты до министерскаго портфеля включительно“.

Не осмѣливаемся своими слабыми силами защищать и церкви православной, ибо ее защищаль, защищаетъ и во вѣки будетъ защищать Тотъ, Кто сказалъ: Я создалъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ее (Мѡ. 16, 18).

Но въ виду того, что противники вѣры православной ищутъ все новыхъ и новыхъ поводовъ къ похуленію совместной работы церкви съ государствомъ и тѣмъ самымъ даютъ матеріалъ писакамъ выступать на защиту: баптистовъ и всякаго рода протестантовъ-раціоналистовъ, попирающихъ наши родныя святыни; братцевъ, устрояющихъ подъ видомъ трезвости хлыстовскія радѣнія; католическихъ ксендзовъ, возмущающихъ народъ на проповѣдяхъ противъ православія и даже придумывать легенды изъ „Исторіи гоненій на духовоборовъ“; въ виду того, что всѣ такія нападки на церковь православную и ея служителей прикрываются стремленіемъ

добиться свободы вѣры и совѣсти, намъ хотѣлось бы сказать безпристрастное слово писакамъ отъ „Южн. Края“ и „Утра“ и указать имъ на ихъ крайнее пристрастіе въ дѣлѣ защиты сектантовъ. Послушайте.

Вы всемѣрно добиваетесь отдѣленія церкви отъ государства. А вотъ что говорить по этому поводу не какой нибудь православный миссіонеръ, такъ вамъ ненавистный, а знаменитый англійскій богословъ Фарраръ. „Рѣдко кто-либо подвергался столь различнымъ сужденіямъ, какъ Императоръ Константинъ Великій. Еще и теперь сужденіе о немъ не установилось окончательно. Наше время вообще мало благопріятно ему. Еще и теперь *темныя силы* работаютъ надъ разрушеніемъ его дѣла. Многіе даже видятъ главную задачу настоящаго времени въ томъ, чтобы дѣло св. Константина, именно союзъ государства и церкви разрушить. Но и не только тѣмъ, явною или не высказанною цѣлью которыхъ служить устраненіе христіанства изъ области государства и народной жизни, но даже и тѣмъ, которые хорошо знаютъ, какое великое благо они имѣютъ въ христіанствѣ, дѣло его кажется подозрительнымъ“. (Первые дни христіанства. Фарраръ, стр. 757-я).

Итакъ, намъ вмѣстѣ съ такимъ авторитетомъ, какъ ученый богословъ Фарраръ, приходится отнести васъ къ темнымъ силамъ, явною или невысказанною цѣлью которыхъ служить устраненіе христіанства изъ области государства и народной жизни. Что же касается насъ, совмѣстныхъ работниковъ церкви и государства, то мы выходимъ изъ того принципа, что долгъ всякаго честнаго гражданина охранять государство отъ дѣйствія и вліянія „темныхъ силъ“, а долгъ служителей церкви внушать и възгрѣвать въ сердцахъ вѣрующихъ завѣтъ апостола: всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены (Рим. 13, 1).

Вы ратуете за свободу вѣры. Васъ возмущаетъ, что въ предѣлахъ русскаго государства есть господствующая вѣра и таковою является православная.

Намъ кажется, что и въ данномъ случаѣ вы являетесь „темною силою“, направленной къ устраненію христіанства и Самого Христа изъ области народной жизни.

Свобода вѣры состоитъ въ томъ, что каждый можетъ

вѣровать и молиться Богу по велѣніямъ совѣсти. Этой свободы никого никто не лишалъ и никакихъ эдиктовъ въ этомъ смыслѣ русское государство не знаетъ. На просторѣ русской земли уживаются въ близкомъ сосѣдствѣ, а иногда и въ семейномъ тѣсномъ кругу православный съ католикомъ, съ протестантомъ и никому изъ православныхъ не приходится въ голову зажимать ротъ инако мыслящему.

Но такъ какъ въ русскомъ государствѣ свѣтъ Христова ученія засіялъ съ востока и вѣра православная поглотила языческое многобожіе нашихъ предковъ, такъ какъ и царскія палаты и хижина послѣдняго бѣдняка нашей обширной отчизны уже много вѣковъ освящаются молитвою православной церкви, то сія святая православная вѣра сама себя сдѣлала господствующею, въ такомъ смыслѣ какъ Христосъ господствуетъ надъ умомъ, сердцемъ и волею истинно вѣрующаго въ Него, какъ Павелъ апостолъ говоритъ о себѣ: и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ (Галт. 2, 20).

Посему достойно и праведно съ высоты престола православнаго Царя—Помазанника Божія и дарована привиллегія сей вѣрѣ, гласящая, что „въ предѣлахъ государства одна господствующая церковь православная имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ; духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи. (Ст. 4 т. XI Уст. Ин. Исп. по прод. 1906 г.).

Разсматривая дарованную привиллегію православной господствующей церкви, всякій безпристрастный судья и человекъ не съ сожженной совѣстію найдетъ: 1) что вѣра православная насаждается и утверждается путемъ убѣжденія, путемъ воздѣйствія на совѣсть инославныхъ и иновѣрныхъ и 2) что каждый инославный и иновѣрный можетъ свободно исповѣдывать свою вѣру по велѣніямъ совѣсти, но безъ права пропаганды.

Гдѣ же здѣсь физическое насиліе надъ противникомъ съ зажиманіемъ рта инако мыслящему? Всякій инако мыслящій можетъ оставаться при своихъ убѣжденіяхъ, всякій инославный и иновѣрный можетъ свободно исповѣдывать свою вѣру. Какой же еще свободы нужно?

Вы въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ ссылаетесь на существованіе и оставленіе въ силѣ ст. 90-й Уголовныхъ Уложеній, карающей за публичную пропаганду сектантскихъ ученій съ цѣлію привлеченія въ свою вѣру православныхъ. Но и въ данномъ случаѣ всякій безпристрастный судья усмотритъ не стѣсненія въ вѣрѣ, а огражденіе отъ насилій надъ совѣстію православныхъ со стороны инославныхъ и иновѣрныхъ, охраненіе отъ прямыхъ или косвенныхъ поруганій надъ вѣрою, составляющею достояніе Вѣнценоснаго Царя и стомилліоннаго русскаго народа. Такъ неужели, по вашему, вѣра православная сего не заслужила? Вѣдь ни для кого не секретъ, что сектанты вообще, а наипаче баптисты, начиная свою пропаганду среди православныхъ и возбуждая ихъ къ переходу въ свое исповѣданіе, прежде всего уличаютъ православную вѣру въ идолопоклонствѣ, кощунственно называя св. изображенія Господа І. Христа, Божіей Матери и св. Угодниковъ идолами, а православныхъ идолопоклонниками. Не тайна и то, что совращенные такимъ способомъ и нафанатизированные сектантскимъ лжеученіемъ бывшіе простецы въ вѣрѣ православной, кощунственно рубятъ и сожигаютъ св. изображенія или выбрасываютъ ихъ на чердакъ. Вѣроятно, такой свободы и добиваются защитники сектантовъ?

Если латышу Фетлеру, англичанину Джону, бывшимъ молоканамъ, а нынѣ баптистамъ Павлову, Мазаеву, Воронину, Иванову и К^о противно смотрѣть на кроткій ликъ Распятаго Христа, на скорбящій ликъ Богоматери, на лики св. угодниковъ, пусть они не держатъ ихъ въ своихъ домахъ, пусть не украшаютъ ими своихъ мрачныхъ непривѣтливыхъ модельныхъ; никто имъ сего не навязываетъ и не будетъ дѣлать сего. Но пусть же и они не смѣютъ проникать какъ воры въ хижину бѣднаго русскаго православнаго крестьянина и воровать у него изъ души драгоцѣнную святыню вѣру православную; пусть по задворкамъ не клеветаютъ на пастырей Христовой церкви, которыхъ православный народъ разумѣетъ и чтитъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей тайнъ Божіихъ (1 Кор. 4,—1); пусть не возмущаютъ простыхъ сердець вѣрующихъ противъ св. изображеній, предъ которыми въ минуту скорби и невзгоды льются горячія слезы, вознося умъ къ первообразному.

Вамъ-защитникамъ всѣхъ этихъ лжеучителей самозванцевъ сектантскихъ, быть можетъ, кажется, что всѣ они проповѣдуютъ Христа и, быть можетъ, вы, извративъ истинный смыслъ, приведете слова апостола Павла: какъ бы ни проповѣдали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться (Филип. 1,—18)? Но помните, что тотъ же апостолъ сказалъ о пастырствѣ и учительствѣ: никто самъ собою не пріемлетъ этой чести, но призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ (Евр. 5,—4); помните, что и Самъ Христосъ нѣкогда скажетъ имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня, дѣлающіе беззаконіе (Мѡ. 7,—23). Наконецъ, защитники инославныхъ и иновѣрныхъ пропагандистовъ, вы думаете, что тѣ, которые у насъ на Руси добиваются свободы вѣры, допускаютъ ее у себя?

Послушайте сужденіе о семъ протестантскаго богослова Эрнеста Навиля.

„Часть свѣта, остающаяся для проповѣди, обширна и есть мѣсто для всѣхъ тружениковъ; но иногда кажется, что миссіонеры различныхъ исповѣданій слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы въ погоню, чтобы другъ у друга портить свое дѣло. Подумаешь, что это голодные люди, вошедшіе въ фруктовый садъ, гдѣ для всѣхъ нашлось бы плодовъ въ изобиліи; но они набрасываются на однѣ и тѣ же деревья и оспариваютъ ихъ другъ у друга. Въ нашъ вѣкъ конгрессовъ и международныхъ конвенцій, нѣтъ ли возможности церквамъ и миссіонерскимъ обществамъ прійти къ соглашенію, по которому они условились бы въ теченіе одного или двухъ вѣковъ не вторгаться въ труды другого и по которому они раздѣлили бы всѣ страны, въ которыхъ еще ни одинъ проповѣдникъ Христа не проникалъ? Эта мысль должна бы, мнѣ кажется, понравиться всѣмъ, исключая католиковъ, которые предпочли бы скорѣе быть язычниками и ѣсть человѣческое мясо, нежели сдѣлаться протестантами, и исключая протестантовъ, которые нашли бы лучшимъ быть идолопоклонниками и приносить человѣческія жертвы, нежели сдѣлаться католиками“ („Христосъ“. Публичныя чтенія Эрнеста Навиля. Въ русскомъ переводѣ. Изданіе второе—Тузова, стр. 158-я). Конечно, и православный проповѣдникъ не рѣшится подписаться подъ этими строками, но не въ силу вѣронетерпимости, а въ силу сознанія, что свѣтъ вѣры Христовой

разносится не конгресами и конвенціями, а силою Духа Святаго, водившаго призванныхъ для проповѣди. (Дѣян. 13, —2—4; Дѣян. 16,—9). Но эта выдержка и приведена для того, чтобы изъ устъ инославнаго ученаго услышать характеристику вѣротерпимости протестантовъ и католиковъ, которыхъ подъ свою защиту берутъ писаки отъ „Юж. Края“ и „Утра“.

Итакъ, защитники сектантовъ, снимите прежде тяжкое обвиненіе съ своихъ кліентовъ въ ихъ крайней вѣронетерпимости, а потомъ будете устраивать ихъ и въ Россіи. А всего лучше посовѣтуйте имъ отправиться съ проповѣдію о Христѣ къ язычникамъ, а не лѣзть туда, гдѣ Христово евангеліе уже много вѣковъ благовѣствуется. Тамъ они, пожалуй, найдутъ желанную свободу и трудъ тамъ будетъ гораздо честнѣе, чѣмъ здѣсь, прикрываясь именемъ Христа, играть въ англійскую и нѣмецкую политику, стремясь изъ православной Россіи сдѣлать баптистическую „мекку“.

Вотъ какое безпристрастное слово велить наша совѣсть сказать вамъ, писателямъ статей и замѣтокъ въ защиту свободы вѣры для сектантовъ. Подъ свободой вѣры на Руси вы, очевидно, разумѣете полное попраніе вѣры православной и поруганіе родныхъ святынь.

Теперь выслушайте отъ насъ безпристрастное слово и по поводу вашихъ нападковъ на православныхъ пастырей и миссіонеровъ за ихъ убѣжденія „въ необходимости и этичности прибѣгать къ энергичному содѣйствію свѣтской власти“. (Южн. Край № 11534).

Вы обвиняете православныхъ пастырей и миссіонеровъ въ томъ, что они, наблюдая незаконныя дѣянія сектантовъ, не дѣйствуютъ силою убѣжденія, а прибѣгаютъ къ помощи административной власти. Но вѣдь это азбука, о которой даже неловко напоминать, что сила убѣжденій имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ признаются убѣжденія, а гдѣ дѣло имѣютъ съ людьми, дѣйствующими по своему порочному упорству, тамъ только и остается немедленное пресѣченіе вредныхъ дѣяній. Намъ интересно знать, какъ поступилъ-бы любой изъ защитниковъ силы убѣжденія, если бы къ нему ночью забрался въ домъ воръ и сталъ расхищать его имущество?

Мы вполне увѣрены, что въ рукахъ защитника силы убѣжденій прежде всего появилось бы оружіе. Вспомнимъ

минувшіе дни экспроприаций, когда за револьверы принимались скорѣе всего тѣ, кто ратовалъ противъ всякихъ убійствъ. Пропаганда сектантовъ—это своего рода духовная экспроприация, воровство и воровство съ насиліемъ. Дана имъ свобода вѣры, но они поняли какъ свободу пропаганды и сюда направили всѣ свои силы. Вѣдь не занялись сектанты, по дарованіи имъ свободы, устройеніемъ своей внутренней жизни, а прежде всего постарались окутать всю Русь цѣлою сѣтью развѣзжихъ проповѣдниковъ, организовали союзы, общества и группы, направленные специально на дѣло пропаганды. Развѣ это имѣла въ виду свобода вѣры? Нѣтъ. Вотъ и получилось, что сектанты у правительства похитили то, что имъ не давалось, а у церкви православной воруютъ самымъ нечестнымъ способомъ слабыхъ духовныхъ овецъ.

Что же удивительнаго, а тѣмъ болѣе преступнаго въ томъ, что власть административная и пастыри съ миссіонерами взаимно другъ другу помогаютъ слѣдить за нечестными поступками сектантовъ?

Нѣтъ ничего преступнаго и въ томъ, что миссіонеръ своимъ рапортомъ, а батюшка „любезнымъ отношеніемъ“ напоминаетъ административной власти о прошедшихъ безнаказанно беззаконіяхъ сектантовъ и дважды, трижды и многожды просить и молить о пресѣченіи таковыхъ. Можетъ быть кому и стыдно, можетъ быть въ чьихъ нибудь глазахъ и преступленіе, что слуга престола Божія всячески помогаетъ, а иногда и напоминаетъ слугамъ Царя земнаго творить дѣло долга не за гнѣвъ, а за совѣсть; можетъ быть въ умахъ извращенныхъ это есть „церковная политика“, но такъ могутъ думать только тѣ, кто днемъ съ огнемъ ищетъ поводовъ чѣмъ нибудь досадить пастырямъ церкви Христовой и властямъ предержащимъ. Таковыми и являются, несомнѣнно, писаки отъ „Южн. Края“ и „Утра“.

Обратимся теперь къ самой жизни сектантовъ и посмотримъ, какъ они примѣняютъ силу убѣжденія при распространеніи своихъ катехизисовъ.

Вспомнимъ возмутительный случай, имѣвшій мѣсто въ хуторѣ Рогожки, Донской епархіи, гдѣ баптисты, искупавъ собакъ въ водѣ, навѣсили имъ на шею кресты и кричали православнымъ: „смотрите, вотъ новокрещенные православные“. Вспомнимъ расправу Харьковскихъ сектантовъ съ

Могилевскимъ миссіонеромъ Г. В. Щелчковымъ, Низовскихъ сектантовъ съ миссіонеромъ Дубровою, и сила убѣжденія сектантовъ намъ станетъ ясна,—это кулачное право.

Итакъ, если обратиться къ законной власти и просить защиты—это будетъ „церковная политика“, а если безцеремонно расправляться съ инако мыслящими, какъ поступаютъ сектанты,—это будетъ „свобода совѣсти“. Таковы, по крайней мѣрѣ, выводы отъ дѣяній сектантовъ. А вотъ и еще фактъ „безпристрастныхъ“ сужденій авторовъ статей и замѣтокъ въ пользу „гонимыхъ“.

Когда то въ „Южн. Краѣ“ писалось о безобразіяхъ на Аѳонѣ среди монаховъ, о ихъ безпутной жизни, о сибаритствѣ и т. п. Прошло время. Этихъ самыхъ „безпутныхъ иноковъ“ выселили оттуда и возвратили въ первобытное состояніе. И что же? Тотъ же „Южн. Край“ выступаетъ на защиту „обиженныхъ иноковъ“, и дѣянія власти называетъ насиліемъ и т. п. Однимъ словомъ и въ этомъ видитъ „церковную политику“.

Нѣкогда и свѣтская власть и церковная примѣняли всѣ мѣры, чтобы убѣдить непокорныхъ духоборовъ жить и трудиться на родной землѣ, подчиняясь законамъ государства и правиламъ общественной жизни. Нашлись однако защитники „свободы совѣсти“, разожгли страсти духоборовъ своими статьями и замѣтками въ пользу „угнетенныхъ“, побудили ихъ оставить родную землю и выселили въ Канаду. Тамъ, вмѣсто обѣщаннаго рая со всѣми свободами, духоборы вкусили сладости палокъ полисменовъ, остались безъ пріюта и безъ крова, превратившись въ безсловесныхъ. И наша прогрессивная печать ни словомъ не обмолвилась о пресловутой американской свободѣ, проявленной надъ духоборами, но за то „Южн. Край“ и до сихъ поръ воспроизводитъ легенды „изъ исторіи гоненій на духоборовъ въ Россіи“, силясь и тутъ найти „церковную политику“.

Въ Галицкой Руси въ настоящее время идутъ страшныя гоненія на православную вѣру, которую силою и хитростями хотятъ отнять у народа искони православнаго, но порабощеннаго выдуманною іезуитами уніей. Хоть одной строкой писаки прогрессивныхъ нашихъ газетъ обмолвились въ защиту страждущихъ нашихъ братьевъ? Нѣтъ. А вотъ когда назначили *только слѣдствіе* надъ ксендзомъ Милашев-

скимъ за произнесеніе рѣчей въ храмѣ, возбуждающихъ вражду между православными и католиками, то сейчасъ „Южн. Край“ подхватилъ и влѣпилъ это извѣстіе въ статью „Подъ закрытымъ забраломъ“, въ которой, осуждается та же „церковная политика“. Не пристрастіе ли это?

По нашему, если защита церкви государствомъ отъ нападковъ всякихъ Джоновъ, Фетлеровъ, Перковъ, Киршъ et cetera есть „церковная политика“, то вся литература въ родѣ „Подъ закрытымъ забраломъ“, „Изъ миссіонерскихъ секретовъ“ есть походъ и самый безчестный противъ церкви и государства. Мѣсто для такихъ замѣтокъ въ органѣ, который обслуживаетъ какую нибудь ложу массоновъ или въ журналѣ Бончъ-Бруевича „Разсвѣтъ“. Когда православный пастырь или миссіонеръ сдѣлаетъ заявленіе власти о томъ, что сектанты творятъ незаконныя собранія, это, по авторамъ статей, „церковная политика“. А когда Бончъ-Бруевичъ напишетъ въ „Разсвѣтѣ“ воззваніе къ сектантамъ съ призывомъ устраивать тайныя и явныя организаціи для ниспроверженія существующаго строя,—это свобода убѣжденій.

Такихъ то господъ и берутъ подъ свою защиту газеты безъ „церковной политики“ и въ угоду имъ плюютъ на церковь православную въ лицѣ ея пастырей и на лучшихъ слугъ православнаго Русскаго Царя. И какъ бы хотѣлось такихъ услужливыхъ и „благодарныхъ“ сыновъ отечества отослать къ дѣдушкѣ Крылову, чтобы онъ имъ прочиталъ нравоученіе изъ басни „Свинья подъ дубомъ“.

Вѣдь вы, господа защитники сектантовъ, своими неразумными апологіями подрываете корни дерева, подъ которымъ вы вскормлены, вспоены и теперь подъ тѣнью его продолжаете благодумствовать. А между тѣмъ васъ какъ то особенно радуеть, что какой то конокрадъ Шесточенко укралъ изъ ограды церкви православной 50 душъ слабыхъ овецъ духовныхъ и повергъ въ печаль труженика пастыря. Вы съ радостію возвѣщаете въ своихъ газетахъ, что развратникъ Лубковъ, благодаря вылазкамъ „мудрыхъ“ сектовѣдовъ, какъ Бончъ-Бруевичъ, избѣжалъ должной кары правосудія и будетъ преспокойно колпачить людей, что онъ богъ боговъ, сынъ бѣлаго ээира, а что его сожигательницы „мамаши“—это „богородицы“.

Вы окружаете ореоломъ мучениковъ безстыдныхъ ду-

хоборовъ, блуждающихъ голышами въ поискахъ рая, гдѣ бы не было ни труда, ни заботъ и никакихъ законовъ.

Вы принимаете въ свои объятія, оправданныхъ благодаря недоразумѣніямъ, людорѣзовъ скопцовъ и мнимыхъ трезвенниковъ „братцевъ“ хлыстовъ. И все это во имя свободы! Не смѣшная ли эта ваша свобода? не грязна ли она, какъ грязны ея владѣльцы?

Вы, наконецъ, готовы принять подъ свое попеченіе цѣлые кадры разнузданныхъ хулигановъ, охраняя ихъ отъ активныхъ воздѣйствій административной власти, и тоже во имя свободы.

Конечно, послѣ всего этого, намъ, миссіонерамъ, намъ „батюшкамъ“ не остается мѣста въ вашемъ сердцѣ.

Нашъ удѣлъ ходить подъ окнами сектантскихъ собраний и слушать какъ поносятъ тамъ имя Христа, какъ издѣваются надъ русской душой. Нашъ удѣлъ, по примѣру ревнителя пророка Іліи, оплакивать картины разоренія завѣта съ Богомъ, разрушенія жертвенниковъ Его и избіенія всѣхъ, возвѣщающихъ правду Божию (3 Цар. 19, 10). Но знайте, что побѣда за нами; и сія есть побѣда, побѣдившая міръ,—вѣра наша (1 Іоан. 5, 4).

Архимандритъ Арсеній.

П Л А Н Ы

ДЛЯ МИССІОНЕРСКИХЪ БЕСѢДЪ.

(Продолженіе *).

№ 14.

О постахъ.

В. Посты установленіе Божественное или человѣческое?

1) Іоиль 1, 14	} Посты установленіе Божественное.
Іоиль 2, 12—15	
Мѡ. 17, 21	
Мрк. 9, 27	

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16 за 1913 г.

2) Исх. 34, 28
Псл. 34, 13
3 Цар. 17 и 19 гл.
Юны 3, 5

} Примѣры поста: постились Пр. Моисей, Цр. Давидъ, Пр. Илія, Ниневитяне.

3) 1 Корѳ. 9, 25 и 27—постились Апостолы.

В. Въ чемъ долженъ состоять постъ?

Дан. 10, 2—3
1 Корѳ. 8, 13

} Въ обузданіи страстей, упражненіи въ благочестіи и въ воздержаніи въ пищѣ и питіи.

В. Сколько было постовъ у народа Еврейскаго?

1) Захр. 8, 19—четыре поста

2) Дѣян. 27, 9—были они и во времена св. Апостоловъ.

3) Лук. 5, 35
Мрк. 2, 19—20
Мѳ. 9, 15

} Должны быть посты и однодневные.

4) Лук. 4, 1—2. Примѣромъ Своимъ Господь освятилъ посты

5) 2 Корѳ. 6, 3—5
1 Корѳ. 7, 5
Дѣян. 13, 2—3

} Апостолы даютъ намъ примѣры постовъ.

В. Какая цѣль установленія постовъ?

Галт. 5, 24
Мѳ. 17, 21
Лук. 4, 1—2
Мѳ. 17, 21
1 Корѳ. 9, 25
Галт. 6, 8

} Постъ служитъ великимъ средствомъ въ борьбѣ съ искушеніями отъ плоти и діавола, возвышаетъ духъ и приближаетъ къ Богу.

В. Какое повелѣніе даетъ намъ Слово Божіе объ употребленіи пищи и питія?

Лук. 21, 34,
Лук. 6, 25
1 Петр. 4, 3
Римл. 13, 13—14

} Остерегаться излишества.

№ 15.

О субботнемъ днѣ.

В. Праздновалась-ли народомъ Божиимъ суббота до времени Пр. Моисея? Гдѣ есть указаніе на это празднованіе?

Быт. 2, 2—3	}	Богъ освятилъ субботу, но не для людей, ибо людямъ не давалъ повелѣнія о празднованіи субботы.
Быт. 2, 15		
Быт. 3, 17		

В. Когда первый разъ дано повелѣніе или законъ о празднованіи субботы?

Исх. 16, 5, и 22—25	}	Законъ о празднованіи субботы первый разъ данъ въ пустынь Синъ и затѣмъ на горѣ Синаѣ.
Исх. 16, 30		
Неем. 9, 13—14		

В. По какому поводу, почему Богъ повелѣлъ Евреямъ праздновать субботу?

1) Втрзк. 5, 15	}	Въ память исхода Евреевъ изъ рабства Египетскаго.
Исх. 16, 1—3		
Исх. 20, 8—9		

2) Іезкл. 20, 10—12 и 20—Суббота—знаменіе завета Евреевъ съ Богомъ.

В. Остался-ли заветъ, заключенный Евреями съ Богомъ, и до сего дня?

1) Іерем. 31, 30—33—съ новымъ Израилемъ Богъ заключилъ Новый Заветъ.

2) Іезкл. 39, 13—день заключенія Новаго Завета—знаменитъ.

В. Освобождены-ли мы изъ рабства Египетскаго? Отъ какого рабства мы освобождены?

Евр. 2, 14—15	}	Господь освободилъ насъ отъ рабства грѣха, проклятія и смерти.
Римл. 8, 15		
1 Кор. 15, 54		

В. Когда и кто положилъ начало Новому Завету людей съ Богомъ?

1) Галт. 3, 13 и 22	}	Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона.
Евр. 2, 14—15		
Римл. 8, 15.		

2) 1 Петр. 1, 3	}	Христось — воскресеніемъ Своимъ.
1 Корѣ. 15, 13—18		
2 Корѣ. 15, 17		

В. Почему въ В. З. праздновалась суббота?

- 1) *Какъ выходъ Евреевъ изъ рабства Египетск.*
- 2) *Какъ день заключенія завѣта.*
- 3) *Для празднованія людямъ Богъ избралъ и указалъ тотъ день, въ который и Самъ почилъ отъ дѣлъ творенія.*

В. Какъ понимать соблюденіе В. З. закона вообще и закона о субботахъ въ частности?

1) Мѣ. 22, 37—40	}	Основа закона: любовь къ Богу и ближнему,
Мѣ. 5, 18—19		
2) Римл. 3, 31—вѣрою мы утверждаемъ законъ,		
3) Іоан. 7, 22—23—Господь творилъ чудеса въ субботу,		
4) Іоан. 4, 19—25	}	мы должны исполнять духъ закона, а не букву,
2 Корѣ. 3, 6—8		
5) Марк. 2, 27—28	}	въ Н. З. человекъ господинъ и субботы.
Мѣ. 12, 8		

В. Какъ исполнялся законъ о субботахъ въ В. З.?

1) Исх. 20, 10	}	Буквально т. е. нельзя было дѣлать никакого дѣла.
Втрз. 5, 14		
Числ. 15, 33—35		
2) Втрз. 27, 26	}	За нарушеніе закона грозило проклятiе и тяжкое наказаніе.
Числ. 15, 35		
Левт. 7, 36		

В. Таковъ-ли Нов. Зав. какъ и Ветхій?

Іоан. 4, 19—25	}	Н. З.—завѣтъ духа, а не буквы.
2 Корѣ. 3, 6—8		

В. Какой день мы должны праздновать?

1) 1 Корѣ. 15, 57	}	Господь вступилъ съ нами въ Нов. Зав., освободилъ насъ отъ рабства грѣха, проклятiя и смерти,
Галт. 3, 13 и 22		
1 Петр. 3, 21		
1 Корѣ. 15, 13—18		
2) 2 Корѣ. 15, 17	}	почилъ отъ дѣлъ творенія новой твари.
Дѣян. 2, 24—27		

3) *Все это совершилось въ день Воскресный.*

4) Лук. 24, 30 и 35

Мѡ. 28, 9

Іоан. 20, 19

Дѣян. 20, 7

1 Корѡ. 16, 1—2

Откр. 1, 10

Господь и Апостолы примѣрами Своими освятили день Воскресный, какъ день прославленія Господа—Іезк. 39, 13.

В. Только-ли суббота разумѣлась у Евреевъ подъ седьмымъ днемъ?

Левт. 16, 29—31

Левт. 23, 23—44

Подъ субботой разумѣлись и праздники.

В. Если праздновать субботу, то почему же не праздновать другихъ Еврейскихъ праздниковъ и не исполнять всего Еврейскаго закона, вѣдь они установленія вѣчныя?

Левт. 7 гл.

Левт. 23 гл.

Захр. 14, 16—18

грози́тъ наказаніе.

—праздники: трубъ, кущей, день очищенія, какъ установленія вѣчныя,

за нарушеніе праздниковъ

Празднованіемъ Воскреснаго дня мы не нарушаемъ закона, а исполняемъ его (Іоан. 4, 19—25; 2 Корѡ. 3, 6—8; Римл. 3, 31), исполняемъ духъ закона, а не букву.

Мис.-свящ. Ѡ. Сулима.

(Окончаніе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

15 августа, въ день Успенія Божіей Матери и главнаго храмоваго праздника, въ Харьковскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ Высокопресвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи Пресвященнаго Теодора, Епископа Сумскаго, а также архимандритовъ Покровскаго монастыря Іосифа и Аѡанасія, настоятеля кафедральнаго собора протоіерей І. Гончаревскаго, Ректора Дух. Семинаріи протоіерей А. Юшкова, профессора Богословія Харьк. Университета протоіерей Н. Стеллец-

каго, ключаря собора протоіеря Л. Твердохлѣбова, члена Дух. Консисторіи протоіеря В. Добровольскаго и благочиннаго городскихъ церквей протоіеря В. Александрова, при участіи протодіакона собора В. Вербицкаго и полного хора архіерейскихъ пѣвчихъ, была торжественно совершена Божественная литургія, на которой въ установленное время былъ рукоположенъ ставленникъ во діакона, а послѣ литургіи совершено было торжественное молебствіе съ крестнымъ ходомъ вокругъ собора и провозглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, Св. Синоду, совершавшимъ Богослуженіе Архипастырямъ съ ихъ Богохранимою паствою и прихожанамъ храма.

— 18 августа, въ воскресніе, въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи монашествующей братіи, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время были рукоположены два ставленника во іерея и діакона.

— 25 августа, въ воскресніе, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи монашествующей братіи, была совершена Божественная литургія, на которой въ установленное время были рукоположены два ставленника во іерея и діакона.

— 29 августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и всероссійскаго праздника общества трезвости, въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ, въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго Монастыря Іосифа и Аѳанасія, настоятеля кафедральнаго собора протоіеря І. Гончаревскаго, благочиннаго городскихъ церквей протоіеря В. Александрова и приглашеннаго духовенства, была совершена Божественная литургія, на которой въ установленное время былъ рукоположенъ ставленникъ въ діакона, а протоіереемъ Д. Поповымъ было произнесено приличествующее празднику слово. А въ Усѣквенской церкви Харьк. городского кладбища, по случаю храмоваго праздника, Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи Ректора Дух. Семинаріи протоіеря А. Юшкова, ключаря кафедрал. собора протоіеря Л. Твердохлѣбова и мѣстнаго духовенства, также была совершена Божественная литургія съ молебствіемъ и были рукоположены два ставленника во іерея и діакона.

— 1 сентября, въ воскресніе, въ Куряжскомъ Преображенскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи монашествующей братіи, была совершена Божествен-

ная литургія, на которой въ положенное время рукоположены два ставленника во іерея и діакона.

— 8 сентября, въ день Рождества Пресв. Богородицы, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, въ сослуженіи монашествующей братіи, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время были рукоположены два ставленника во іерея и діакона. А въ Сумскомъ Преображенскомъ соборѣ Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи ключаря Харьк. собора протоіерея Л. Твердохлѣбова и мѣстнаго духовенства города Сумъ, была также совершена Божественная литургія съ праздничнымъ молебствіемъ.

— 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня и празднованія 1600-лѣтія изданія Миланскаго эдикта о свободѣ христіанскаго вѣроисповѣданія, въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства, наканунѣ праздника, были совершены всенощное бдѣніе и чинъ воздвиженія св. креста, а въ самый день праздника Преосвященнымъ Θεодоромъ, въ сослуженіи архимандритовъ Покровскаго монастыря Іосифа и Аѳанасія, ключаря собора протоіерея Л. Твердохлѣбова, члена Дух. Консисторіи протоіерея П. Фомина, благочиннаго городскихъ церквей протоіерея В. Александра и священника М. Клечнова, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время были рукоположены два ставленника во іерея и діакона, а священникомъ І. Дмитріевскимъ было произнесено приличествующее празднику поученіе. А затѣмъ на соборной площади, по прибытіи сюда крестныхъ ходовъ изъ Покровскаго монастыря и городскихъ церквей, было совершено торжественное праздничное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія.

— 15 сентября, въ воскресеніе, въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ Преосвященнымъ Θεодоромъ, Епископомъ Сумскимъ, въ сослуженіи монашествующей братіи, была совершена Божественная литургія, на которой въ положенное время были рукоположены два ставленника въ іерея и діакона.

Ключарь кафедральнаго собора, Протоіерей *І. Твердохлѣбовъ*.

1913 г., 20 сентября.

Р Ѣ Ч Ъ

при встрѣчѣ въ Пророко-Ильинской церкви слободы Ульяновки, Сумскаго уѣзда, Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Θεодора, Епископа Сумскаго.

*Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырѣ и Отецъ!*

Всѣ, мы и пастыри этого прихода и пасомые, съ радостію, но и съ невольнымъ смущеніемъ и опасеніемъ сердца встрѣчаемъ Васъ въ нашсмъ св. храмѣ: найдете ли Вы у насъ *все благообразно и по чину*, какъ этого требуетъ Апостолъ, или изречете намъ слово „осужденія и укоризны, какъ нерадивымъ и неумѣлымъ работникамъ на нивѣ Христовой? Порадуетесь ли Вы о насъ предъ Господомъ и благословите насъ, или поскорбите о насъ и лишите своего архипастырскаго благословенія, о которомъ въ словѣ Божіемъ говорится: *благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ?*

Съ такими мыслями и чувствами мы ожидали прибытія Вашего Преосвященства, съ такими же чувствами и теперь встрѣчаемъ Васъ въ семъ св. храмѣ совмѣстно съ нашими прихожанами, гдѣ я и со-служитель мой почтительнѣйше докладываемъ Вамъ какъ Архипастырю нашему „*се мы и дѣти, ихъ же далъ (вручилъ) намъ Богъ*“. А вмѣстѣ съ этимъ смиренно умоляемъ Васъ, Преосвященнѣйшій, не лишите насъ Вашего архипастырскаго благословенія, наставьте, вразумите и утвердите насъ въ нашей святой вѣрѣ, чего мы искренно желаемъ и что намъ не только желательно, но и необходимо, такъ какъ наши духовныя чада,—наши прихожане живутъ въ мѣстности по сосѣдству съ душевно больными христіанами, зараженными и вредной штундой, и опасной штундо-толстовщиной.

По милости Божіей и благодаря «Господу споспѣшествующему», они остаются еще и пребываютъ до сего часа не по имени только, но и по жизни христіанами православными. Одни изъ нихъ усвояютъ православно-христіанское ученіе въ школахъ, — другіе учатся только въ храмѣ Божіемъ, гдѣ слышатся молитвы, пѣснопѣнія и поученія. И храмъ остается для нихъ единственнымъ мѣстомъ наученія, утѣшенія и направленія въ ихъ христіанской жизни. Все это несомнѣнно объединяетъ ихъ съ нашею св. Церковію.

Правда,—прихожане наши усвояютъ православіе болѣе сердцемъ, чѣмъ умомъ, и, какъ простые люди, не всегда бываютъ спо-

собны защитити свои вѣрованія отъ сектантскихъ пререканій, безъ сторонняго руководства», какъ говоритъ объ этомъ и блаж. памяти одинъ изъ отечественныхъ учителей Церкви (См. брошюру изъ 8-ми бесѣдъ Архіеп. Херсонск. Никанора. Изд. 3-е, 1894 г. стр. 38); но они остаются вѣрными Церкви и подъ руководствомъ ея и вмѣстѣ съ нею и за нею не только исповѣдуютъ въ сердцѣ, но и произносятъ устами: *Вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси во истину Христосъ, Сынъ Бога живаго*. „Вѣрую во единую святую соборную и апостольскую Церковь и т. д. Они ищутъ только уясненія своей вѣры и сознательнаго отношенія къ ней.

Затѣмъ прихожане наши почти все изъ временно-обязанныхъ, или крестьянъ собственниковъ. Одни изъ нихъ помнятъ еще суровыя времена крѣпостничества, а другіе знаютъ объ этомъ отъ дѣдовъ и отцовъ своихъ. И тѣ, и другіе, и все они знаютъ хорошо, что только благодаря благочестивѣйшимъ нашимъ Государямъ, какъ и нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, и ихъ отеческимъ заботамъ, они обязаны своею свободою, даровымъ обученіемъ и просвѣщеніемъ, даровымъ леченіемъ и т. п. Вотъ почему наши прихожане безусловно, какъ вѣрноподданные, повинуются Царской власти и предержащимъ Властямъ, почитаютъ своихъ пастырей и, какъ видите, почтительнѣйше встрѣчаютъ Васъ, какъ своего Архипастыря. Всякія же приражающіяся къ нимъ темныя силы извнѣ,—отъ вожаковъ сектантскихъ, или отъ социалистовъ и анархистовъ, или вообще враговъ дорогого нашего отечества, проходятъ мимо нашихъ прихожанъ безъ всякаго слѣда.

При всемъ этомъ мы сознаемъ, что наша нива не дозрѣла еще до спѣлыхъ плодовъ христіанскаго благочестія и христіанской жизни, быть можетъ потому, что мы дѣлатели не искусные. Поэтому, съ сыновнимъ дерзновеніемъ, просимъ Ваше Преосвященство—отечески снизойти къ нашимъ недостаткамъ, наставить и вразумить насъ и тѣмъ ободрить и укрѣпить духъ нашъ въ трудномъ дѣлѣ приведенія сего малаго словеснаго стада къ Великому Архіерею, Спасителю нашему, къ разумной жизни и вѣчному спасенію.

Призрите, *Преосвященнѣйшій Владыко*, милостивымъ взоромъ на виноградъ сей и святительски благословите насъ,—священно и церковно-служителей и прихожанъ св. храма сего,—*да дѣлаемъ дѣла благая, дондеже время намъ* (Гал. 6, 10).

Прот. Николай Федоровскій.

Юные паломники.

Изъ Купянскаго духовнаго училища, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Арсенія, была организована паломническая экскурсія въ г. Бѣлгородъ ко дню обнесенія св. мощей святителя Іоасафа учениковъ училища около 160 человекъ во главѣ съ Смотрителемъ, священникомъ о. Валентиномъ Федоровскимъ, при участіи нѣкоторыхъ преподавателей и 4 надзирателей.

Несмотря на трудности самаго путешествія по желѣзной дорогѣ въ такомъ большомъ количествѣ паломниковъ, среди коихъ было около 20 дѣтей девятилѣтняго возраста, несмотря на нѣкоторыя неудобства въ вопросѣ ихъ питанія и самаго надзора при громадномъ, многотысячномъ скопленіи народа въ городѣ къ этому дню, поѣздка удалась на славу и впечатлѣнія отъ нея останутся на всю жизнь неизгладимыми не только въ сердцахъ дѣтей, но и руководителей. Начиная отъ желѣзнодорожнаго начальства и кончая послѣднимъ полицейскимъ чиномъ, намъ всюду оказывалось удивительное вниманіе, рѣдкая предупредительность и необычайная сердечность и ласка, благодаря коимъ юные паломники и въ вагонахъ и въ Бѣлгородѣ чувствовали себя положительно какъ дома.

Настроенные заранѣе бесѣдами о высокой цѣли поѣздки, дѣти съ любовью и воодушевленіемъ готовились къ ней и, казалось, совсемъ не чувствовали тѣхъ нѣкоторыхъ неудобствъ, которые неразрывны съ дальними путешествіями по желѣзной дорогѣ...

Въ Бѣлгородѣ мы пріѣхали къ 7 часамъ утра 4 сентября. Къ этому времени дѣти уже были на ногахъ, умытые и причищенные, съ волненіемъ вышли изъ вагоновъ и бодро вступили въ святую землю, причемъ всѣ рѣшительно отказались отъ пищи. Предупрежденная заранѣе полиція любезно встрѣтила насъ на вокзалѣ и предложила свои услуги. Благодаря этому наше стройное шествіе въ парахъ въ красивой училищной формѣ по городу до собора и до гробницы святителя было настоящимъ триумфомъ.

Когда мы стали подходить къ собору, то увидѣли еще издали несмѣтную массу народа, залившую всю соборную площадь и ближайшія къ собору улицы, и намъ казалось совершенно даже невозможнымъ, даже и при содѣйствіи полиціи, проникнуть къ ракъ святителя.

Однако полиціей уже раньше были приняты мѣры къ нашему пропуску, и когда мы подошли къ этому живому морю, то увидѣли узкій проходъ среди тысячной толпы, по которому совершенно безпрепятственно прошли къ самой ракъ святителя.

Затѣмъ намъ отвели особое мѣсто въ храмѣ, гдѣ дѣти остались слушать Божественную литургію. Во все время нахождения въ храмѣ дѣтей охранялъ полицейскій нарядъ отъ патиска публики, который по окончаніи богослуженія вывелъ ихъ изъ храма и предоставилъ юнымъ гостямъ лучшее мѣсто на одномъ изъ возвышенныхъ соборныхъ портиковъ, чтобы дѣти могли видѣть торжественную процессію обнесенія св. мощей. По единодушному отзыву малышей то, что они пережили въ дальнѣйшія святыя минуты, когда многочисленный сонмъ священнослужителей во главѣ съ двумя архипастырями вынесъ на своихъ рукахъ гробницу съ священными мощами Божія Угодника, когда грянула музыка «Коль славень», когда заиграли красивыми переливами и загудѣли колокола на всѣхъ 20 церквахъ Бѣлгорода и послышалась восторженные и умиленные рыданія многочисленныхъ молящихся, они никогда не забудутъ во всю свою жизнь.

Юныя, чистыя сердца дѣтей, никогда не видавшихъ ничего подобнаго, не вмѣстили чистаго религіознаго восторга и всѣ они отъ умиленія плакали.

Моментъ по истинѣ былъ великій. Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ многіе священнослужители, несшіе драгоценную святыню, рыдали, проливая восторженные слезы, не будучи въ состояніи выдерживать необыкновеннаго религіознаго воодушевленія...

Въ эти святыя минуты живо чувствовалось и сознавалось, какъ велико милосердіе Творца къ грѣшному человѣку, посылающаго намъ недостойнымъ великихъ молитвенниковъ и заступниковъ въ лицѣ святыхъ Божіихъ, какъ глубока истина христіанскаго нашего упованія, какъ сильна и могуча духомъ и благодатію святая православная наша мать-Церковь.

По окончаніи торжества обнесенія св. мощей, дѣти отправились въ приготовленное для нихъ помѣщеніе подкрѣпить свои силы трапезой, устроенной имъ на средства Преосвященнѣйшаго Никодима, Епископа Рыльскаго, викарія Курской епархіи. Едва дѣти успѣли окончить обѣдъ, какъ загрѣмѣлъ первый ударъ соборнаго колокола великана къ акаѳисту. Дѣти поспѣшили въ соборъ и опять благодаріи содѣйствію полиціи имъ удалось размѣститься у самой раки святителя, несмотря на то, что въ соборѣ и около собора уже стояли тысячи народа. Чтеніе акаѳиста Угоднику Божію, исполненное отъ начала до конца самимъ Владыкою Никодимомъ съ удивительнымъ

умилениемъ и глубокимъ чувствомъ, съ описаніемъ житія и добродѣтелей святителя, невольно приковывало взоры къ нетлѣннымъ св. мощамъ и наполняло сердце святымъ восторгомъ. Но вотъ прочитали св. Евангеліе и наступили поистинѣ неописуемыя минуты, навѣки неизгладимыя изъ сердець всѣхъ счастливцевъ, находившихся въ данный моментъ у св. раки. Владыка Никодимъ предложилъ сослужившему ему смотрителю духовнаго училища сейчасъ же пропустить дѣтей къ Угоднику Божию и, сказавъ это, обнажилъ всю святую десницу Святителя Іоасафа. Храмъ огласился какимъ то стономъ не то молитвы, не то плача и ближайшее къ ракѣ море головъ заволновалось. Въ эти св. минуты первыми стали подходить дѣти и многіе изъ нихъ, лобызая нетлѣнную св. десницу, невольно плакали и въ благоговѣйномъ чувствѣ молитвы останавливались предъ ракой и не отрываясь созерцали столь очевидное чудо милосердія и благодати Божіей. Дѣти потомъ говорили, что въ этотъ моментъ имъ казалось, будто они находятся не на землѣ, а на небѣ. По окончаніи акаѳиста Владыка Никодимъ пригласилъ дѣтей въ свои покои, гдѣ встрѣтилъ ихъ прекраснымъ назидательнымъ словомъ, поздравивъ ихъ съ духовной радостью и пожелавъ имъ никогда не забывать того, что они видѣли и что пережили, преподавъ каждому изъ нихъ архипастырское благословеніе, и подарилъ на молитвенную память по деревянному св. образку съ изображеніемъ св. Іоасафа и брошюрѣ съ описаніемъ его житія. Въ отвѣтъ на столь рѣдкую ласку и вниманіе къ дѣтямъ архипастыря смотритель училища выразилъ благодарности Владыкѣ благодарность отъ лица Купянскаго духовнаго училища, отъ лица руководителей и дѣтей за его вниманіе и доброту, за его хлѣбъ-соль (Владыка изволилъ подарить на дѣтей 50 руб.) и въ особенности за ту духовную радость и утѣшеніе, которыя пережили дѣти и руководители, удостоившись счастья лобызать нетлѣнную св. десницу Божія Угодника, открытую Владыкой для дѣтей.

Въ заключеніе дѣти пронѣли Владыкѣ трижды «ис-пола» и напутствуемая святительскимъ благословеніемъ и благожеланіями покинули гостепріимные покои Бѣлгородскаго Владыки и, напившись чаю, направились на вокзалъ въ свои вагоны. Такъ закончилась паломническая экскурсія къ Бѣлгородскому Угоднику Божию юныхъ питомцевъ духовной школы.

Переживши сами съ дѣтьми глубокія захватывающія чувства необыкновеннаго религіознаго подъема, имѣя возможность прослѣ-

дить настроеніе дѣтей, вызванное въ нихъ благодаря этой поѣздкѣ, мы считаемъ святымъ своимъ долгомъ заявить, что подобныя поѣздки, въ особенности приурочныя къ такимъ церковнымъ торжествамъ, лучшее средство въ дѣлѣ укрѣпленія въ дѣтяхъ религіозной настроенности, доброй нравственности, ихъ благонравія и благоповеденія и, кромѣ того, въ нихъ могучая гарантія и за дальнѣйшую нравственную устойчивость питомцевъ и не только школы духовной, но и всякой школы. Въ наше время, когда отовсюду слышатся жалобы на развалъ школы, на полную распущенность учащейся молодежи, на забвеніе и поправленіе святыхъ началъ нашего христіанскаго упованія, религіозныя экскурсіи вѣрный путь ко введенію школы въ прочное нравственное русло. Святыя минуты общаго религіознаго одушевленія не могутъ не оказывать благотворнаго вліянія и на мало устойчивыя натуры, святая атмосфера захватываетъ всѣхъ безраздѣльно и смягчитъ сердца и души въ общей горячей молитвѣ даже равнодушныхъ.

Въ заключеніе мы приносимъ сердечную благодарность всѣмъ тѣмъ, коихъ ласки и вниманіе къ юнымъ экскурсантамъ помогли намъ благополучено совершить наше паломничество, и прежде всего отъ всего сердца признательны благостнѣйшему Архипастырю Владыкѣ Арсенію, Харьковскому и Ахтырскому, благословившему юныхъ купянскихъ питомцевъ въ добрый путь къ Бѣлгородскому св. Угоднику; затѣмъ шлемъ сердечное спасибо Преосвященному Владыкѣ Бѣлгородскому Никодиму, душевно благодаримъ г. Бѣлгородскаго исправника Логвинова и его помощника г. Антоновича, пристава г. Бураго и всю полицейскую власть, любезно оказавшихъ намъ свое содѣйствіе; не можемъ не выразить благодарности и желѣзнодорожному начальству, въ особенности же начальнику ст. г. Купянска г. Крячки, помощнику начальника ст. г. Бѣлгорода, г. Абрамовичу.

Пусть эти послѣднія наши строки скажутъ всѣмъ желающимъ подобно намъ побывать съ дѣтьми въ Бѣлгородѣ, что г. Бѣлгородъ съ любовью встрѣчаетъ своихъ гостей и въ особенности юныхъ въ лицѣ своего Архипастыря и въ лицѣ своихъ властей.

Смотр. учил. *Свящ. Валентинъ Ѳедоровскій.*

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Законоучительское Братство въ Полтавѣ.

Въ городѣ Полтавѣ дѣятельно работаетъ законоучительское Братство. Черезъ Епархіальныя Вѣдомости Братство сообщаетъ законоучителямъ отзывы о книгахъ для чтенія по предмету Закона Божія, рекомендуетъ и указываетъ новинки литературы по этому важнѣйшему предмету школьнаго обученія, отмѣчая наиболѣе доступныя и содержательныя изданія.

Братство, видимо, особенно рекомендуетъ для чтенія учащимся житія святыхъ и рассказы на религіозно-нравственныя темы; лучшими изъ таковыхъ признаны книги Поселянина «Св. дѣти и дѣтскіе годы русскихъ святыхъ», «Училище благочестія», «Дѣтская вѣра и Оптинскій старецъ Амвросій»; книга Горева «На службѣ Богу» и др.

Для законоучителей рекомендуются: Иванцова-Платонова «О западныхъ исповѣданіяхъ», Оливера Лоджа «Жизнь и матерія современныхъ ученыхъ».

Всего Братствомъ даны подобныя отзывы о 35 сочиненіяхъ.

Братство основано 2 года тому назадъ. Членами его состоятъ не только законоучители, но и начальники, и педагоги—директора гимназій, инспекторы народныхъ училищъ, начальницы женскихъ гимназій и епархіальнаго училища и др. лица.

Духовенство епархіи ассигновало нѣкоторую сумму денегъ на расходы Братства и на печатаніе его трудовъ.

Изъ журналовъ Нижегородскаго Епархіальнаго Съѣзда.

Заслушанъ, между прочимъ, докладъ комиссіи, составившей списокъ приходовъ епархіи на предметъ полученія казеннаго пособія. Комиссія засвидѣтельствовала безотрадное матеріальное и, въ зависимости отъ него, моральное состояніе Нижегородскаго епархіальнаго духовенства слѣдующими словами, взятыми изъ журналовъ, составленныхъ на мѣстахъ, въ разныхъ округахъ. Общая доходность въ селахъ и уѣздныхъ городахъ значительно падаетъ съ каждымъ годомъ; жизнь дорожаетъ, а добровольныя даянія, облекшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ опредѣленную сумму за ту или другую потребу, не только не повышаются, а дѣлаются значительно ниже, ибо обязательства на прихожанъ пигдѣ никакихъ не налагаютъ; хотятъ они—платятъ, не хотятъ—ничего не платятъ. Издревле положенная

во многихъ селахъ руга въ настоящее время прихожанами почти нигдѣ не выплачивается. Многія требы совершаются въ долгъ, что на обыкновенномъ языкѣ называется—бесплатно. Наставать же бѣдному духовенству по отношенію къ прихожанамъ на возвышеніи платы не приходится по идеѣ пастырскаго служенія. Между тѣмъ, само духовенство, не взирая на великую пониженность своихъ финансовъ, облагается весьма и весьма значительными сборами по содержанию всякаго рода членовъ и всѣхъ учрежденій за послѣднія 5—10 лѣтъ значительно повышено—или удвоено или утроено; только бѣдное православное духовенство еще доселѣ остается тѣмъ пасынкомъ, о которомъ некому позаботиться, и средствъ на содержаніе котораго будто и взять негдѣ.

Годы, даже вѣка, православное духовенство ждетъ, чтобы сняли съ него или хотя бы сколько нибудь облегчили это непосильное бремя матеріальнаго существованія посредствомъ всякаго рода добровольныхъ подачекъ, которыя были и есть самыя нищенскія, порой прямо унижающія не только пастырское, но и просто человѣческое достоинство, —ждало и ждетъ сего духовенство, а просвѣта и доселѣ никакого не предвидится. Въ виду этого, духовенство поставлено въ необходимость не говорить только о своихъ скорбяхъ и нуждахъ, а кричать,—да внимлютъ гласу сему, да будетъ положенъ предѣлъ нравственнымъ страданіямъ и безъ того многострадальнаго и крайне обремененнаго всякими обязанностями, и прямыми и косвенными, духовнаго сословія.

Отмѣчая такую духовную скорбь духовенства Нижегородской епархіи, комиссія предлагаетъ съѣзду, между прочимъ, отъ имени епархіальнаго съѣзда, съ разрѣшенія епарх. преосвященнаго, ходатайствовать предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ о томъ, не найдетъ ли благовременнымъ и нужнымъ Вѣнценосный и Державный Вождь русскаго народа, которому православное духовенство неconi служило и служить вѣрой и правдой во славу православной церкви, на благо Престолу и отчизнѣ, принимая во вниманіе крайне бѣдственное и нравственно-невыносимое матеріальное положеніе православнаго духовенства вообще, а Нижегородской епархіи, какъ издревле зараженной расколомъ, а потому болѣе страдной и бѣдной, въ частности, дать повелѣніе обезпечить одновременно оное духовенство во всѣхъ приходяхъ казеннымъ жалованьемъ или пособіемъ.

Обмѣнявшись мнѣніями по содержанію доклада, епархіальный съѣздъ, принявъ составленный, на основаніи благочинническихъ собраній, списокъ приходовъ епархіи, постановилъ: «Просить и просимъ

усерднѣйше Его Пресвященство войти отъ имени епархіальнаго съѣзда съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ предъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ объ одновременномъ обезпеченіи всѣхъ приходовъ Нижегородской епархіи казеннымъ жалованьемъ». Резолюціей своей преосвящ. Нижегородскій приказалъ изготovitъ ходатайство—представленіе Св. Синоду по содержанию постановленія духовенства. («Нижег. Еп. Вѣд.», №№ 10—16).

Православная миссія въ Камчаткѣ.

Въ настоящее время начальникомъ камчатской духовной миссіи іеромонахомъ Несторомъ уже открыты миссіонерскіе приходы въ Пенжинѣ и Кичинѣ, Гижигинскаго уѣзда, и въ Ново-Маринскѣ, Анадырскаго уѣзда, а въ скоромъ времени будетъ освящена и открыта церковь-часовня на Чукотскомъ носу. Въ недавно освященной о. Несторомъ церкви въ честь св. Іоасафа Бѣлгородскаго въ бухтѣ барона Корфа служба и проповѣди на корякскомъ языкѣ все болѣе и болѣе привлекаютъ инородцевъ въ лоно православной церкви. Вскорѣ же по открытіи этой церкви крестилось около 1000 человекъ коряковъ. Число готовящихся принять крещеніе растетъ съ каждымъ днемъ. Послѣ крещенія инородцы не только оставляютъ свои языческіе обычаи, но носятъ даже русское платье. Отецъ Несторъ открылъ въ той-же бухтѣ школу Камчатскаго братства и пріютъ для дѣтей коряковъ съ отдѣленіями для учащихя, сиротъ и больныхъ. Сообщаютъ, что командированный изъ Кореи во Владивостокъ пресвитеръ американской церкви, глава корейцевъ-пресвитеріанъ, г. Цай, принялъ православіе подъ вліяніемъ бесѣдъ миссіонера священника изъ корейцевъ же,—отца Очай.

Такое блестящее положеніе миссіи даетъ полную надежду и на дальнѣйшій успѣхъ обращенія корейцевъ въ православіе.

Общество изученія древней церковной живописи.

Въ Петербургѣ недавно образовалось новое художественное общество—«общество изученія древней церковной живописи». Новое общество поставило себѣ цѣль собирать древнѣйшіе памятники церковной живописи, историческіе матеріалы, относящіеся къ этому роду искусства, съ тѣмъ, чтобы собранные предметы составили впослѣдствіи особый музей. Общество намѣрено распространить свою дѣятельность также на изданіе особаго печатнаго труда «Исторія церковной живописи». Въ составъ новаго общества вошло много видныхъ академикомъ, художниковъ и зодчихъ.

Уроки по исторіи и обличенію сектантства въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Въ Курскѣ инспекція епархіальнаго женскаго училища, съ благословенія архіепископа Стефана, пригласила миссіонера Г. В. Щелчкова дать воспитанницамъ 6 и 7 классовъ нѣсколько уроковъ по исторіи и обличенію раціоналистическаго сектантства, а главнымъ образомъ толстовства и баптизма, какъ сектъ, особенно распространенныхъ въ Курской губерніи.

Нельзя не привѣтствовать это благое начинаніе. Знакомство съ сектантствомъ, полагаемъ, *необходимо* воспитанницамъ епархіальныхъ училищъ, большинство изъ которыхъ поступаютъ или народными учительницами, или выходятъ замужъ за сельскихъ священниковъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ имъ безусловно приходится сталкиваться съ народомъ, который въ настоящее время переживаетъ «острый духовный переломъ».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Наука трезвости въ русской школѣ.

Комиссія Государственнаго Совѣта, разсматривающая Челышевскій законопроектъ о борьбѣ съ пьянствомъ, обсуждала статью о сообщеніи во веѣхъ начальныхъ, среднихъ и педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ учащимся свѣдѣній о вредѣ, приносимомъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ.

Единогласно было признано необходимымъ введеніе въ учебныхъ заведеніяхъ обязательнаго предмета «науки-трезвости».

По этому поводу исправляющій должность предѣдателя російскаго общества борьбы съ алкоголизмомъ, докторъ А. Л. Мендельсонъ, говоритъ:

— Какъ только члены нашего общества узнали о такомъ постановленіи комисіи Государственнаго Совѣта,—мы стали получать привѣтствія по поводу побѣды, увѣнчавшей давно начатую нами пропаганду въ пользу внѣдренія въ дѣтскую душу убѣжденія о необходимости полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ.

Въ Сѣверной Америкѣ и Англій уже давно наука трезвости со-

ставляетъ обязательный предметъ въ системѣ школьнаго обученія. Во Франціи наука трезвости введена въ школы въ качествѣ обязательнаго предмета нынѣшнимъ президентомъ французской республики Пуанкаре, въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія. Во Франціи сейчасъ существуетъ около 30 учебниковъ трезвости.

У насъ, въ Россіи, первый съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ, засѣдавшій въ Петербургѣ въ концѣ 1909 года, считалъ необходимымъ ввести обязательное преподаваніе началъ трезвости въ низшей и средней школахъ. Всероссийскій съѣздъ практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ, собравшійся осенью 1912 года въ Москвѣ и состоявшій преимущественно изъ представителей духовенства, постановилъ ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы преподаваніе науки трезвости въ возможно скоромъ времени было введено обязательно во всѣ школы всѣхъ вѣдомствъ.

Въ согласіи съ этими взглядами русскаго общества борьбы съ алкоголизмомъ составило учебникъ трезвости для русскихъ учебныхъ заведеній. Разсмотрѣвъ цѣлый рядъ иностранныхъ руководствъ, совѣтъ общества остановилъ свой выборъ на превосходномъ учебникѣ Жюль Дени, принятомъ въ народныхъ школахъ въ французской Швейцаріи, и поручилъ мнѣ редактированіе перевода.

Учебникъ трезвости содержитъ, прежде всего, точно установленныя фактическія данныя, служащія матеріаломъ для преподаванія. Въ то же время книга служитъ пособіемъ для учащихся и для самообразованія.

По выходѣ въ свѣтъ учебникъ былъ нами представленъ въ Петербургскую городскую комиссію по начальному образованію. Комиссія вполне одобрила учебникъ и приобрѣла у насъ 1.200 экземпляровъ для раздачи учащимъ въ городскихъ училищахъ. Виредь до введенія науки трезвости въ качествѣ обязательнаго предмета, учителя и учительницы городскихъ училищъ уже начали сообщать своимъ ученикамъ свѣдѣнія изъ учебника на своихъ урокахъ.

Христіанство и нравственность.

Проф. Форстеръ, бывшій ранѣе сторонникомъ внѣрелигіозной морали, въ интересномъ докладѣ на тему „Религія и характеръ“, читанномъ имъ на международномъ съѣздѣ нравственнаго воспитанія въ Гаагѣ («Отдыхъ Христіанина», 1913, 3), высказываетъ убѣжденіе, что чѣмъ болѣе педагогика занимается конкретной задачей воспитанія характера, т. е. неразгаданной загадкой человѣческаго эгоизма, трагическимъ раздвоеніемъ личности, психологіей искушенія и т. д.,

тѣмъ яснѣе для нея будетъ выступать неизбѣжность и необходимость въ дѣлѣ воспитанія религіознаго вдохновенія и одушевленія, тѣмъ отчетливѣе обрисуется несостоятельность принципа безрелигіозной морали. Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ тотъ фактъ, что ученіе о нравственности можетъ быть обосновано съ точки зрѣнія и естественныхъ, и общественно-экономическихъ, и философскихъ наукъ. Но сторонники безрелигіозной морали упускаютъ изъ виду, что разумное обоснованіе и вдохновеніе—двѣ совершенно различныя вещи; они забываютъ, что то, что живо интересуется умъ, не только не дѣйствуетъ на волю въ томъ же направленіи, но можетъ и расхолаживать ее. Характеръ есть единство и нуждается, поэтому, въ пылкой сосредоточенности религіознаго идеала; характеръ есть побѣда духа надъ природой и нуждается, поэтому, въ вѣрованіи во всемогущаго Духа, Творца неба и земли; характеръ есть незыблемое укрѣпленіе и нуждается, поэтому для своего основанія въ вѣчныхъ непоколебимыхъ истинахъ. Гейне сказалъ, глядя на Антверпенскій соборъ: „Прошлыя времена имѣли догматы, у насъ же лишь мнѣнія, но мнѣнія не способны воздвигнуть подобныхъ храмовъ“. Обосновать нравственность на вѣчныхъ непоколебимыхъ истинахъ, утвердить ее на понятіи Божества, — это значитъ глубоко почувствовать и понять, что законъ нравственности не является данью человѣческому обществу, но что всякое напряженіе воли въ сторону добра возвращаетъ насъ къ источнику нашей духовной природы. Обоснованіе нравственности на религіи есть именно личное обоснованіе нравственности, потому что только такого рода обоснованіе представляетъ самопожертвованіе какъ пріобрѣтеніе истинной жизни. Инстинктивныя влеченія природы человѣка по самому существу своему возмущаются противъ нравственнаго закона,—христіанская же религія проницательнѣйшимъ образомъ наставляетъ человѣка относительно самой сущности истинной жизни и истинной свободы, и подъ ея руководствомъ и вліяніемъ человѣкъ начинаетъ истолковывать и понимать всякую побѣду надъ собой, какъ высшее исполненіе его личной жизни. Христіанская религія одна лишь умѣетъ внѣшнія общественныя требованія примирять съ глубочайшими личными стремленіями къ свободѣ и ограниченіе жизни—съ жаждой жизни; она одна дѣйствительно и жизненно превращаетъ послушаніе въ языкъ свободы; она служитъ для внутренняго объединенія личности и общества. Именно это свойство христіанства имѣетъ въ виду ап. Павелъ, когда говоритъ, что въ христіанствѣ заканчивается рабство закона.

ПРИБРѢТАЙТЕ ЦЕРКОВНУЮ УТВАРЬ ИЗЪ
ПЕРВЫХЪ РУКЪ, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПЕРЕПЛАТЫ
У ВЕЛИЧАЙШЕЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ

Товарищества АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА С-ВЕЙ

Отдѣленіе—магазинъ: ВОРОНЕЖЪ, Большая Московская ул., противъ Духовной Консисторіи.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ:

ВСЯ ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ, ИКОНЫ, КІОТЫ

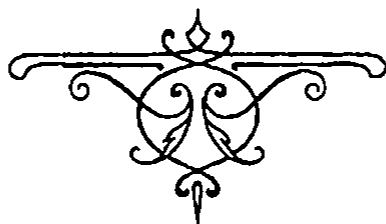
СЕРЕБРЯНАЯ И
МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ парча и священническія облаченія,

А ТАКЖЕ ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ ПО ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ РИСУНКАМЪ НА ВСЕВОЗМОЖНУЮ
ЦЕРКОВНУЮ УТВАРЬ И РЕМОНТЪ СТАРЫХЪ ВЕЩЕЙ, ПОЗОЛОТА, СЕРЕБРЕНІЕ.

Фирма ручается за доброкачественность товара, а также дастъ наставленія какъ обращаться съ утварью и способъ ея чистки.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЯ БЕЗЪ ЗАПРОСА, просимъ посѣтить нашъ магазинъ и убѣдиться на мѣстѣ.

Требуйте нашъ фабричный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ, высылается бесплатно.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-правѣтвенное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова, — „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статья объ антихристѣ“. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руевъ“. Предсвятеннаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.— Проф. П. И. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

====
Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

====
Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истомина. }